

9-й годъ изданія.

ВѢСТНИКЪ ГЕОСОФІИ

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религии выше истины).

7 мая—7 июня.

ПЕТРОГРАДЪ.

1916.

№ 5—6.

Типографія Б. М. Вольфа. Петроградъ, В О., Волховскоѣ пер., 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ

на религиозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

- 1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологій и др. отраслямъ знанія;
- 2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;
- 3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;
- 4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;
- 5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала, по вопросамъ теософіи, психологій и др.;
- 6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8°, не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей А. А. Каменской и Ц. Л. Гельмбольдтъ, при участіи г-жи А. Безантъ, *Alba, H. Анагезой, П. Н. Батюшкова, А. А. Веселовской, М. Ф. Гардениной, А. В. Гардеръ, Н. К. Гернетъ, С. В. Герве, д-ра В. В. Гинце, Даны, Е. Дандре, А. А. Каменской, М. А. Каменской, А. В. Корольковой, Е. М. Кузьмина, В. М. Лалетина, К. К. Латынина, Е. Лубинъ-Геррыкъ, Ю. Ф. Львовой, И. В. Манцарли, А. Г. Молокина, В. А. Молокиной, Н. Н. Павлиновой, Е. Ф. Писаревой (Е. П.), В. Н. Пушкиной, В. И. Рудичъ, М. М. Самохвалова, М. К. Станюковичъ, Д. В. Страндена, С. В. Татариновой, П. И. Тимофеевскаго, Л. М. Тичъ, Н. А. Трофименко (Дмитріевой), А. В. Уиковской, О. М. Фаминциной, Н. И. Эрасси, Эссель и др.*

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія статьи: „Тайная Доктрина“, Е. П. Блаватской, (Извлеченія). „Оккультная химія“, А. Безантъ. „Эзотерическое христіанство“, А. Безантъ (извлеченія). „Скрижали достовѣрности“, Бэа-Улла. „Книга Учителя“, Адамса. Статьи по оккультизму, Ч. Ледбитера. „Чему мы будемъ учиться“, С. Джинараджадаза. „Воспоминанія“, А. Уиковской. „Вѣянія Египта“, Ч. Ледбитера. „Орфическіе гимны“, пер. съ греческаго, Н. Павлиновой. „Письма къ читателю“, „Друга читателя“. Кромѣ того пойдетъ рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакціи по вопросамъ сравнительнаго изученія религій, педагогикѣ, философіи, искусства и др. отдѣламъ.

Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (Іюнь и Іюль) журналъ не выходитъ.

Цѣна 6 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи, за 6 мѣсяцевъ — 3 руб. 50 коп., за 3 мѣсяца — 2 руб. 20 к. Отдѣльный № 75 к. За перемѣну адреса городского на городской—20 к., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской—60 к.

Подписка за границу принимается только годовая: цѣна 10 руб.

Подписка для иногороднихъ только черезъ Контору Редакціи.

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (Петроградъ, Ивановская, 22, кв. 24) ежедневно, кромѣ субботы и праздничныхъ дней, отъ 2—4 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только до 1 января 1916 года.

По дѣламъ редакціи издательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 час. дня.

Отъ Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“.

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати шесть первыхъ брошюръ: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ“. № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій“ (Карма). № 3. Перевоплощеніе. № 4. Сила мысли. № 5. Законы высшей жизни. № 6. Жизнь послѣ смерти. Что такое Теософія?

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникъ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ, не позже перваго числа каждаго мѣсяца.**

Заявленія о неполученіи очереднаго № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 и 1915 года имѣются для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна съ пересылкой по 7 рублей за каждый годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ

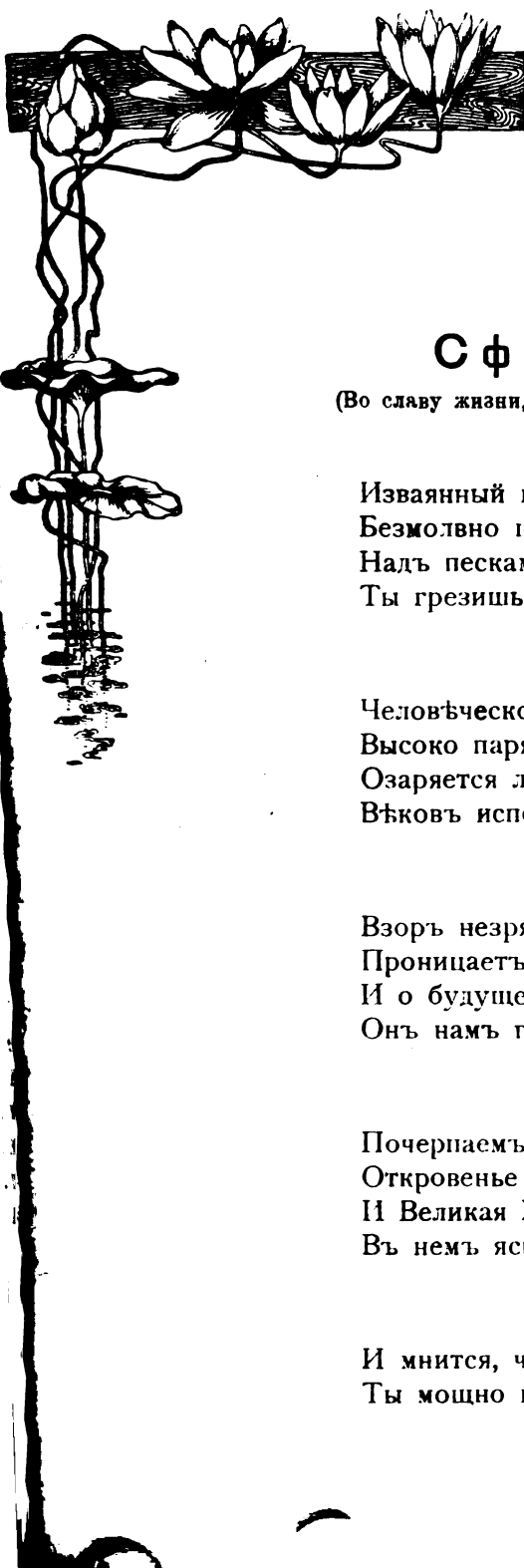
май—іюньской книжки „Вѣстника Теософіи“.

	СТР.
1. Сфинксъ, стихотвореніе, В. Лалетина	7
2. На сторожевомъ посту, А. Каменской	9
3. Человѣкъ—творецъ, В. Пушкиной.	16
<i>Отдѣлъ художественный и біографическій.</i>	
4. Стихотворенія	32
5. Воспоминанія, А. Унковской	33
<i>Отдѣлъ сравнительнаго изученія религій.</i>	
6. Орфическіе гимны, пер. съ греч. Н. Павлиновой	44
7. Скрижали Учителя или египетское ученіе о Свѣтѣ, рожденномъ отъ Матери-Дѣвы, В. Адамса, пер. В. Пушкиной	46
8. Книга Достовѣрности Бэха-Уллы, пер. А. Веселовской	55
<i>Отдѣлъ оккультизма.</i>	
9. Условія небесной жизни, Ч. Ледбитера, пер. Е. Р.	62
10. Кармическія явленія въ свѣтѣ высшаго измѣренія, А. Бибиковой	67

11. Современная наука и вопросъ объ Атлантидѣ, пер. А. Львова.	78
12. Обзорніе теософической литературы, В. Пушкиной	88
13. Хроника теософическаго движенія, Альба	92
14. Отзвуки, Н. Плаксиной.	96
15. Вопросы и отвѣты	101
16. Отзывы о книгахъ, М. Гардениной	104
17. Изъ Тайной Доктрины „Грядущая сила“, Е. П. Блаватской	105

SOMMAIRE de MAI—JUIN.

	Pages.
1. Le sphinx, poésie par V. Laletine	7
2. A l'avant-poste, A. Kamensky	9
3. L'homme-créateur, par B. Poushkine	16
<i>Biographies et lettres.</i>	
4. Deux poésies	32
5. Réminiscences, par A. Ounkovsky	38
<i>Etude comparée des religions.</i>	
6. Hymnes d'Orphée, tr. du grec par N. Pavlinoff	44
7. Livre du Maître, V. Adams tr. par B. Pouschkine.	46
8. Beha-Ulhah (Livre de la certitude) tr. par A. Vesselovsky	55
<i>Occultisme.</i>	
9. Vie celeste, par Leadbeater	62
10. Le Karma à la lumière de la IV dimension, par A. Bibikoff.	67
— — — — —	
11. La science contemporaine et la question de l'Atlantide tr. par. A. Lvoff.	78
12. Revue de la littérature théosophique, par B. Poushkine.	88
13. Chronique du mouvement théosophique, Alba	92
14. Echos, par N. Plackine.	96
15. Questions et reponses (Clé de la Theosophie)	101
16. Bibliographie, par M. Gardenine.	104
17. Doctrine Secrète, par H. Blavatsky.	105

Сфинксъ.

(Во славу жизни, царящей въ камнѣ).

Изваянный изъ камня,
Безмолвно царящій
Надъ песками пустыни,
Ты гредишь одинъ.

* * *

Человѣческой мыслью
Высоко парящей,
Озаряется ликъ твой—
Вѣковъ исполинъ.

* * *

Взоръ незрячихъ очей
Проницаеть былое
И о будущей славѣ
Онъ намъ говорить.

* * *

Почерпаемъ мы въ немъ
Откровенье святое,
И Великая Мудрость
Въ немъ ясно царить.

* * *

И мнится, что тронешь
Ты мощно крылами—

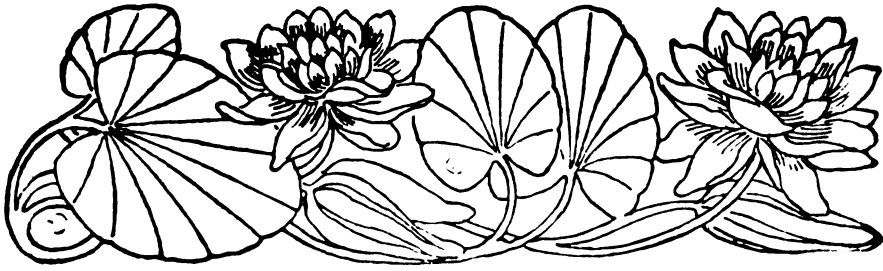
Вознесеть тебя въ высь
Вдохновенный полеть.

* *
* *

Засіяешь—какъ символъ
Священный—предъ нами
И великая тайна
Въ тебѣ вновь оживеть.

В. Лалетинъ.

На сторожевомъ посту.

„Я чистый Лотосъ, выходящій изъ
Лучезарныхъ... Я несу вѣсти Гора.
Я чистый Лотосъ изъ Солнечныхъ
Полей“.

Изъ „Книги Мертвыхъ“.

Восьмого Мая 1891 г. Елена Петровна Блаватская закончила свою миссію на землѣ. Уходя съ физическаго плана, она завѣщала намъ продолжать ея работу, нести дальше тотъ свѣтъ, который мы получили отъ Теософін, и беречь Теософическое Общество, свято храня его традиціи.

Съ тѣхъ поръ прошло 25 года. Теософическое Общество разрослось и расширилось въ огромное международное дерево, которое имѣетъ вѣтви почти во всѣхъ странахъ міра и на обоихъ полушаріяхъ. И трудно повѣрить, что сорокъ лѣтъ тому назадь не существовало ничего еще, въ смыслѣ общественной организаціи, кромѣ маленькаго центра въ Бомбей, гдѣ въ скромномъ, бѣломъ домикѣ Е. П. Блаватская и полковникъ Г. Олькоттъ принимали интересующихся и писали свои лекціи и статьи. Ровно сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ таинственная русская путешественница и американскій общественный дѣятель и журналистъ основались на землѣ Индіи и перенесли изъ Нью-Йорка въ Азію центръ своей теософической дѣятельности. Мы можемъ оцѣнить ихъ энергію и преданность по тому, сколько уже выросло нынѣ живыхъ побѣговъ изъ стараго прекраснаго дерева, и сколько людей зажгли у этого свѣта свои свѣтильники.

Наше Россійское Теософическое Общество уже празднуетъ много лѣтъ день Бѣлаго Лотоса, присоединяясь къ международ-

ному празднику, который въ этотъ день объединяетъ столько сердецъ вокругъ памяти Елены Петровны Блаватской, воскрешая исторію ея крестнаго пути, борьбы, мукъ, трудовъ, ея безграничной вѣры и безпредѣльной любви. И съ этими воспоминаніями встаетъ передъ нами и вся картина историческаго развитія Теософическаго Общества, его возникновенія, разростанія и расширения среди такихъ затрудненій и опасностей, которыя на врядъ-ли когда-нибудь падали на долю какого-нибудь другого Общества.

Помимо всѣхъ внѣшнихъ конфликтовъ, Теософическое Общество еще неизмѣнно встрѣчается съ рядомъ затрудненій психологическаго характера, которыя основаны на разныхъ недоразумѣніяхъ, имѣющихъ свой корень въ неизжитыхъ предразсудкахъ современниковъ, а также въ тѣхъ предубѣжденіяхъ, которыя всегда строятъ раковину вокругъ закристаллизовавшихся воззрѣній. Трудно людямъ вступить на новую ступень и принять новое слово, не оглядываясь назадъ, когда ихъ еще тянетъ къ старымъ, ветхимъ мѣхамъ, и когда интересъ къ новому раскрытію духа не погасилъ еще страстнаго отношенія къ изживающимся формамъ. Поэтому слышатся недоумѣнные вопросы: какимъ путемъ призываетъ Теософія насъ идти на встрѣчу Свѣту: путемъ любви или знанія? И въ связи съ этимъ вопросомъ звучатъ опредѣленные упреки и тревоги.

Первый упрекъ, который приходится слышать чаще всего, это тотъ, что Теософія стремится все провести черезъ сознаніе и что она этимъ гаситъ чудное, мистическое чувство дѣтской вѣры. Слишкомъ много разсуждаетъ и объясняетъ Теософія, слишкомъ много она дѣлетъ знаній. Гдѣ-же любовь? Останется-ли мѣсто для нея въ этой умной философіи, гдѣ все такъ логически обосновано и продумано? И кромѣ того—стремиться все объяснить и освѣтить, не значить-ли это отнять у Религіи поэзію?

Ярко звучитъ этотъ упрекъ въ недавно вышедшей книгѣ Н. Бердіева: „Смысль творчества“.

„Наукообразная философія хотѣла-бы поставить доказательство на мѣсто познавательной любви, во всемъ и всегда она требуетъ доказательствъ, что истина познавательной любви есть лучшая и единственная истина... Доказательство есть необходимость въ дискурсивномъ мышленіи—приспособленіе къ необходимости въ міровой данности. Въ доказательствѣ нѣтъ творческаго акта... Зависимость отъ доказательствъ есть рабская за-

висимость... Философія предполагаетъ общеніе на почвѣ началь-ныхъ и конечныхъ интуицій, а не срединныхъ доказательствъ дискурсивной мысли... (стр. 41) И далѣе:

„Стремленіе къ научности, къ наукообразности охватило не только философію, но и теософію. Современное теософическое движеніе пропитано той несчастной мыслью, что религія и мистика есть наукообразное знаніе. Старый гностицизмъ возрождается въ наукообразной формѣ“. (стр. 49).

Свою мысль авторъ иллюстрируетъ положеніями Р. Штейнера, въ которомъ онъ видитъ типичнаго представителя современной теософіи, и который остается въ сферѣ наукообразнаго натурализма. О научной теософіи, по его мнѣнію, не можетъ быть рѣчи, ибо въ теософіи должна быть „свобода отъ естества“. Теософія есть высшее искусство, а не наука.

Съ другой стороны Н. Бердяевъ не понимаетъ и не можетъ признать факта существованія древней мудрости. Ему кажется, что въ свѣтѣ Теософіи вся задача жизни сводится къ усвоенію этой древней мудрости.

„Древняя мудрость—предѣлъ стремленія для нынѣшняго человѣка. Въ мірѣ не можетъ быть эпохи, превышающей всѣ достиженія древней мудрости и древнихъ мудрецовъ. Само христіанство дѣлается понятнымъ лишь въ свѣтѣ мудрости Индіи... Творческаго прироста мудрости въ мірѣ нѣтъ...“

Авторъ считаетъ эту форму оккультнаго сознанія „религіозно реакціонной, обращенной назадъ и враждебной творчеству“ (стр. 306—7). Онъ приходитъ въ выводу, что оккультизмъ лежитъ „въ религіознаго откровенія и въ религіозной благодати“. (idem).

Въ книгѣ много есть подобныхъ недоразумѣній, которыя особенно поражаютъ послѣ пламеннаго гимна творчеству жизни, ибо авторъ провозглашаетъ теургію основной проблемой нашей эпохи. „Теургія преодолеваетъ трагедію творчества, направляетъ творческую энергію на жизнь новую. Въ теургіи слово становится плотью. Въ теургіи искусство становится властью... Теургія есть дѣйствіе человѣка совмѣстное съ Богомъ,—богодѣйство, богочеловѣческое творчество“... (стр. 241). Авторъ совершенно проглядѣлъ и вдохновенную силу Теософіи и призываетъ ея къ активному творчеству жизни. Онъ не понялъ всего значенія эволюціоннаго процесса, который, при высочайшемъ напряженіи человѣческаго духа, постепенно выполняетъ планъ Божій и выявляетъ тѣ божественныя силы, которыя въ немъ

заложены. Онъ не почувствовать всю безбрежность духовныхъ горизонтовъ, которые раскрываетъ передъ нами Е. Блаватская и къ которымъ такъ вдохновенно призываетъ А. Безантъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ того не замѣчая, онъ уже получилъ толчокъ мысли отъ соприкосновенія съ Теософіей. Сознательно онъ еще только признаетъ серьезность поставленной философской проблемы о челоѣкѣ, но бессознательно онъ уже вдохновляется призывомъ Духа съ высотъ и поетъ гимнъ теургій...

Въ книгѣ Н. Бердяева, какъ въ яркомъ фокусѣ, сконцентрировалось много мыслей и настроеній, скопившихся въ сознаниіи русскаго общества въ связи съ развитіемъ міроваго теософическаго движенія и поэтому она заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Совершенно иной характеръ носить упреки, раздающіеся изъ сферы другого типа богоискателей, которые считаютъ, что теософическое движеніе слишкомъ религіозно по своему настроенію, что оно слишкомъ много занимается этикой и вопросами духовными и слишкомъ мало наукой. Почему дается такъ много значенія творческой силѣ любви? Почему культивируется благоговѣйное отношеніе къ тайнамъ жизни, смерти и воскресенія? Отчего такъ много говорить о рожденіи интуиціи и придають такъ мало значенія земному интеллекту и дискурсивному методу мышленія? Не обезцѣнивается ли такимъ образомъ интеллектъ? Не отвергаются ли знаніе и наука? Не увлекается ли Теософія чрезмѣрно культурой новыхъ, высокихъ состояній сознания, забывая о потребностяхъ нашего земнаго разума?

Такого рода упреки не могутъ не вызвать улыбки, когда они обращены къ Обществу, которое непрерывно занимается философіей и сравнительнымъ изученіемъ религіи, и которое пытается освѣтить свѣтомъ новыхъ озареній самая трудная и запутанная проблема духа. Еще болѣе поражаютъ они въ сопоставленіи съ упреками первой категоріи. Такъ диаметрально противоположны эти упреки, что становится сразу ясной вся ихъ несостоятельность.

Что такое Теософія? Это божественная мудрость, которая есть знаніе и любовь. Это не есть одно знаніе (научнообразная философія) и не есть культура одной любви (отказъ отъ знанія во имя религіозности): это есть то и другое, т.-е. мудрость. Это знамя, которое поднимаетъ Теософія, то новое слово, которое она несетъ въ міръ. Она провозглашаетъ во всеуслышаніе, что отнынѣ пути любви и знанія не должны болѣе расходиться, что

знаніе должно быть окрылено любовью, а любовь дополнена знаніемъ и что это сляніе даетъ мудрость. Только мудрость можетъ строить истинную жизнь, ибо ей дано познавать Бога и въ ней живетъ сила творческой любви. Знаніе безъ любви ведетъ къ вѣшной, варварской культурѣ. Любовь безъ знанія можетъ увести отъ пониманія жизни со всѣми ея многогранными запросами. Нужны знаніе и любовь, нужна мудрость, рождающаяся отъ Теософіи. Это и есть новый, третій Завѣтъ, откровение Духа, которое должно синтезировать начало разума и начало любви, примирить въ единомъ теургическомъ актѣ отъ вѣка расходившіяся линіи интеллекта и сердца. Непримиримой остается одна лишь двойственность: эта трагическая борьба высшаго центра человѣка съ его низшимъ. И эта послѣдняя борьба завершится конечной побѣдой Духа, самосіяющаго Атмана, въ свѣтѣ котораго разсѣются всѣ бури и сомнѣнія. На пути высшихъ достижений совершится эта побѣда. На Востокѣ просвѣтленный именуется „побѣдившимъ свою двойственность“ и „дважды рожденнымъ“. Побѣдившій становится господиномъ стихій, ему одинаковы подчинены и тамасъ, и раджасъ, которые сливаясь на высшемъ планѣ, претворяются въ „ритмѣ саттвы, ритмѣ боговъ“. И тогда глубокой, мелодичной, сильный и нѣжный ритмъ осуществленной гармоніи озаряетъ всю работу побѣдившаго и облекаетъ всю жизнь просвѣтленнаго особымъ, чудеснымъ свѣтомъ, котораго не могутъ не видѣть прозрѣвшіе. „Побѣдившему я дамъ бѣлыя одежды“, говоритъ Іоаннъ.

Но способенъ-ли мѣръ слѣпой видѣть и воспринимать этотъ свѣтъ?

Недавно вышла любопытная книга (Третій Завѣтъ, Н. Шмидтъ), плодъ самобытныхъ русскихъ исканій на почвѣ православной мистики. Есть въ книгѣ много странностей, но есть и много интереснаго и цѣннаго. Несомнѣнно одно: авторъ обладалъ ясновидѣніемъ и видѣлъ ауру людей и ихъ мыслеобразы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ даетъ настоящее обоснованіе оккультизму. И приходитъ къ чисто теософическимъ выводамъ:

„Всякая идея, исходящая изъ духа, имѣетъ то свойство, что посредствомъ свѣтовыхъ выдѣленій духа и самаго тѣла распространяется невидимо повсюду на землѣ и можетъ сообщаться и такимъ людямъ, которые ушами плоти своей никогда не слышали о ней.

Лучи духовнаго свѣта, вмѣстѣ съ плотскими лучами проникая въ нихъ отъ другихъ людей черезъ пространство, безъ

Отъ Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“.

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати шесть первыхъ брошюръ: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ“. № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій“ (Карма). № 3. Перевоплощеніе. № 4. Сила мысли. № 5. Законы высшей жизни. № 6. Жизнь послѣ смерти. Что такое Теософія?

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникъ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ, не позже перваго числа каждаго мѣсяца.**

Заявленія о неполученіи очереднаго № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 и 1915 года имѣются для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна съ пересылкой по 7 рублей за каждый годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ

май—іюньской книжки „Вѣстника Теософій“.

	СТР.
1. Сфинксъ, стихотвореніе, В. Лалетина	7
2. На сторожевомъ посту, А. Каменской	9
3. Человѣкъ—творецъ, В. Пушкиной.	16
<i>Отдѣлъ художественный и біографическій.</i>	
4. Стихотворенія	32
5. Воспоминанія, А. Унковской	33
<i>Отдѣлъ сравнительнаго изученія религій.</i>	
6. Орфическіе гимны, пер. съ греч. Н. Павлиновой	44
7. Скрижали Учителя или египетское ученіе о Свѣтѣ, рожденномъ отъ Матери-Дѣвы, В. Адамса, пер. В. Пушкиной	46
8. Книга Достовѣрности Бѣха-Уллы, пер. А. Веселовской	55
<i>Отдѣлъ оккультизма.</i>	
9. Условія небесной жизни, Ч. Ледбитера, пер. Е. Р.	62
10. Кармическія явленія въ свѣтѣ высшаго измѣренія, А. Бибиковой	67
<hr/>	
11. Современная наука и вопросъ объ Атлантидѣ, пер. А. Львова.	78
12. Обзоръ теософической литературы, В. Пушкиной	88
13. Хроника теософическаго движенія, Алба	92
14. Отзвуки, Н. Плаксиной.	96
15. Вопросы и отвѣты	101
16. Отзыви о книгахъ, М. Гардениной	104
17. Изъ Тайной Доктрины „Грядущая сила“, Е. П. Блаватской	105

SOMMAIRE de MAI—JUIN.

	Pages.
1. Le sphinx, poésie par V. Laletine	7
2. A l'avant-poste. A. Kamensky	9
3. L'homme-createur, par B. Poushkine	16
<i>Biographies et lettres.</i>	
4. Deux poesies	32
5. Rémiscences, par A. Ounkovsky	38
<i>Etude comparée des religions.</i>	
6. Hymnes d'Orphée, tr. du grec par N. Pavlinoff	44
7. Livre du Maître, V. Adams tr. par B. Pouschkiné.	46
8. Beha-Ulhah (Livre de la certitude) tr. par A. Vesselovsky	55
<i>Occultisme.</i>	
9. Vie celeste, par Leadbeater	62
10. Le Karma à la lumière de la IV dimension, par A. Bibikoff.	67
/	
11. La science contemporaine et la question de l'Atlantide tr. par. A. Lvoff.	78
12. Revue de la littérature théosophique, par B. Pouschkiné.	88
13. Chronique du mouvement théosophique, Alba	92
14. Echos, par N. Plakine.	96
15. Questions et reponses (Clé de la Theosophie)	101
16. Bibliographie, par M. Gardenine.	104
17. Doctrine Secrète, par H. Blavatsky.	105

Сфинксъ.

(Во славу жизни, царшей въ камнѣ).

Изваянный изъ камня,
Безмолвно парящій
Надъ песками пустыни,
Ты гредишь одинъ.

* * *

Человѣческой мыслью
Высоко парящей,
Озаряется ликъ твой—
Въковъ исполинъ.

* * *

Взоръ незрячихъ очей
Проницаеть былое
И о будущей славѣ
Онъ намъ говорить.

* * *

Почерпаемъ мы въ немъ
Откровенье святое,
И Великая Мудрость
Въ немъ ясно царить.

* * *

И мнится, что тронешь
Ты мощно крылами—

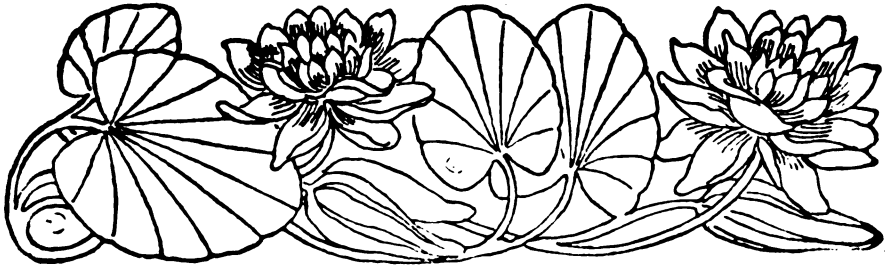
Вознесеть тебя въ высь
Вдохновенный полеть.

* * *

Засіяешь—какъ символъ
Священный—предъ нами
И великая тайна
Въ тебѣ вновь оживеть.

В. Лалетинъ.

На сторожевомъ посту.

„Я чистый Лотосъ, выходящій изъ
Лучезарныхъ... Я несу вѣсти Гора.
Я чистый Лотосъ изъ Солнечныхъ
Полей“.

Изъ „Книги Мертвыхъ“.

Восьмого Мая 1891 г. Елена Петровна Блаватская закончила свою миссію на землѣ. Уходя съ физическаго плана, она завѣщала намъ продолжать ея работу, нести дальше тотъ свѣтъ, который мы получили отъ Теософін, и беречь Теософическое Общество, свято храня его традиціи.

Съ тѣхъ поръ прошло 25 года. Теософическое Общество разрослось и расширилось въ огромное международное дерево, которое имѣетъ вѣтви почти во всѣхъ странахъ міра и на обоихъ полушаріяхъ. И трудно повѣрить, что сорокъ лѣтъ тому назадъ не существовало ничего еще, въ смыслѣ общественной организаціи, кромѣ маленькаго центра въ Бомбей, гдѣ въ скромномъ, бѣломъ домикѣ Е. П. Блаватская и полковникъ Г. Олькоттъ принимали интересующихся и писали свои лекціи и статьи. Ровно сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ таинственная русская путешественница и американскій общественный дѣятель и журналистъ основались на землѣ Индіи и перенесли изъ Нью-Йорка въ Азію центръ своей теософической дѣятельности. Мы можемъ оцѣнить ихъ энергію и преданность по тому, сколько уже выросло нынѣ живыхъ побѣговъ изъ стараго прекраснаго дерева, и сколько людей зажгли у этого свѣта свои свѣтильники.

Наше Россійское Теософическое Общество уже празднуетъ много лѣтъ день Бѣлаго Лотоса, присоединяясь къ международ-

ному преданию, который въ этотъ день объединяетъ столько силъ и энергии пакеты Елены Петровны Блаватской, воскрешая въ насъ ее предельно чуждую борьбу, муку, трудовъ, ее безграничную веру и безраздельную любовь. И съ этими воспоминаніями войти въ жизнь свою и все грядущее историческаго развитія Теософическаго Общества его возникновенія, разростанія и расширенія предъ тысячу затрудненій и опасностей, которыя на врядъ ли найдутся въ жизни на томъ какому-нибудь другому Обществу.

Покаже еще не возникли конфликты, Теософическое Общество еще разумно въривается съ рядомъ затрудненій сложнаго характера, которыя основаны на разныхъ недоразумѣніяхъ, возникающихъ своей коюю въ неизжитыхъ предразсудкахъ субъективнаго, а также въ тѣхъ предубѣжденіяхъ, которыя всегда стоятъ развитію вокругъ закристаллизованныхъ воззрѣній. Трудно людямъ вступить на новую ступень и принять новое слово, не оглядываясь назадъ, когда ихъ еще тянетъ къ старымъ, великимъ мѣстамъ, и когда интересъ къ новому раскрытію духа не погасилъ еще страстнаго отношенія къ изживающимся формамъ. Писерому слышатся недоумѣнные вопросы: какою путемъ призываетъ Теософія насъ идти на встрѣчу Свѣту? какою путемъ добивать для знанія? И въ связи съ этимъ вопросомъ звучать опредѣленные упреки и тревоги.

Первый упрекъ, который приходится слышать чаще всего, это то, что Теософія стремится все провести черезъ сознаніе и что она этимъ гаситъ чудное, мистическое чувство дѣтской вѣры. Слишкомъ много разсуждаетъ и объясняетъ Теософія, слишкомъ много она даетъ знаній. Гдѣ-же любовь? Останется-ли мѣсто для нея въ этой умной философіи, гдѣ все такъ логически обосновано и продумано? И кромѣ того—стремиться все объяснить и освѣтить, не значить-ли это отнять у Религіи поэзію?

Ярко звучитъ этотъ упрекъ въ недавно вышедшей книгѣ Н. Бердяева: „Смѣль творчества“.

Наукообразная философія хотѣла-бы поставить доказательство на мѣсто познавательной любви, во всемъ и всегда она требуетъ доказательствъ, что истина познавательной любви есть лучшая и единственная истина... Доказательство есть необходимость въ дискурсивномъ мышленіи—приспособленіе къ необходимости въ міровой данности. Въ доказательствѣ нѣтъ творческаго акта... Зависимость отъ доказательствъ есть рабская за-

висимость... Философія предполагаетъ общеніе на почвѣ начальныхъ и конечныхъ интуицій, а не срединныхъ доказательствъ дискурсивной мысли... (стр. 41) И далѣе:

„Стремленіе къ научности, къ наукообразности охватило не только философію, но и теософію. Современное теософическое движеніе пропитано той несчастной мыслью, что религія и мистика есть наукообразное знаніе. Старый гностицизмъ возрождается въ наукообразной формѣ“. (стр. 49).

Свою мысль авторъ иллюстрируетъ положеніями Р. Штейнера, въ которомъ онъ видитъ типичнаго представителя современной теософіи, и который остается въ сферѣ наукообразнаго натурализма. О научной теософіи, по его мнѣнію, не можетъ быть рѣчи, ибо въ теософіи должна быть „свобода отъ естества“. Теософія есть высшее искусство, а не наука.

Съ другой стороны Н. Бердяевъ не понимаетъ и не можетъ признать факта существованія древней мудрости. Ему кажется, что въ свѣтѣ Теософіи вся задача жизни сводится къ усвоенію этой древней мудрости.

„Древняя мудрость — предѣлъ стремленія для нынѣшняго человѣка. Въ мірѣ не можетъ быть эпохи, превышающей всѣ достиженія древней мудрости и древнихъ мудрецовъ. Само христіанство дѣлается понятнымъ лишь въ свѣтѣ мудрости Индіи... Творческаго прироста мудрости въ мірѣ нѣтъ...“

Авторъ считаетъ эту форму оккультнаго сознанія „религіозно реакціонной, обращенной назадъ и враждебной творчеству“ (стр. 306—7). Онъ приходитъ въ выводъ, что оккультизмъ лежитъ „вънѣ религіознаго откровенія и вънѣ религіозной благодати“. (idem).

Въ книгѣ много есть подобныхъ недоразумѣній, которыя особенно поражаютъ послѣ пламеннаго гимна творчеству жизни, ибо авторъ провозглашаетъ теургію основной проблемой нашей эпохи. „Теургія преодолеваетъ трагедію творчества, направляетъ творческую энергію на жизнь новую. Въ теургіи слово становится плотью. Въ теургіи искусство становится властью... Теургія есть дѣйствіе человѣка совмѣстное съ Богомъ,—богодѣйство, богочеловѣческое творчество“... (стр. 241). Авторъ совершенно проглядѣлъ и вдохновенную силу Теософіи и призывъ ея къ активному творчеству жизни. Онъ не понялъ всего значенія эволюціоннаго процесса, который, при высочайшемъ напряженіи человѣческаго духа, постепенно выполняетъ планъ Божій и выявляетъ тѣ божественныя силы, которыя въ немъ

знаніе должно быть окрылено любовью, а любовь дополнена знаніемъ и что это сляніе даетъ мудрость. Только мудрость можетъ строить истинную жизнь, ибо ей дано познавать Бога и въ ней живетъ сила творческой любви. Знаніе безъ любви ведетъ къ внѣшней, варварской культурѣ. Любовь безъ знанія можетъ увести отъ пониманія жизни со всѣми ея многогранными запросами. Нужны знаніе и любовь, нужна мудрость, рождающаяся отъ Теософіи. Это и есть новый, третій Завѣтъ, откровеніе Духа, которое должно синтезировать начало разума и начало любви, примирить въ единомъ теургическомъ актѣ отъ вѣка расходившіяся линіи интеллекта и сердца. Непримируемой остается одна лишь двойственность: эта трагическая борьба высшаго центра челоуѣка съ его низшимъ. И эта послѣдняя борьба завершится конечной побѣдой Духа, самосіяющаго Атмана, въ свѣтѣ котораго разсѣются всѣ бури и сомнѣнія. На пути высшихъ достижений совершится эта побѣда. На Востокѣ просвѣтленный именуется „побѣдившимъ свою двойственность“ и „дважды рожденнымъ“. Побѣдившій становится господиномъ стихій, ему одинаковы подчинены и тамасъ, и раджаъ, которые сливаясь на высшемъ планѣ, претворяются въ „ритмѣ саттвы, ритмѣ боговъ“. И тогда глубокой, мелодичной, сильный и нѣжный ритмъ осуществленной гармоніи озаряетъ всю работу побѣдившаго и облекаетъ всю жизнь просвѣтленнаго особымъ, чудеснымъ свѣтомъ, котораго не могутъ не видѣть прозрѣвшіе. „Побѣдившему я дамъ бѣлыя одежды“, говоритъ Іоаннъ.

Но способны-ли мѣръ слѣпой видѣть и воспринимать этотъ свѣтъ?

Недавно вышла любопытная книга (Третій Завѣтъ, Н. Шмидтъ), плодъ самобытныхъ русскихъ исканій на почвѣ православной мистики. Есть въ книгѣ много странностей, но есть и много интереснаго и цѣннаго. Несомнѣнно одно: авторъ обладалъ ясновидѣніемъ и видѣлъ ауру людей и ихъ мыслеобразы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ даетъ настоящее обоснованіе оккультизму. И приходитъ къ чисто теософическимъ выводамъ:

„Всякая идея, исходящая изъ духа, имѣетъ то свойство, что посредствомъ свѣтовыхъ выдѣленій духа и самаго тѣла распространяется невидимо повсюду на землѣ и можетъ сообщаться и такимъ людямъ, которые ушами плоти своей никогда не слышали о ней.

Лучи духовнаго свѣта, вмѣстѣ съ плотскими лучами проникая въ нихъ отъ другихъ людей черезъ пространство, безъ

словъ заносятъ въ духъ ихъ тѣ мысли и чувства, которыя присуши идеямъ, невѣдомымъ и неслыханнымъ имъ, и, подъ вліяніемъ ихъ, измѣняется душа ихъ и, вслѣдствіе этого, весь духъ ихъ.

Они начинаютъ воспринимать образъ мыслей, воззрѣнія, способъ чувствовать людей, далекихъ отъ нихъ и мѣстомъ, и жизнью, и вѣрой и, не зная причины, ощущаютъ послѣдствія ея, не слыхавъ объ ученіи, уподобляются ученикамъ его.

Потому достаточно, чтобъ гдѣ-нибудь въ мірѣ существовала истинная вѣра и истинно святая жизнь, для того, чтобъ и не принадлежащіе къ этой вѣрѣ, но способные по природѣ своего духа воспринять ея духъ, невидимо пропитались ея благотворнымъ вліяніемъ, черезъ лучи свѣтовыхъ выдѣленій носителей ея; и все, что ни дѣлается въ мірѣ добраго и святого, дѣлается посредствомъ истинной вѣры и идетъ съ того мѣста земли, гдѣ она сосредоточена, такъ что невидимыя вѣянія ея помогаютъ и не принадлежащимъ къ ней сохранить, насколько это возможно, безъ полнаго знанія ея, неискаженный чистый образъ своего духа, такой, какимъ они отъ Бога получили его; и чѣмъ обильнѣе плоды такой вѣры въ мѣстѣ ея нахождения, чѣмъ ярче свѣтъ ея въ жизни носителей ея, тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ лучи ихъ вдаль, во всѣхъ концахъ земли, и тѣмъ легче врываються въ души человѣческія". (стр. 117).

Если такъ, то слѣдуетъ-ли печалиться враждебнымъ непониманіемъ міра? Вражда и непониманіе всегда будутъ удѣломъ піонеровъ Духа, пока весь міръ не поднимется соборно на новую ступень сознанія, но работа и подвигъ мудрыхъ творятъ новую жизнь, а это одно только и важно. Какъ Е. П. Блаватская была живымъ щитомъ, на который направлялись всѣ стрѣлы и камни, такъ должны быть имъ и тѣ, которые имѣютъ дерзновеніе идти за нею. Божественный призывъ Учителей Мудрости и Состраданія раздается съ вершинъ, и слышится голосъ, подобный таинственному шопоту горныхъ водъ: „Кто готовъ служить Мнѣ, забывъ себя?“

Услышавшіе этотъ голосъ больше себѣ не принадлежать и ничто больше не можетъ ихъ смутить или утратить. Они знаютъ, что непониманіе есть невѣдѣніе, а страданіе есть выкупъ за право разсѣивать невѣдѣніе. Съ радостью принимаютъ они терновый вѣнецъ для себя за счастье передавать цвѣты божественной мудрости тоскующему человѣчеству. Они „вѣст-

ники Горуса“, они несутъ свѣтъ отъ „Солнечныхъ полей“, они видѣли расцвѣтъ „чистаго Лотоса, выходящаго изъ Лучезарныхъ“.

А. Каменская.

Гимнъ Сыну (Отцу).

Господь, владыка боговъ, единый великій на небѣ и на землѣ...

Милосердый, милостивый Отецъ, въ рукахъ котораго жизнь всей земли. Владыка, божество твое—какъ далекое небо, какъ широкое море, полно благолѣпія. Создавшій землю, основавшій храмы и наименовавшій ихъ, отецъ, родитель боговъ и людей, призывающій къ царствованію, вручающій скипетръ, устанавливающій судьбы на долгіе дни. Могучій вождь, сокровенную судьбу котораго не изслѣдовалъ никакой богъ.

Быстрый, колѣна котораго неутомимы, который открываетъ путь богамъ, своимъ братьямъ, который отъ основанія неба до зенита проходитъ, сіяя, и отверзаетъ врата неба, посылаетъ свѣтъ всѣмъ людямъ, отецъ, виновникъ бытія всего.

Владыка, рѣшающій судьбы неба и земли, повелѣніе котораго неотмѣнимо, который держитъ холодъ и жаръ, управляетъ живыми существами, какой богъ тебѣ подобенъ? Кто великъ на небѣ? Ты единъ. А на землѣ кто великъ?

Изреч. изъ древне-вавилонскихъ св. Писаній.

Человѣкъ—Творецъ.

Видѣ эпиграфа предпошлемъ старія какъ мѣръ слова: „Познай самого себя“. Они столько разъ повторялись въ теченіе многихъ вѣковъ, что содержаніе ихъ какъ бы выдохлось и человѣчество забыло, что они заключаютъ въ себѣ истину, на которой стоитъ мѣръ и сооружается зданіе человѣческой эволюціи. Но пора намъ вспомнить эти слова и вдуматься въ ихъ истинный смыслъ, памятуя, что если они пережили безчисленный рядъ вѣковъ—это вѣрный признакъ того, что они содержатъ вѣчныя цѣнности.

Познать самого себя значитъ понять свое мѣсто во Вселенной, соотношеніе между высшими и низшими мірами, точку отправленія и цѣль эволюціи, свои возможности и ограниченія, взаимодѣйствіе между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ и т. д.

Въ сути своей Вселенная есть проявленный Богъ, облеченный въ одѣяніе матеріи. Въ силу полноты Своего бытія Богъ есть Творецъ. Онъ не можетъ не творить, подобно тому, какъ переполненная чаша не можетъ не излиться наружу, поэтому первое дѣйствіе Бога, вытекающее изъ самой сути Его, есть творчество. Существованіе Вселенной обусловливается неустаннымъ творчествомъ проявленнаго Бога. Это—огонь, поддерживающій ея горѣніе. Потухни онъ на мгновеніе и Вселенная рассыпалась бы въ прахъ.

Вселенная,—макрокосмъ, всецѣло отражается въ человѣкѣ—микрокосмъ, или иначе—человѣкъ есть зеркало Вселенной. Въ сути своей онъ есть частица Божества, облеченная въ матерію и обладающая въ потенціи всей полнотой Его бытія и главная

функція его, вытекающая изъ этого единства съ Богомъ, есть творчество. Огнемъ его творчества поддерживается его жизнь и безъ творчества онъ не могъ бы существовать ни въ высшихъ, ни въ низшихъ мірахъ. Итакъ законъ творчества есть законъ жизни вообще и въ частности существованія Вселенной и человѣка.

Онъ стоитъ въ непосредственной связи съ другимъ основнымъ закономъ, управляющимъ жизнью Вселенной—съ закономъ причинъ и послѣдствій, согласно которому всякое движеніе въ бытіи есть послѣдствіе какой-нибудь причины и вмѣстѣ съ тѣмъ причина дальнѣйшихъ послѣдствій—сѣмя даетъ цвѣтокъ, и цвѣтокъ даетъ сѣмя—въ силу чего и составляется кругъ проявленной вѣчности,—всякая причина, разъ приведенная въ движеніе, дѣйствуетъ, пока не истощится вложенная въ нее динамическая сила.

Третій законъ, дополняющій собой два вышеуказанныхъ, заключается въ томъ, что Вселенная содержитъ въ себѣ все сущее и ничто не можетъ исчезнуть изъ нея, выпасть, такъ сказать, изъ круга ея проявленія.

Итакъ въ основу нашихъ разсужденій положимъ три закона:

1. Законъ творчества.
2. Законъ причинъ и послѣдствій.
3. Законъ сохраненія всѣхъ проявленій въ кругѣ, замыкающемъ ихъ.

Результатомъ этихъ трехъ законовъ является эволюція, которая въ сути своей есть процессъ творчества. Нить эволюціи проходитъ черезъ всѣ области бытія и каждая изъ нихъ составляетъ свой цѣльный, законченный міръ, въ предѣлахъ котораго соотвѣтственное ему звено іерархической цѣпи исчерпываетъ до конца всѣ вложенныя въ него творческія возможности. И переходъ изъ одной области въ другую обуславливается полнымъ использованіемъ этихъ творческихъ возможностей. Такъ, переходъ изъ минеральнаго царства въ растительное совершается тогда, когда Монада данной групповой души исчерпала весь творческій активъ въ данномъ кругѣ проявленія, всѣ творческія комбинаціи, возможныя при помощи сознанія, дѣйствующаго въ минеральномъ царствѣ. Непобѣдимое стремленіе къ новому, высшему типу творчества прорываетъ кругъ проявленій даннаго царства и Монада переходитъ въ слѣдующее, растительное царство, гдѣ возможности творчества шире и богаче. Исчерпавъ

ЕЩЕ И ДАВНО ДО КОНЦА групповая душа къ своему дальнѣйшему развитію съдѣлалами преобразуетъ кругъ проявленій въ этомъ царствѣ и переходитъ въ животное царство, гдѣ она продолжаетъ свое творчество въ тѣхъ же условіяхъ. Оттуда она напоромъ творческаго импульса выносится въ человѣческое царство и здѣсь начинается работа индивидуальнаго творчества, въ извѣстной своей стадіи и въ старшей определенной характеръ.

Человѣкъ въ своемъ царствѣ—творецъ и творцомъ онъ долженъ себя считать, если хочетъ жить не слѣпо, а съ открытыми глазами. И съ той минуты какъ онъ, дѣйствительно созидаетъ что-то свое, характеръ, мысли, вся жизнь—лишь мягкая глина въ его творческихъ рукахъ, онъ самъ овладѣваетъ своей эволюціей и, сотворивъ въ человѣческомъ царствѣ все ему доступное, переходитъ въ сверхчеловѣческое, а затѣмъ все выше и выше, на ступени, находящаяся за гранью самыхъ широкихъ человѣческихъ горизонтовъ, пока онъ не достигаетъ, наконецъ, полнаго развѣта своего сознанія. Такимъ образомъ эволюцію можно формулировать, какъ *актъ творчества*, какъ развитіе творческаго начала, которое растетъ вмѣстѣ съ сознаніемъ, охватывая все болѣе и болѣе обширное поле дѣятельности и достигая, наконецъ, своей кульминаціонной точки.

Вернемся теперь къ человѣку, какъ къ единицѣ во Вселенной, обладающей всѣми потенціальностями, заложенными въ ней. Ему дано заданіе развить свое сознаніе, а слѣдовательно, и творчество до предельной возможности; даны и условія, при которыхъ онъ долженъ выполнить это заданіе: законъ творчества, законъ кинематическаго и законъ сохранения энергии,—и матеріалъ, съ помощью котораго онъ долженъ работать: элементарная эссенція разлитая въ атомы и въ сочетаніяхъ своихъ дающая физическіе, астральныя и ментальныя атомы.

Для того, чтобы сознать себя творцомъ, человѣкъ долженъ понять свое мѣсто во Вселенной, какъ звено одной цѣпи. Мы склонны представлять себя стоящими отдѣльно отъ міра, особнякомъ отъ него и какъ зрители наблюдающими за жизнью міра и видимыхъ и невидимыхъ существъ, населяющихъ его, составляя іерархическую цѣпь. Между тѣмъ человѣку чрезвычайно важно сознать, что онъ самъ есть іерархія, т. е. что онъ составляетъ необходимое звено въ іерархической цѣпи, одушевленной одной, общей жизнью. Всѣ царства природы непрерывно нанизаны на одну золотую нить бытія, какъ жемчуга въ ожерельи и на одна жемчужина не можетъ вынестись изъ ожерелья и лечь особня-

комъ. Братство и единство не есть ни прекрасная мечта, ни свѣтлый идеаль, а фактъ уже совершившійся отъ начала времени и обнимающій всю скалу бытія. Осознаніе непреложной и безусловной нашей связи съ царствами, лежащими и ниже и выше насъ, въ силу внутренней, животрепещущей нити, проходящей черезъ все планы бытія, выясняетъ присутствіе въ насъ дѣйствительнаго творческаго начала.

Творчество есть сила, не знающая отдыха. Человѣкъ творить неустанно день и ночь во все свои жизни и на всехъ доступныхъ ему планахъ. Мы каждымъ нашимъ движеніемъ, каждымъ чувствомъ, каждой мыслью производимъ опредѣленные результаты въ мірахъ, среди которыхъ мы живемъ и, какъ сказано въ „Оккультномъ Мірѣ“ Синвета: „Мы непрерывно населяемъ наше русло въ жизни опредѣленными, живыми формами, обладающими тою степенью интенсивности и жизнеспособности, какую мы ихъ снабжаемъ. Они составляютъ нашу свиту въ жизни—свиту собственнаго созданія и собственнаго выбора и отъ насъ зависитъ сдѣлать ее мрачной—опричиной или ангеломъ свѣта, охраняющимъ насъ самихъ и всехъ, окружающихъ насъ. Эта свита часто мѣняется, но ни одинъ элементъ, входившій хотя бы короткое время въ ее составъ, не исчезаетъ безслѣдно, а дезинтегрируясь, оставляетъ по себѣ свою сущность, свое зерно, которое послѣ пребыванія Эго въ раю, ожидаетъ его у порога при обратномъ шествіи его въ земную жизнь. Изъ такихъ зеренъ человѣкъ создаетъ самого себя. Здѣсь надо отмѣтить, что творчество въ человѣческомъ царствѣ обуславливается еще новымъ приводящимъ факторомъ: свободной волей, производящей раздвоеніе въ человѣческомъ сознаніи. Минералы и растения развиваются какъ Богъ имъ положилъ: ритмично, гармонично; они—саттва. Въ животномъ царствѣ уже чувствуется тревога и дисгармонія, достигающія высшей степени напряженія въ человѣческомъ царствѣ. Великая трагедія человѣческаго существованія—трагедія, приводящая его, однако, къ вершинамъ бытія—заключается въ томъ, что живутъ въ немъ двое: дивръ и Богъ и оба имѣютъ свою волю. Эти двѣ воли противоборять другъ другу и каждая старается подчинить себѣ другую. Человѣкъ есть то поле, на которомъ происходитъ сраженіе; въ этой борьбѣ проходитъ стадія человѣческой эволюціи; она и считается наиболее трудной, потому что въ ней происходитъ острая, рѣшающая битва между двумя вѣчными силами—Духомъ и Матеріей, которыя стремятся получить въ человѣкѣ перевѣсъ другъ надъ

другомъ. Счастье въ этой борьбѣ переменчиво; то звѣрь побѣждаетъ, то Богъ въ человѣкѣ побѣждаетъ; то звѣрь въ немъ творить, то Богъ творить. Несомнѣнно, конечная побѣда обезпечена за творчествомъ Бога, такъ какъ звѣрь переходящъ въ человѣкѣ, а Богъ вѣченъ въ немъ и творитъ Онъ только то вѣчное, которое въ концѣ концовъ поглощаетъ и претворяетъ въ себѣ переходящее.

Сообразно съ этимъ творчествомъ звѣря и Бога можно раздѣлить творчество человѣка на три стадіи: на творчество *стихійное*, творчество *сознательное* и на *прекращеніе личнаго творчества*, или на *творчество Блага черезъ человѣка*.

Перейдя изъ животнаго царства въ человѣческое, душа является какъ бы младенцемъ въ немъ, и живетъ стихійно, не зная законовъ и подчиняясь велѣніямъ звѣря, который въ силу предшествовавшей стадіи эволюціи, говоритъ въ немъ наиболѣе властно и до поры до времени безапелляціонно. Человѣкъ не знаетъ еще законовъ; но законы вѣдь не перестаютъ дѣйствовать отъ того, что люди ихъ не знаютъ и дикарь, а затѣмъ и мало развитой человѣкъ невѣдомо для себя населяютъ свое русло въ мірѣ созданіями, воздѣйствующими на него и обуславливающими направленіе его дальнѣйшихъ жизней, составляя его карму. Какъ человѣкъ не можетъ быть безъ родителей, такъ онъ не можетъ быть и безъ дѣтей, но дѣтьми его являются не только человѣческія существа, но и мысли, чувства и длинный рядъ событій. Творчество человѣка въ стихійной своей стадіи не свободно, такъ какъ онъ самъ представляетъ изъ себя трость, колеблемую между звѣремъ и Богомъ, и не знаетъ, что онъ творитъ. Звѣрь зоветъ человѣка къ себѣ и Богъ зоветъ его къ себѣ; получается мучительный разладъ, порождающій безпорядочное творчество. Эволюція течетъ какъ бурливая рѣка, черезъ камни и пороги, не направляемая и не сдерживаемая разумной, человѣческой волей.

Это стихійное, безсознательное творчество продолжается до тѣхъ поръ, пока Богъ въ человѣкѣ не одержитъ многихъ и многихъ побѣдъ и хотя до нѣкоторой степени не подчинитъ своей власти то поле, на которомъ происходитъ борьба. Мало по малу вмѣстѣ съ накопленіемъ опыта и вытекающимъ изъ него ростомъ сознанія, творческій импульсъ въ человѣкѣ начинаетъ сознать себя; Богъ въ немъ начинаетъ овладѣвать этимъ импульсомъ и наступаетъ вторая стадія творчества—творчество *сознательное*, освѣщенное знаніемъ основныхъ законовъ бытія.

Человѣкъ овладѣваетъ своей эволюціей, начинаетъ самъ направлять пути своей жизни и понимать, что заданіе, поставленное передъ нимъ должно отнынѣ выполняться имъ сознательно, а не подъ напоромъ силы, дѣйствующей помимо его. Въ связи со свободнымъ творчествомъ встаетъ вопросъ о кармѣ, которая съ перваго взгляда кажется какъ бы противорѣчіемъ свободѣ. Но карма вѣдь и есть наше творчество, плодъ нашей прежней дѣятельности. Предопредѣленіе, такъ усиленно занимавшее богословскіе умы, несомнѣнно существуетъ, но судьба наша предопредѣляется не посторонней волей, а нами самими. Мы сами устанавливаемъ рамки нашей будущей жизни. Умирая въ одной жизни, мы оставляемъ по себѣ ту общую ткань и общіе контуры рисунка, который мы будемъ выполнять въ слѣдующемъ существованіи. Рисунокъ этотъ можетъ быть очень некрасивъ, но мы начертали его *своею* рукой. Однако, карма всегда двулика; одно лицо смотритъ назадъ, другое впередъ и въ ней содержится плодъ прошлаго и сѣмя будущаго. Въ старое творчество—въ карму, мы всегда вольны внести новые элементы и тѣмъ какъ бы пережитить ее, вынуть почву изъ подъ ея ногъ и извлечь изъ нея жало. Это новое творчество есть наше отношеніе къ ней, внѣдреніе въ нея чего-то новаго, не входившаго доселѣ въ ея составъ. Такъ въ кармическія враждебныя отношенія къ кому-нибудь, мы можемъ внести доброжелательство и любовь. Ими мы подтачиваемъ нѣпріязнь и вводимъ новую серію вибрацій, которыя будутъ гасить старыя вибраціи и творить соответственную красивую карму. Словомъ, мы всегда вольны преходящее въ кармѣ замѣнить вѣчнымъ; въ силу этого карма не можетъ помѣшать свободному творчеству, потому что по сути своей она *есть творчество* и составляетъ ту цѣпь жизни, къ которой человѣкъ по *своей* волѣ прибавляетъ темныя или свѣтлыя звенья.

Возможность творчества обусловливается наличностью орудія творчества. Такимъ орудіемъ у человѣка является его мысль. Въ процессѣ мышленія мы различаемъ три фактора: 1) Мыслитель, 2) его орудіе—умъ и 3) матерія, изъ которой ткется мысль. Мыслитель въ насъ—это наше истинное Я, которое изъ вѣка въ вѣкъ и изъ жизни въ жизнь выполняетъ процессъ эволюціи отъ дикаря до сверхъ-человѣка, пользуясь въ цѣляхъ своего развитія тѣми проводниками, которыхъ мы называемъ физическимъ, астральнымъ и ментальнымъ тѣлами.

Для правильнаго пониманія процесса эволюціи вообще, и творчества въ частности,—чрезвычайно важно осознать свое Я

Въ Голосѣ Безмолвія сказано: „Борись съ нечистыми мыслями ранѣе, чѣмъ онѣ одолѣють тебя. Не щади ихъ, какъ онѣ не щадятъ тебя, ибо если уступишь ты имъ и онѣ укрѣпятся и начнутъ расти, знай воистину:—мысли твои одолѣють и убьютъ тебя“.

Очищеніе ума играетъ чрезвычайно важную роль въ эволюціи человѣка, вслѣдствіе той творческой силы, которая вложена въ мысль.

Вселенная есть результатъ мышленія Бога, она есть „медитация“ Бога, по образному восточному выраженію. Міръ каждаго отдѣльнаго человѣка есть плодъ его мыслей, нашедшихъ себѣ воплощеніе въ его чувствахъ, поступкахъ и внѣшнемъ складѣ жизни. Не забудемъ, что мысль представляетъ изъ себя очень конкретную вещь, ввиду того, что каждая мысль слагается въ опредѣленную форму, сотканную изъ ментальной матеріи и обладающую жизненностью, по интенсивности своей пропорціо-нальной точности и силѣ родившей ее мысли.

Вся атмосфера кругомъ насъ населена мыслеобразами, прекрасными и уродливыми, тонкими и грубыми, точными и расплывчатыми, окрашенными во всевозможные цвѣта и оттѣнки, въ зависимости отъ ихъ содержанія. Цѣнны оккультныя изслѣдованія Анни Безантъ и Ледбитера, списанныя ими съ оккультной природы.

Здѣсь мы видимъ розовыя крылатыя мысли помощи; крючковатыя мысли эгоистической любви; красныя, зазубренныя стрѣлы злобы; жуткія, сѣрыя мысли страха; ясно очерченные голубые цвѣты религіознаго чувства; отчетливыя и прелестно окрашенныя формы отвлеченнаго мышленія, интеллектуальныхъ стремленій и многія другія.

Вибраціи мысли подчиняются общему закону вибраціи; распространяясь кругомъ, онѣ вызываютъ отвѣтныя вибраціи въ однородныхъ съ ними сочетаніяхъ матеріи; на этомъ законѣ основана передача мыслей, распространеніе идей среди массъ, влияніе на окружающихъ, созданіе общественнаго мнѣнія. Этотъ фактъ налагаетъ на насъ отвѣтственность за тѣ мысли, которыми мы питаемъ нашъ умъ. Дурныя мысли, посылаемая нами въ окружающую насъ атмосферу, являются для умовъ, предрасположенныхъ къ нимъ, такимъ же источникомъ заразы, какъ скарлатинныя микробы и дифтеритныя палочки для предрасположенныхъ къ этимъ заболѣваніямъ организмовъ; онѣ даже ядовитѣе ихъ, будучи для насъ неувидимыми на нашей ступени

сознанія; къ тому же люди въ большой массѣ еще незнакомы съ оккультной стороною мышленія и не умѣютъ, сознательно, воспитывать свой умъ и ограждать его отъ заразы. „Мы не можемъ не думать,—пишетъ Анни Безантъ,—какъ бы ни были слабы теченія мысли, которыя мы порождаемъ, мы неизбежно влияемъ на всѣхъ окружающихъ насъ, все равно—хотимъ ли мы того или нѣтъ; все дѣло лишь въ томъ: хотимъ ли мы вліять благотворно или дурно, слабо или сильно, случайно или сознательно“.

Степень вліянія нашихъ мыслей на окружающихъ зависитъ отъ отчетливости и сосредоточенности мысли, а это стоитъ въ свою очередь въ связи съ крѣпостью и устойчивостью ума.

Въ наше время умъ средняго человѣка представляетъ изъ себя довольно слабое орудіе мышленія; главные его недостатки заключаются въ разсѣянности, въ неумѣнн сосредоточиться и послѣдовательно мыслить. Этому въ значительной мѣрѣ способствуетъ современная, безпокойная цивилизація, наполняющая нашу жизнь шумомъ, спѣшкой и суетой. Въ этомъ отношеніи газеты сослужили плохую службу европейскому уму, приучивъ его скользить по поверхности, перебѣгая съ предмета на предметъ. Собственно говоря, въ большинствѣ случаевъ, люди только воспринимаютъ мысли, которыя носятъ въ окружающей атмосферѣ и лишь очень небольшое, сравнительно, количество людей умѣетъ думать самостоятельно; между тѣмъ, именно самостоятельное мышленіе укрѣпляетъ умъ.

Ввиду этого и рекомендуется отводить ежелневно полчаса, а если возможно и цѣлый часъ — упражненію ума по определенной системѣ, а именно, остановившись на какой-нибудь серьезной книгѣ, читать ее, скажемъ, пять минутъ, а размышлять надъ прочитаннымъ десять минутъ, стараясь удержать умъ на предметѣ размышленія, не позволяя ему уклоняться въ сторону. Два-три мѣсяца подобной работы дадутъ очень ощутительные результаты въ смыслѣ овладѣнія умомъ и приученія его къ строгому, послѣдовательному мышленію. Цѣнныя указанія относительно тренировки ума содержатся въ книгѣ Эрнеста Вуда: „Сосредоточеніе“, переведенной въ Вѣстникѣ Теософій за 1915 г.

Когда умъ приобрѣтаетъ силу, точность и послѣдовательность, онъ становится мощнымъ орудіемъ творчества и только въ этомъ спокойномъ, уравновѣшенномъ умѣ, всецѣло подвластномъ нашей волѣ, можетъ безпрепятственно отражаться Божественное Мышленіе, подобно тому, какъ небеса отражаются не

въ бурныхъ, пѣнистыхъ волнахъ, а въ гладкомъ зеркалѣ водъ. Этимъ сильнымъ, творческимъ орудіемъ и пользуется человекъ, приступившій къ сознательному творчеству самого себя и окружающей жизни.

Изъ самого себя человекъ долженъ создать *художественное произведение*, согласное съ законами бытія.

Творить же какое-нибудь художественное произведение можно лишь имѣя передъ собой его прообразъ, идеальное представление о немъ. Безъ него человекъ, осознавшій себя, не можетъ жить и этотъ идеаль, который онъ возлюбилъ „всего выше“ и есть тотъ чистый образецъ, по которому онъ творить себя. Все его существо должно соответствовать ему и на немъ должны, все болѣе и болѣе, запечатлѣться его черты. Начинается творчество проводниковъ: здоровое, сильное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тонко вибрирующее тѣло, всегда является результатомъ чистой, разумной жизни; мы сами тѣмъ изъ тонкихъ, свѣтлыхъ лучей наши лучшіе порывы, стремленья, способность отзываться на красоту, все то завѣтное и прекрасное, что человекъ таитъ въ глубинахъ своей души. Какъ сказано было выше, чистый и сильный умъ, способный отражать въ себѣ мышленіе Бога, создается нами же самими—все это наше дѣтище, неотъемлемая карма наша, нами же самими выношенная послѣ долгихъ, творческихъ усилій. Въ такихъ просвѣтленныхъ проводникахъ расцвѣтаетъ нашъ Духъ и выливается наружу свѣтоноснымъ потокомъ.

Творчество самого себя тѣсно связано съ творчествомъ внѣшней жизни. Это особенно важно теперь, когда дѣятельность на этомъ полѣ почти неисчерпаема. Жизнь въ наше время есть самое *анти-художественное* произведение, которое можно себѣ представить. Во всѣхъ областяхъ ея попораны вѣчные законы. Человѣчество можетъ во-истину сказать: „Отче, согрѣшихъ на небо и предъ Тобою и недостойнъ назваться сыномъ Твоимъ“. Дѣйствительно, смѣемъ ли мы называть себя сынами Божиими, когда мы всю свою цивилизацію построили на ненависти, разрушеніи, жестокости и эгоизмѣ. Правда отлетѣла отъ жизни и она проникнута ложью во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Лживы формы жизни, потому что онѣ построены на несправедливости; лживы отношенія между людьми, такъ какъ онѣ основаны на недоверіи, эгоизмѣ и жадности; лживы произведенія интеллекта, потому что они замкнулись въ кругѣ матеріи, отрицая Духъ, безъ котораго матерія не можетъ существовать; лживы внѣшніе

человѣкъ имѣють опредѣленную задачу, которая заключается въ достиженіи слѣдующей ступени эволюціи. Задача эта облекается въ форму идеала, являющагося тѣмъ маякомъ, который вѣчно манитъ впередъ и вверхъ. Міръ не могъ бы существовать безъ идеала, потому что идеаль есть тотъ внутренний импульсъ, который неослабнымъ, но нѣжнымъ напоромъ движетъ міръ впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ это лучезарный вѣдущій образъ, стоящій передъ человечествомъ, какъ ближайшій пунктъ, который ему надлежитъ осуществить. „Въ сущности идеалы суть лишь потенціи человѣческой природы, объективированныя и выраженные въ словахъ“. Идеаль всегда опережаетъ общій уровень развитія коллектива или индивидуума и стоитъ передъ тѣмъ и другимъ, какъ ближайшая цѣль пути. Однако, никакое поколѣніе не можетъ стать выше самого себя и поэтому процессъ осуществленія идеала производится постепеннымъ и сложнымъ путемъ. Существуютъ всегда люди, перерастающіе общій уровень развитія. Это идеалисты или люди, способные вѣрнѣе въ идею, т. е. въ нѣчто, невидимое для физическаго глаза.

Идеализмъ является опредѣленною ступенію въ эволюціи человѣческой души и составляетъ примѣкъ известной ея зрѣлости. Джинараджадака говоритъ въ книгѣ „Во имя Его“: „Ищущіе Учителя должны быть идеалистами, а идеализмъ есть рѣшимость отождествлять себя съ міромъ болѣе высокимъ, а не съ тѣмъ, въ которомъ намъ приходится жить“.

Всякій идеалистъ — человекъ *впродолженій*, какъ бы онъ отъ этого не отказывался, потому что „вѣра есть увѣренность въ невидимомъ“, какъ говоритъ ап. Павелъ. А человекъ, идущій на страданіе ради идеала, дѣлаетъ это, несомнѣнно, потому, что онъ увѣренъ въ существованіи этого неосвязаемаго и невидимаго.

Идеаль дѣлается лучшіе умы: они дѣлаются пророками царства свѣта и отъ нихъ уже онъ мало-по-малу распространяется, превращаясь, наконецъ, въ общее мѣсто. Когда идеаль перестаетъ быть идеаломъ, превратившись въ общее мѣсто, это обозначаетъ, что люди поднялись на одну ступень и передъ ними появляется новый идеаль, новый свѣтъ, новая задача. Способность увидѣть свѣтъ данной эпохи дается не вѣкомъ. Люди приносятъ это свойство изъ прежнихъ воплощеній, въ теченіе которыхъ они постепенно, труднымъ процессомъ, полнымъ страданій, отрывали свой взглядъ отъ земнаго и переносили его на то невидимое, что мало-по-малу становилось для нихъ реальнею окружающею жизнью. Но приобретенная тяжкимъ опытомъ спо-

предметы, потому что они созданы не свободнымъ, радостнымъ трудомъ, а тяжкимъ рабствомъ слабого сильному. Живое искусство, потому что оно искру Божію сдѣлало льстивымъ слугою толпы. Наконецъ, самая святая святыхъ—любовь, нами втоптана въ живую, смрадную грязь. Она имѣетъ объектомъ физическое тѣло и тѣла эти тысячами и тысячами продаются среди насъ и находятся тысячи и тысячи покупателей, забывающихъ, что тѣла эти — храмы Бога живого и что величайшія тайны совершаются въ нихъ. Всѣ области жизни представляютъ изъ себя открытыя раны, къ которымъ больно прикоснуться: религія — рана: она выронила изъ рукъ факель истины и суррогатомъ ея, предлагаемымъ ею, бессильна предупредить и остановить ожесточеніе и отчаяніе сердець людскихъ; любовь — рана: среди торопливости безмысленнаго существованія намъ некогда оглянуться на одинокую душу, страдающую рядомъ съ нами и часто изъ-за насъ; да у кого изъ насъ сердце не было когда-нибудь разбито любовью; семейная жизнь — рана: рѣдки души, не измятія ею; воспитаніе дѣтей — рана: условія жизни мертвятъ и калѣчатъ души ихъ, прежде чѣмъ онѣ успеютъ расцвѣсть; литература и искусство — раны, потому что онѣ отражаютъ пріянія нечистоты жизни; наука — отраженіе чистѣйшаго мышленія Бога, можетъ быть, самая больная рана теперь, потому что она продала себя и сдѣлалась послушной рабой жестокости и ненависти. А тюрьмы? а проституція? а нищета? а самоубійства?— все это открытыя раны, сочащіяся кровью и гноемъ. Въ такой жизни нѣтъ правды и горе намъ, что мы могли въ теченіе вѣковъ создать такую цивилизацію. Но теперь глаза наши открылись. Кровь живыхъ существъ, льющаяся цѣлыми потоками, тѣла, разрываема на части снарядами, страданія людей, сотнями тысячъ скитавшихся подъ открытымъ небомъ безъ крова и пищи, плачь безпомощныхъ дѣтей, потерявшихъ родителей — всѣ эти *плоды нашего творчества* вопіютъ къ небу голосомъ, который нельзя болѣе заглушить. Приходится признать, что жизнь, созданная нами, есть одна грандиозная фальсификація истины, и эта истина властно требуетъ восстановленія своихъ правъ, видренія своего въ жизнь, которую она одна можетъ оплодотворить и украсить. Все чело- вѣчество ранено въ корняхъ жизни и потому-то новое сознательное творчество необходимо.

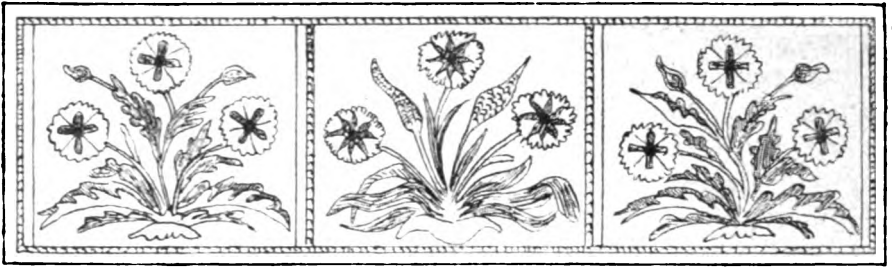
И мы *должны* творить. Но опять-таки для такого творчества необходимъ образецъ—идеаль, по которому мы слагали бы новую жизнь. Каждая эпоха, каждая раса, каждый народъ и каждый

человѣкъ имѣють опредѣленную задачу, которая заключается въ достиженіи слѣдующей ступени эволюціи. Задача эта облекается въ форму идеала, являющагося тѣмъ маякомъ, который вѣчно манитъ впередъ и вверхъ. Міръ не могъ бы существовать безъ идеала, потому что идеаль есть тотъ внутренній импульсъ, который неослабнѣвъ, но нѣжнымъ напоромъ движеть міръ впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ это лучезарный вѣнчій образъ, стоящій передъ человѣчествомъ, какъ ближайшій пунктъ, который ему надлежитъ осуществить. „Въ сущности идеалы суть лишь потенціи человѣческой природы, объективированныя и выраженные въ словахъ“. Идеаль всегда опережаетъ общій уровень развитія коллектива или индивидуума и стоитъ передъ тѣмъ и другимъ, какъ ближайшая цѣль пути. Однако, никакое поколѣніе не можетъ стать выше самого себя и поэтому процессъ осуществленія идеала производится постепеннымъ и сложнымъ путемъ. Существуютъ всегда люди, перерастающіе общій уровень развитія. Это идеалисты или люди, способные вѣрять въ идею, т. е. въ нѣчто, невидимое для физическаго глаза.

Идеализмъ является опредѣленною ступенію въ эволюціи человѣческой души и составляетъ признакъ извѣстной ея зрѣлости. Джинараджа сама говоритъ въ книгѣ „Во имя Его“: „Ищущіе Учителя должны быть идеалистами, а идеализмъ есть рѣшимость отождествлять себя съ міромъ болѣе высокимъ, а не съ тѣмъ, въ которомъ намъ приходится жить“.

Всякій идеалистъ — человекъ *вѣрующій*, какъ бы онъ отъ этого не отказывался, потому что „вѣра есть увѣренность въ невидимомъ“, какъ говоритъ ап. Павелъ. А человекъ, идущій на страданіе ради идеала, дѣлаетъ это, несомнѣнно, потому, что онъ увѣренъ въ существованіи этого неосвязаемаго и невидимаго.

Идеаль приближаетъ лучшіе умы: они дѣлаются пророками царства свѣта и отъ нихъ уже онъ мало-по-малу распространяется, превращаясь, наконецъ, въ общее мѣсто. Когда идеаль перестаетъ быть идеаломъ, превратившись въ общее мѣсто, это обозначаетъ, что люди поднялись на одну ступень и передъ ними появляется новый идеаль, новый свѣтъ, новая задача. Способность увидѣть свѣтъ данной эпохи дается не всѣмъ. Люди приносятъ это свойство изъ прежнихъ воплощеній, въ теченіе которыхъ они постепенно, труднымъ процессомъ, полнымъ страданія, отрывали свой взглядъ отъ земнаго и переносили его на то невидимое, что малю-по-малу становилось для нихъ реальнѣе окружающей жизни. Но пріобрѣтенная тяжкимъ опытомъ спо-

Человѣкъ—Творецъ.

Ввидѣ эпиграфа предпошлемъ старья какъ мѣръ слова: „Познай самаго себя“. Они столько разъ повторялись въ теченіе многихъ вѣковъ, что содержаніе ихъ какъ бы выдохлось и человѣчество забыло, что они заключаютъ въ себѣ истину, на которой стоитъ мѣръ и сооружается зданіе человѣческой эволюціи. Но пора намъ вспомнить эти слова и вдуматься въ ихъ истинный смыслъ, памятуя, что если они пережили безчисленный рядъ вѣковъ—это вѣрный признакъ того, что они содержатъ вѣчныя цѣнности.

Познать самого себя значитъ понять свое мѣсто во Вселенной, соотношеніе между высшими и низшими мірами, точку отправленія и цѣль эволюціи, свои возможности и ограниченія, взаимодѣйствіе между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ и т. д.

Въ сути своей Вселенная есть проявленный Богъ, облеченный въ одѣяніе матеріи. Въ силу полноты Своего бытія Богъ есть Творецъ. Онъ не можетъ не творить, подобно тому, какъ переполненная чаша не можетъ не излиться наружу, поэтому первое дѣйствіе Бога, вытекающее изъ самой сути Его, есть творчество. Существованіе Вселенной обусловливается неустаннымъ творчествомъ проявленнаго Бога. Это—огонь, поддерживающій ея горѣніе. Потухни онъ на мгновеніе и Вселенная рассыпалась бы въ прахъ.

Вселенная,—макрокосмъ, всецѣло отражается въ человѣкѣ—микрокосмъ, или иначе—человѣкъ есть зеркало Вселенной. Въ сути своей онъ есть частица Божества, облеченная въ матерію и обладающая въ потенціи всеї полнотой Его бытія и главная

функція его, вытекающая изъ этого единства съ Богомъ, есть творчество. Огнемъ его творчества поддерживается его жизнь и безъ творчества онъ не могъ бы существовать ни въ высшихъ, ни въ низшихъ мірахъ. Итакъ законъ творчества есть законъ жизни вообще и въ частности существованія Вселенной и человѣка.

Онъ стоитъ въ непосредственной связи съ другимъ основнымъ закономъ, управляющимъ жизнью Вселенной—съ закономъ причинъ и послѣдствій, согласно которому всякое движеніе въ бытіи есть послѣдствіе какой-нибудь причины и вмѣстѣ съ тѣмъ причина дальнѣйшихъ послѣдствій—сѣмя даетъ цвѣтокъ, и цвѣтокъ даетъ сѣмя—въ силу чего и составляется кругъ проявленной вѣчности,—всякая причина, разъ приведенная въ движеніе, дѣйствуетъ, пока не истощится вложенная въ нее динамическая сила.

Третій законъ, дополняющій собой два вышеуказанныхъ, заключается въ томъ, что Вселенная содержитъ въ себѣ все сущее и ничто не можетъ исчезнуть изъ нея, выпасть, такъ сказать, изъ круга ея проявленія.

Итакъ въ основу нашихъ разсужденій положимъ три закона:

1. Законъ творчества.
2. Законъ причинъ и послѣдствій.
3. Законъ сохраненія всѣхъ проявленій въ кругѣ, замыкающемъ ихъ.

Результатомъ этихъ трехъ законовъ является эволюція, которая въ сути своей есть процессъ творчества. Нить эволюціи проходитъ черезъ всѣ области бытія и каждая изъ нихъ составляетъ свой цѣльный, законченный міръ, въ предѣлахъ котораго соотвѣтственное ему звено іерархической цѣпи исчерпываетъ до конца всѣ вложенныя въ него творческія возможности. И переходъ изъ одной области въ другую обуславливается полнымъ использованіемъ этихъ творческихъ возможностей. Такъ, переходъ изъ минеральнаго царства въ растительное совершается тогда, когда Монада данной групповой души исчерпала весь творческій активъ въ данномъ кругѣ проявленія, всѣ творческія комбинаціи, возможныя при помощи сознанія, дѣйствующаго въ минеральномъ царствѣ. Непобѣдимое стремленіе къ новому, высшему типу творчества прорываетъ кругъ проявленій даннаго царства и Монада переходитъ въ слѣдующее, растительное царство, гдѣ возможности творчества шире и богаче. Исчерпавъ

ихъ и здѣсь до конца, групповая душа въ своемъ дальнѣйшемъ натискѣ опять-таки прорываетъ кругъ проявленій въ этомъ царствѣ и переходитъ въ животное царство, гдѣ она продолжаетъ свое творчество среди его условій. Оттуда она напоромъ творческаго импульса выносится въ человѣческое царство и здѣсь начинается новая эра индивидуальнаго творчества, въ извѣстной своей стадіи приобретающая опредѣленный характеръ.

Человѣкъ въ своемъ царствѣ—творецъ и творцомъ онъ долженъ себя сознать, если хочетъ жить не слѣпо, а съ открытыми глазами. И съ той минуты какъ онъ, дѣйствительно созналъ, что его тѣло, характеръ, мысли, вся жизнь—лишь мягкая глина въ его творческихъ рукахъ, онъ самъ овладѣваетъ своей эволюціей и, сотворивъ въ человѣческомъ царствѣ все ему доступное, переходитъ въ сверхчеловѣческое, а затѣмъ все выше и выше, на ступени, находящіяся за гранью самыхъ широкихъ человѣческихъ горизонтовъ, пока онъ не достигаетъ, наконецъ, полного расцвѣта своего сознанія. Такимъ образомъ эволюцію можно формулировать, какъ *школу творчества*, какъ развитие творческаго начала, которое растетъ вмѣстѣ съ сознаніемъ, охватывая все болѣе и болѣе обширное поле дѣятельности и достигая, наконецъ, своей кульминаціонной точки.

Вернемся теперь къ человѣку, какъ къ единицѣ во Вселенной, обладающей всѣми потенціальностями, заложенными въ ней. Ему дано задание: развить свое сознаніе, а слѣдовательно, и творчество до предѣловъ возможности; даны и условія, при которыхъ онъ долженъ выполнить это задание: законъ творчества, законъ кармы и законъ сохраненія энергіи,—и матеріаль, съ помощью коего онъ долженъ работать: элементарная эссенція разлитая въ мірѣ и въ сочетаніяхъ своихъ дающая физическіе, астральные и ментальные атомы.

Для того, чтобы сознать себя творцомъ, человѣкъ долженъ познать свое мѣсто во Вселенной, какъ звено одной цѣпи. Мы склонны представлять себя стоящими отдѣльно отъ міра, особнякомъ отъ него и какъ зрители наблюдающими за жизнью міра и видимыхъ и невидимыхъ существъ, населяющихъ его, составляя іерархическую цѣпь. Между тѣмъ человѣку чрезвычайно важно сознать, что онъ самъ есть іерархія, т. е. что онъ составляетъ необходимое звено въ іерархической цѣпи, одушевленной одной, общей жизнью. Всѣ царства природы непрерывно нанизаны на одну золотую нить бытія, какъ жемчуга въ ожерельи и на одна жемчужина не можетъ выпасть изъ ожерелья и лечь особня-

комъ. Братство и единство не есть ни прекрасная мечта, ни свѣтлый идеаль, а фактъ уже совершившійся отъ начала время и обнимающій всю скалу бытія. Осознаніе непреложной и безусловной нашей связи съ царствами, лежащими и ниже и выше насъ, въ силу внутренней, животрепещущей нити, проходящей черезъ все планы бытія, выясняетъ присутствіе въ насъ дѣйствительнаго творческаго начала.

Творчество есть сила, не знающая отдыха. Человѣкъ творить неустанно день и ночь во все свои жизни и на всехъ доступныхъ ему планахъ. Мы каждымъ нашимъ движеніемъ, каждымъ чувствомъ, каждой мыслью производимъ опредѣленные результаты въ мірахъ, среди которыхъ мы живемъ и, какъ сказано въ „Окултномъ Мірѣ“ Стивенса: „Мы непрерывно населяемъ наше русло въ жизни опредѣленными, живыми формами, обладающими тою степенью интензивности и жизненности, какую мы ихъ снабжаемъ. Они составляютъ нашу свиту въ жизни—свиту собственнаго созданія и собственнаго выбора и отъ насъ зависятъ сдѣлать ее мрачной опричинной или ангеломъ свѣта, охраняющимъ насъ самихъ и всехъ, окружающихъ насъ. Эта свита часто мѣняется, но ни одинъ элементъ, входившій хотя бы короткое время въ ее составъ, не исчезаетъ безслѣдно, а дезинтегрируясь, оставляетъ по себѣ свою сущность, свое зерно, которое послѣ пребыванія Эго въ раю, ожидаетъ его у порога при обратномъ шествіи его въ земную жизнь. Изъ такихъ зеренъ человѣкъ создаетъ самого себя. Здѣсь надо отмѣтить, что творчество въ человѣческомъ царствѣ обуславливается еще новымъ привходящимъ факторомъ: свободной волей, производящей раздвоеніе въ человѣческомъ сознаніи. Минералы и растенія развиваются какъ Богъ имъ положилъ: ритмично, гармонично; они—саттва. Въ животномъ царствѣ уже чувствуется тревога и дисгармонія, достигающія высшей степени напряженія въ человѣческомъ царствѣ. Великая трагедія человѣческаго существованія—трагедія, приводящая его, однако, къ вершинамъ бытія—заключается въ томъ, что живутъ въ немъ двое: звѣрь и Богъ и оба имѣютъ свою волю. Эти двѣ воли противостоятъ другъ другу и каждая старается подчинить себѣ другую. Человѣкъ есть то поле, на которомъ происходитъ сраженіе; въ этой борьбѣ проходитъ стадія человѣческой эволюціи; она и считается наиболее трудной, потому что въ ней происходитъ острая, рѣшающая битва между двумя вѣчными силами—Духомъ и Матеріей, которыя стремятся получить въ человѣкѣ перевѣсъ другъ надъ

ихъ и здѣсь до конца, групповая душа въ своемъ дальнѣйшемъ натискѣ опять-таки прорываетъ кругъ проявленій въ этомъ царствѣ и переходитъ въ животное царство, гдѣ она продолжаетъ свое творчество среди его условій. Оттуда она напоромъ творческаго импульса выносятся въ человѣческое царство и здѣсь начинается новая эра индивидуальнаго творчества, въ извѣстной своей стадіи приобретающая опредѣленный характеръ.

Человѣкъ въ своемъ царствѣ—творецъ и творцомъ онъ долженъ себя сознавать, если хочетъ жить не слѣпо, а съ открытыми глазами. И съ той минуты какъ онъ, дѣйствительно созналъ, что его тѣло, характеръ, мысли, вся жизнь—лишь мягкая глина въ его творческихъ рукахъ, онъ самъ овладѣваетъ своей эволюціей и, сотворивъ въ человѣческомъ царствѣ все ему доступное, переходитъ въ сверхчеловѣческое, а затѣмъ все выше и выше, на ступени, находящіяся за гранью самыхъ широкихъ человѣческихъ горизонтовъ, пока онъ не достигаетъ, наконецъ, полнаго расцвѣта своего сознанія. Такимъ образомъ эволюцію можно формулировать, какъ *школу творчества*, какъ развитие творческаго начала, которое растетъ вмѣстѣ съ сознаніемъ, охватывая все болѣе и болѣе обширное поле дѣятельности и достигая, наконецъ, своей кульминаціонной точки.

Вернемся теперь къ человѣку, какъ къ единицѣ во Вселенной, обладающей всѣми потенциальностями, заложенными въ ней. Ему дано задание: развить свое сознаніе, а слѣдовательно, и творчество до предѣловъ возможности; даны и условія, при которыхъ онъ долженъ выполнить это задание: законъ творчества, законъ кармы и законъ сохранения энергіи,—и матеріаль, съ помощью коего онъ долженъ работать: элементарная эссенція разлитая въ міръ и въ сочетаніяхъ своихъ дающая физическіе, астральные и ментальные атомы.

Для того, чтобы сознать себя творцомъ, человѣкъ долженъ понять свое мѣсто во Вселенной, какъ звено одной цѣпи. Мы склонны представлять себя стоящими отдѣльно отъ міра, особнякомъ отъ него и какъ зрители наблюдающими за жизнью міра и видимыхъ и невидимыхъ существъ, населяющихъ его, составляя іерархическую цѣпь. Между тѣмъ человѣку чрезвычайно важно сознать, что онъ самъ есть іерархія, т. е. что онъ составляетъ необходимое звено въ іерархической цѣпи, одушевленной одной, общей жизнью. Всѣ царства природы непрерывно написаны на одну золотую нить бытія, какъ жемчуга въ ожерельи и на одна жемчужина не можетъ выпасть изъ ожерелья и лечь особня-

комъ. Братство и единство не есть ни прекрасная мечта, ни свѣтлый идеалъ, а фактъ уже совершившійся отъ начала времени и обнимающій всю скалу бытія. Осознаніе непреложной и безусловной нашей связи съ царствами, лежащими и ниже и выше насъ, въ силу внутренней, животрепещущей нити, проходящей черезъ все планы бытія, выясняетъ присутствие въ насъ дѣйствительнаго творческаго начала.

Творчество есть сила, не знающая отдыха. Человѣкъ творить неустанно день и ночь во все свои жизни и на всѣхъ доступныхъ ему планахъ. Мы каждымъ нашимъ движеніемъ, каждымъ чувствомъ, каждой мыслью производимъ опредѣленные результаты въ мірахъ, среди которыхъ мы живемъ и, какъ сказано въ „Оккультномъ Мірѣ“ Синвета: „Мы непрерывно населяемъ наше русло въ жизни опредѣленными, живыми формами, обладающими тою степенью интенсивности и жизненности, какою мы ихъ снабжаемъ. Онѣ составляютъ нашу свиту въ жизни—свиту собственнаго созданія и собственнаго выбора и отъ насъ зависитъ сдѣлать ее мрачной опричиной или ангеломъ свѣта, охраняющимъ насъ самихъ и всѣхъ, окружающихъ насъ. Эта свита часто мѣняется, но ни одинъ элементъ, входившій хотя бы короткое время въ ея составъ, не исчезаетъ безслѣдно, а дезинтегрируясь, оставляетъ по себѣ свою сущность, свое зерно, которое послѣ пребыванія Эго въ раю, ожидаетъ его у порога при обратномъ шествіи его въ земную жизнь. Ниъ такихъ зеренъ человѣкъ создаетъ самого себя. Здѣсь надо отмѣтить, что творчество въ человѣческомъ царствѣ обуславливается еще новымъ приводящимъ факторомъ: свободной волей, производящей раздвоеніе въ человѣческомъ сознаніи. Минералы и растенія развиваются какъ Богъ имъ положилъ: ритмично, гармонично; они — саттва. Въ животномъ царствѣ уже чувствуется тревога и дисгармонія, достигающія высшей степени напряженія въ человѣческомъ царствѣ. Великая трагедія человѣческаго существованія — трагедія, приводящая его, однако, къ вершинамъ бытія — заключается въ томъ, что живутъ въ немъ двое: явѣрь и Богъ и оба имѣютъ свою волю. Эти двѣ воли противоречатъ другъ другу и каждая старается подчинить себѣ другую. Человѣкъ есть то поле, на которомъ происходитъ сраженіе; въ этой борьбѣ проходитъ стадія человѣческой эволюціи; она и считается наиболее трудной, потому что въ ней происходитъ острая, рѣзняющая битва между двумя вѣчными силами—¹Духомъ и Матеріей, которыя стремятся получить въ человѣкѣ перевѣсъ другъ надъ

другомъ. Счастье въ этой борьбѣ переменчиво; то звѣрь побѣждаетъ, то Богъ въ человѣкѣ побѣждаетъ; то звѣрь въ немъ творить, то Богъ творить. Несомнѣнно, конечная побѣда обезпечена за творчествомъ Бога, такъ какъ звѣрь преходящъ въ человѣкѣ, а Богъ вѣченъ въ немъ и творить Онъ только то вѣчное, которое въ концѣ концовъ поглощаетъ и претворяетъ въ себѣ преходящее.

Сообразно съ этимъ творчествомъ звѣря и Бога можно раздѣлить творчество человѣка на три стадіи: на творчество *стихійное*, творчество *сознательное* и на *прекращеніе личнаго творчества*, или на *творчество Бога черезъ человѣка*.

Перейдя изъ животнаго царства въ человѣческое, душа является какъ бы младенцемъ въ немъ, и живетъ стихійно, не зная законовъ и подчиняясь велѣніямъ звѣря, который въ силу предшествовавшей стадіи эволюціи, говоритъ въ немъ наиболѣе властно и до поры до времени безапелляціонно. Человѣкъ не знаетъ еще законовъ; но законы вѣдь не перестаютъ дѣйствовать отъ того, что люди ихъ не знаютъ и дикарь, а затѣмъ и мало развитой человѣкъ невѣдомо для себя населяютъ свое русло въ мірѣ созданіями, воздѣйствующими на него и обуславливающими направленіе его дальнѣйшихъ жизней, составляя его карму. Какъ человѣкъ не можетъ быть безъ родителей, такъ онъ не можетъ быть и безъ дѣтей, но дѣтьми его являются не только человѣческія существа, но и мысли, чувства и длинный рядъ событій. Творчество человѣка въ стихійной своей стадіи не свободно, такъ какъ онъ самъ представляетъ изъ себя трость, колеблемую между звѣремъ и Богомъ, и не знаетъ, что онъ творить. Звѣрь зоветъ человѣка къ себѣ и Богъ зоветъ его къ себѣ; получается мучительный разладъ, порождающій беспорядочное творчество. Эволюція течетъ какъ бурливая рѣка, черезъ камни и пороги, не направляемая и не сдерживаемая разумной, человѣческой волей.

Это стихійное, безсознательное творчество продолжается до тѣхъ поръ, пока Богъ въ человѣкѣ не одержитъ многихъ и многихъ побѣдъ и хотя до нѣкоторой степени не подчинитъ своей власти то поле, на которомъ происходитъ борьба. Мало по малу вмѣстѣ съ накопленіемъ опыта и вытекающимъ изъ него ростомъ сознанія, творческій импульсъ въ человѣкѣ начинаетъ сознавать себя; Богъ въ немъ начинаетъ овладѣвать этимъ импульсомъ и настаетъ вторая стадія творчества—творчество *сознательное*, освѣщенное знаніемъ основныхъ законовъ бытія.

Человѣкъ овладѣваетъ своей эволюціей, начинаетъ самъ направлять пути своей жизни и понимать, что заданіе, поставленное передъ нимъ должно отнынѣ выполняться имъ сознательно, а не подъ напоромъ силы, дѣйствующей помимо его. Въ связи со свободнымъ творчествомъ встаетъ вопросъ о кармѣ, которая съ перваго взгляда кажется какъ бы противорѣчіемъ свободѣ. Но карма вѣдь и есть наше творчество, плодъ нашей прежней дѣятельности. Предопредѣленіе, такъ усиленно занимавшее богословскіе умы, несомнѣнно существуетъ, но судьба наша предопредѣляется не посторонней волей, а нами самими. Мы сами устанавливаемъ рамки нашей будущей жизни. Умирая въ одной жизни, мы оставляемъ по себѣ ту общую ткань и общіе контуры рисунка, который мы будемъ выполнять въ слѣдующемъ существованіи. Рисунокъ этотъ можетъ быть очень некрасивъ, но мы начертали его *своею* рукою. Однако, карма всегда двулика; одно лицо смотритъ назадъ, другое впередъ и въ ней содержится плодъ прошлаго и сѣмя будущаго. Въ старое творчество—въ карму, мы всегда вольны внести новые элементы и тѣмъ какъ бы перехитрить ее, вынуть почву изъ подъ ея ногъ и извлечь изъ нея жало. Это новое творчество есть наше отношеніе къ ней, внѣдреніе въ нея чего-то новаго, не входившаго доселѣ въ ея составъ. Такъ въ кармическія враждебныя отношенія къ кому-нибудь, мы можемъ внести доброжелательство и любовь. Ими мы подтачиваемъ нѣпріязнь и вводимъ новую серію вибрацій, которыя будутъ гасить старыя вибраціи и творить соотвѣтственную красивую карму. Словомъ, мы всегда вольны преходящее въ кармѣ замѣнить вѣчнымъ; въ силу этого карма не можетъ помѣшать свободному творчеству, потому что по сути своей она *есть творчество* и составляетъ ту цѣпь жизни, къ которой человѣкъ по *своей* волѣ прибавляетъ темныя или свѣтлыя звенья.

Возможность творчества обусловливается наличностью орудія творчества. Такимъ орудіемъ у человѣка является его мысль. Въ процессѣ мышленія мы различаемъ три фактора: 1) Мыслитель, 2) его орудіе—умъ и 3) матерія, изъ которой ткется мысль. Мыслитель въ насъ—это наше истинное Я, которое изъ вѣка въ вѣкъ и изъ жизни въ жизнь выполняетъ процессъ эволюціи отъ дикаря до сверхъ-человѣка, пользуясь въ цѣляхъ своего развитія тѣми проводниками, которыхъ мы называемъ физическимъ, астральнымъ и ментальнымъ тѣлами.

Для правильнаго пониманія процесса эволюціи вообще, и творчества въ частности,—презвычайно важно осознать свое Я

сознанія; къ тому же люди въ большой массѣ еще незнакомы съ оккультной стороною мышленія и не умѣютъ, сознательно, воспитывать свой умъ и ограждать его отъ заразы. „Мы не можемъ не думать,—пишетъ Анни Безантъ,—какъ бы ни были слабы теченія мысли, которыя мы порождаемъ, мы неизбѣжно влияемъ на всѣхъ окружающихъ насъ, все равно—хотимъ ли мы того или нѣтъ; все дѣло лишь въ томъ: хотимъ ли мы вліять благотворно или дурно, слабо или сильно, случайно или сознательно“.

Степень вліянія нашихъ мыслей на окружающихъ зависитъ отъ отчетливости и сосредоточенности мысли, а это стоитъ въ свою очередь въ связи съ крѣпостью и устойчивостью ума.

Въ наше время умъ средняго человѣка представляетъ изъ себя довольно слабое орудіе мышленія; главные его недостатки заключаются въ разсѣянности, въ неумѣніи сосредоточиться и послѣдовательно мыслить. Этому въ значительной мѣрѣ способствуетъ современная, безпокойная цивилизація, наполняющая нашу жизнь шумомъ, спѣшкой и суетой. Въ этомъ отношеніи газеты сослужили плохую службу европейскому уму, приучивъ его скользить по поверхности, перебѣгая съ предмета на предметъ. Собственно говоря, въ большинствѣ случаевъ, люди только воспринимаютъ мысли, которыя носятся въ окружающей атмосферѣ и лишь очень небольшое, сравнительно, количество людей умѣетъ думать самостоятельно; между тѣмъ, именно самостоятельное мышленіе укрѣпляетъ умъ.

Ввиду этого и рекомендуется отводить ежелневно полчаса, а если возможно и цѣлый часъ упражненію ума по определенной системѣ, а, именно, остановившись на какой-нибудь серьезной книгѣ, читать ее, скажемъ, пять минутъ, а размышлять надъ прочитаннымъ десять минутъ, стараясь удержать умъ на предметѣ размышленія, не позволяя ему уклоняться въ сторону. Два-три мѣсяца подобной работы дадутъ очень ощутительные результаты въ смыслѣ овладѣнія умомъ и приученія его къ строгому, послѣдовательному мышленію. Цѣнные указанія относительно тренировки ума содержатся въ книгѣ Эрнеста Вуда: „Сосредоточеніе“, переведенной въ Вѣстникѣ Теософіи за 1915 г.

Когда умъ приобретаетъ силу, точность и послѣдовательность, онъ становится мощнымъ орудіемъ творчества и только въ этомъ спокойномъ, уравновѣшенномъ умѣ, всецѣло подвластномъ нашей волѣ, можетъ безпрепятственно отражаться Божественное Мышленіе, подобно тому, какъ небеса отражаются не

въ бурныхъ, пѣнистыхъ волнахъ, а въ гладкомъ зеркалѣ водъ. Этотъ сильнымъ, творческимъ орудіемъ и пользуется человекъ, приступившій къ сознательному творчеству самого себя и окружающей жизни.

Изъ самого себя человекъ долженъ создать *художественное произведение*, согласное съ законами бытія.

Творить же какое-нибудь художественное произведение можно лишь имѣя передъ собой его прообразъ, идеальное представленіе о немъ. Безъ него человекъ, осознавшій себя, не можетъ жить и этотъ идеаль, который онъ возлюбилъ „всего выше“ и есть тотъ чистый образецъ, по которому онъ творить себя. Все его существо должно соответствовать ему и на немъ должны, все болѣе и болѣе, запечатлѣться его черты. Начинается творчество проводниковъ: здоровое, сильное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тонко вибрирующее тѣло, всегда является результатомъ чистой, разумной жизни; мы сами темъ изъ тонкихъ, свѣтлыхъ лучей наши лучшіе порывы, стремленья, способность отзываться на красоту, все то завѣтное и прекрасное, что человекъ таитъ въ глубинахъ своей души. Какъ сказано было выше, чистый и сильный умъ, способный отражать въ себѣ мышленіе Бога, создается нами же самими—все это наше дѣятелище, неотъемлемая карма наша, нами же самими выношенная послѣ долгихъ, творческихъ усилій. Въ такихъ просвѣтленныхъ проводникахъ расцвѣтаетъ нашъ Духъ и выливается наружу свѣтоноснымъ потокомъ.

Творчество самого себя тѣсно связано съ творчествомъ внѣшней жизни. Это особенно важно теперь, когда дѣятельность на этомъ полѣ почти неисчерпаема. Жизнь въ наше время есть самое *анти-художественное* произведение, которое можно себѣ представить. Во всѣхъ областяхъ ея попораны вѣчные законы. Человѣчество можетъ во-истину сказать: „Отче, согрѣшихъ на небо и предъ Тобою и недостойно назваться сыномъ Твоимъ“. Дѣйствительно, смѣемъ ли мы называть себя сынами Божиими, когда мы всю свою цивилизацію построили на ненависти, разрушеніи, жестокости и эгоизмѣ. Правда отлетѣла отъ жизни и она проникнута ложью во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Лживы формы жизни, потому что онѣ построены на несправедливости; лживы отношенія между людьми, такъ какъ онѣ основаны на недоверіи, эгоизмѣ и жадности; лживы произведенія интеллекта, потому что они замкнулись въ кругѣ матеріи, отрицая Духъ, безъ котораго матерія не можетъ существовать; лживы внѣшніе

сознанія; къ тому же люди въ большой массѣ еще незнакомы съ оккультной стороною мышленія и не умѣютъ, сознательно, воспитывать свой умъ и ограждать его отъ заразы. „Мы не можемъ не думать,—пишетъ Анни Безантъ,—какъ бы ни были слабы теченія мысли, которыя мы порождаемъ, мы неизбежно вліяемъ на всѣхъ окружающихъ насъ, все равно—хотимъ ли мы того или нѣтъ; все дѣло лишь въ томъ: хотимъ ли мы вліять благотворно или дурно, слабо или сильно, случайно или сознательно“.

Степень вліянія нашихъ мыслей на окружающихъ зависитъ отъ отчетливости и сосредоточенности мысли, а это стоитъ въ свою очередь въ связи съ крѣпостью и устойчивостью ума.

Въ наше время умъ средняго человѣка представляетъ изъ себя довольно слабое орудіе мышленія; главные его недостатки заключаются въ разсѣянности, въ неумѣннн сосредоточиться и послѣдовательно мыслить. Этому въ значительной мѣрѣ способствуетъ современная, безпокойная цивилизація, наполняющая нашу жизнь шумомъ, спѣшкой и суетой. Въ этомъ отношеніи газеты сослужили плохую службу европейскому уму, приучивъ его скользить по поверхности, перебѣгая съ предмета на предметъ. Собственно говоря, въ большинствѣ случаевъ, люди только воспринимаютъ мысли, которыя носятъ въ окружающей атмосферѣ и лишь очень небольшое, сравнительно, количество людей умѣетъ думать самостоятельно; между тѣмъ, именно самостоятельное мышленіе укрѣпляетъ умъ.

Ввиду этого и рекомендуется отводить ежелдневно полчаса, а если возможно и цѣлый часъ упражненію ума по определенной системѣ, а, именно, остановившись на какой-нибудь серьезной книгѣ, читать ее, скажемъ, пять минутъ, а размышлять надъ прочитаннымъ десять минутъ, стараясь удержать умъ на предметѣ размысленія, не позволяя ему уклоняться въ сторону. Два-три мѣсяца подобной работы дадутъ очень ощутительные результаты въ смыслѣ овладѣнія умомъ и приученія его къ строгому, послѣдовательному мышленію. Цѣнныя указанія относительно тренировки ума содержатся въ книгѣ Эрнеста Вуда: „Сосредоточеніе“, переведенной въ Вѣстникѣ Теософіи за 1915 г.

Когда умъ приобретаетъ силу, точность и послѣдовательность, онъ становится мощнымъ орудіемъ творчества и только въ этомъ спокойномъ, уравновѣшенномъ умѣ, всецѣло подвластномъ нашей волѣ, можетъ безпрепятственно отражаться Божественное Мышленіе, подобно тому, какъ небеса отражаются на

въ бурныхъ, пѣнистыхъ волнахъ, а въ гладкомъ зеркалѣ водъ. Этимъ сильнымъ, творческимъ орудіемъ и пользуется человекъ, приступившій къ сознательному творчеству самого себя и окружающей жизни.

Изъ самого себя человекъ долженъ создать *художественное произведение*, согласное съ законами бытія.

Творить же какое-нибудь художественное произведение можно лишь имѣя передъ собой его прообразъ, идеальное представление о немъ. Безъ него человекъ, осознавшій себя, не можетъ жить и этотъ идеаль, который онъ возлюбилъ „всего выше“ и есть тотъ чистый образецъ, по которому онъ творить себя. Все его существо должно соотвѣтствовать ему и на немъ должны, все болѣе и болѣе, запечатлѣться его черты. Начинается творчество проводниковъ: здоровое, сильное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тонко вибрирующее тѣло, всегда является результатомъ чистой, разумной жизни; мы сами тѣмъ изъ тонкихъ, свѣтлыхъ лучей наши лучшіе порывы, стремленья, способность отзываться на красоту, все то завѣтное и прекрасное, что человекъ таитъ въ глубинахъ своей души. Какъ сказано было выше, чистый и сильный умъ, способный отражать въ себѣ мышленіе Бога, создается нами же самими—все это наше дѣтище, неотъемлемая карма наша, нами же самими выношенная послѣ долгихъ, творческихъ усилій. Въ такихъ просвѣтленныхъ проводникахъ расцвѣтаетъ нашъ Духъ и выливается наружу свѣтоноснымъ потокомъ.

Творчество самого себя тѣсно связано съ творчествомъ внѣшней жизни. Это особенно важно теперь, когда дѣятельность на этомъ полѣ почти исчерпаема. Жизнь въ наше время есть самое *анти-художественное* произведение, которое можно себѣ представить. Во всѣхъ областяхъ ея попораны вѣчные законы. Человѣчество можетъ во-истину сказать: „Отче, согрѣшихъ на небо и предъ Тобою и недостойно назваться сыномъ Твоимъ“. Дѣйствительно, смѣемъ ли мы называть себя сынами Божиими, когда мы всю свою цивилизацію построили на ненависти, разрушеніи, жестокости и эгоизмѣ. Правда отлетѣла отъ жизни и она проникнута ложью во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Лживы формы жизни, потому что онѣ построены на несправедливости; лживы отношенія между людьми, такъ какъ онѣ основаны на недовѣрїи, эгоизмѣ и жадности; лживы произведенія интеллекта, потому что они замкнулись въ кругъ матерїи, отрицая Духъ, безъ котораго матерія не можетъ существовать; лживы внѣшніе

предметы, потому что они созданы не свободнымъ, радостнымъ трудомъ, а тяжкимъ рабствомъ слабого сильному. Живое искусство, потому что оно искру Божію сдѣлало льстивымъ слугою толпы. Наконецъ, самая святая святыхъ—любовь, нами втоптана въ живую, смрадную грязь. Она имѣеть объектомъ физическое тѣло и тѣла эти тысячами и тысячами продаются среди насъ и находятъ тысячи и тысячи покупателей, забывающихъ, что тѣла эти — храмы Бога живого и что величайшія тайны совершаются въ нихъ. Въ области жизни представляютъ изъ себя открытыя раны, къ которымъ больно прикоснуться: религія — рана: она выронила изъ рукъ факель истины и суррогатомъ ея, предлагаемымъ ею, беспильна предупредить и остановить ожесточеніе и отчаяніе сердець людскихъ; любовь — рана: среди торопливости безмысленнаго существованія намъ некогда оглянуться на одинокую душу, страдающую рядомъ съ нами и часто изъ-за насъ; да у кого изъ насъ сердце не было когда-нибудь разбито любовью; семейная жизнь — рана: рѣдки души, не измятія ею; воспитаніе дѣтей — рана: условія жизни мертвятъ и калѣчатъ души ихъ, прежде чѣмъ онѣ успеютъ расцвѣсть; литература и искусство—раны, потому что онѣ отражаютъ пріяныя нечистоты жизни; наука — отраженіе чистѣйшаго мышленія Бога, можетъ быть, самая больная рана теперь, потому что она продала себя и сдѣлалась послушной рабой жестокости и ненависти. А тюрьмы? а проститутки? а нищета? а самоубійства?—все это открытыя раны, сочащіяся кровью и гноемъ. Въ такой жизни нѣтъ правды и горе намъ, что мы могли въ теченіе вѣковъ создать такую цивилизацію. Но теперь глаза наши открылись. Кровь живыхъ существъ, льющіяся цѣлыми потоками, тѣла, разрываемаыя на части снарядами, страданія людей, сотнями тысячъ скитавшихся подъ открытымъ небомъ безъ крова и нищи, плачь безпомощныхъ дѣтей, потерявшихъ родителей — все эти *плоды нашей творчества* вопіють къ небу гласомъ, который нельзя болѣе заглушить. Приходится признать, что жизнь, созданная нами, есть одна грандіозная фальсификація истины, и эта истина властно требуетъ возстановленія своихъ правъ, введенія своего въ жизнь, которую она одна можетъ оплодотворить и украсить. Все человѣчество ранено въ корняхъ жизни и потому-то новое сознательное творчество необходимо.

И мы *должны* творить. Но опять-таки для такого творчества необходимъ образецъ—идеаль, по которому мы слагали бы новую жизнь. Каждая эпоха, каждая раса, каждый народъ и каждый

человѣкъ имѣють опредѣленную задачу, которая заключается въ достиженіи слѣдующей ступени эволюціи. Задача эта облекается въ форму идеала, являющагося тѣмъ маякомъ, который вѣчно манитъ впередъ и вверхъ. Міръ не могъ бы существовать безъ идеала, потому что идеаль есть тотъ внутренній импульсъ, который неослабнымъ, но нѣбкимъ напоромъ движеть міръ впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ это лучезарный вышшій образъ, стоящій передъ человѣчествомъ, какъ ближайшій пунктъ, который ему надлежитъ осуществить. „Въ сущности идеалы суть лишь потенціи человѣческой природы, объективированныя и выраженныя въ словахъ“. Идеаль всегда опережаетъ общій уровень развитія коллектива или индивидуума и стоитъ передъ тѣмъ и другимъ, какъ ближайшая цѣль пути. Однако, никакое поколѣніе не можетъ стать выше самого себя и поэтому процессъ осуществленія идеала производится постепеннымъ и сложнымъ путемъ. Существуютъ всегда люди, перерастающіе общій уровень развитія. Это идеалисты или люди, способные вѣрнть въ идею, т. е. въ нѣчто, невидимое для физическаго глаза.

Идеализмъ является опредѣленною ступенію въ эволюціи человѣческой души и составляетъ признакъ извѣстной ея зрѣлости. Джинараджа кива говоритъ въ книгѣ „Во имя Его“: „Ищущіе Учителя должны быть идеалистами, а идеализмъ есть рѣшимость отождествлять себя съ міромъ болѣе высокимъ, а не съ тѣмъ, въ которомъ намъ приходится жить“.

Всякій идеалистъ — человекъ *вѣрующій*, какъ бы онъ отъ этого не отказывался, потому что „вѣра есть увѣренность въ невидимомъ“, какъ говоритъ ап. Павелъ. А человекъ, идущій на страданіе ради идеала, дѣлаетъ это, несомнѣнно, потому, что онъ увѣренъ въ существованіи этого неосвязаемаго и невидимаго.

Идеаль нлбняется лучшіе умы: они дѣлаются пророками царства свѣта и отъ нихъ уже онъ мало-по-малу распространяется, превращаясь, наконецъ, въ общее мѣсто. Когда идеаль перестаетъ быть идеаломъ, превратившись въ общее мѣсто, это обозначаетъ, что люди поднялись на одну ступень и передъ ними появляется новый идеаль, новый свѣтъ, новая задача. Способность увидѣть свѣтъ данной эпохи дается не всѣмъ. Люди приносятъ это свойство изъ прежнихъ воплощеній, въ теченіе которыхъ они постепенно, труднымъ процессомъ, полнымъ страданія, отрывали свой взглядъ отъ земнаго и переносили его на то невидимое, что мало-по-малу становилось для нихъ реальнею окружающею жизнью. Но приобретенная тяжкимъ опытомъ спо-

способность увидѣть свѣтъ свидѣтельствуеть о томъ, что воплощеніе такого челоуѣка въ данную эпоху связано съ опредѣленной отвѣтственностью, въ особенности въ наше время. Въ прежніе вѣка идеалисты-подвижники, святые, уходили въ пустыни и тамъ копили для послѣдующихъ столѣтій духовныя сокровища, которыя до сихъ поръ живутъ и вибрируютъ на высихъ планахъ. Въ нашъ вѣкъ идеалистъ должно быть также подвижникомъ, но свой подвигъ онъ долженъ совершать въ міру. Теперь все челоуѣчество, какъ коллективъ, съ большими страданіями научается отрывать свой взоръ отъ земного и старается увидѣть реальность; теперь свѣтъ міра долженъ свѣтиться въ самой его гущѣ. Его уже нельзя „ставить подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтится всѣмъ, иже въ храмѣ“. Отнынѣ для челоуѣка, увидѣвшаго свѣтъ, онъ уже не можетъ быть только тѣмъ *нужномъ*, который стоитъ на высихъ планахъ на стражѣ каждаго этапа челоуѣческаго пути. Онъ долженъ быть имъ осуществленъ, воплощенъ самымъ видимымъ, конкретнымъ образомъ. Челоуѣчество еще не умѣетъ воспитывать себя на отвлеченностяхъ. Живя на физическомъ планѣ, проводя свое сознаніе черезъ физическій мозгъ, оно нуждается въ конкретныхъ примѣрахъ новой жизни, примѣнительно къ тѣмъ сложнымъ и безпокойнымъ условіямъ, среди которыхъ оно живетъ.

Поэтому идеалистъ не имѣетъ права довольствоваться тѣмъ, что онъ *увидѣлъ* свѣтъ, онъ долженъ *стать* этимъ свѣтомъ и въ силу этого праведность является для него не только желательнымъ и пріятнымъ достиженіемъ, а очень реальной и суровой обязанностью, налагаемой на него знаніемъ свѣта.

Самая большая отвѣтственность налагается именно *такимъ*, поэтому оно дается душамъ, созрѣвшимъ для несенія этого бремени.

Нѣтъ нужды распространяться о трудности достиженія идеала вообще; для насъ, европейцевъ, она увеличивается еще тѣмъ, что современная цивилизація настолько отошла отъ реальныхъ путей жизни, что самое слово добродѣтель и „добро дѣлать“ связывается въ нашемъ представленіи съ чѣмъ-то буржуазнымъ, тусклымъ и очень скучнымъ. Европейецъ больше всего боится прослыть святошей, и этотъ страхъ заслоняетъ отъ него самого тотъ фактъ, что добро дѣлать, значить содѣйствовать плану Бога, работать съ основными законами бытія, а не вопреки имъ, и вслѣдствіе этого жить такой полной и яркой жизнью, какая и не снится мірянину, хотя яркость ея, можетъ быть и не видна на поверхности.

Въ связи со всѣмъ вышеизложеннымъ встаетъ возраженіе, что такихъ идеалистовъ мало, что творчество жизни трудно, въ особенности теперь, когда надо сверху до низу перестраивать всю цивилизацію. Тутъ полезно намъ припомнить, что всякая сила, пущенная въ ходъ, имѣетъ свои видимые и невидимые результаты.

Наблюденіе надъ жизнью показало, что каждая новая идея имѣетъ четыре стадіи развитія. Первая изъ нихъ—стадія молчаливаго къ ней презрѣнія. Лидеры даннаго момента ее замалчиваютъ, газеты лишь вскользь и съ пренебреженіемъ о ней упоминаютъ. Она зрѣетъ въ глубинахъ, представляя изъ себя невидимое и слабое подводное теченіе. Но постепенно укрѣпляясь, она поднимается ближе къ поверхности и встрѣчаетъ издѣвательство надъ собой. Мы весело смѣемся надъ ея нелѣпостью, утверждая, что міръ съ каждымъ днемъ становится все сумасброднѣе. Такъ смѣялись надъ открытіями Галилея, надъ электрическими игрушками Франклина, надъ „обезьянами“ Дарвина и надъ первыми людьми, пытавшимися летать. Эта стадія издѣательства надъ истиной.

Когда же подводное теченіе начинаетъ пробиваться наружу и мы все чаще и чаще читаемъ о немъ за чашкой утренняго кофе, настаетъ періодъ негодованія и оппозицій. Мы требуемъ искорененія этой вредной нелѣпости: она подрываетъ религію, развращаетъ общество, калѣчитъ души дѣтей. Мы пишемъ негодующія письма въ газеты и въ неистовомъ спорѣ о ней, кулаками стучимъ по столу.

Но черезъ нѣкоторое время мы къ ней привыкаемъ, она пріобрѣтаетъ права гражданства и мы снисходительно пожимаемъ плечами, говоря, что „мы давно это знали“. Такова комедія человѣческаго прогресса.

Такимъ образомъ одинокіе мыслители являются рычагами Вселенной. Мысли, имѣющія въ себѣ зерно вѣчности, не могутъ умереть и преодолеваютъ всѣ преграды. „Не бойтесь мечтать, — говоритъ Джинараджадаза, — всякая мечта рано или поздно осуществится“.

Во главѣ безконечной процессіи человѣчества, извивающейся по пути прогресса, шествуютъ идеалисты, мечтатели, провидцы, — всѣ тѣ безумцы, по мнѣнію толпы, что идутъ всегда глядя вверхъ, устремивъ взоръ на несбыточный, казалось бы, идеаль. Ими держится міръ и приближается медленно, но вѣрно къ своей цѣли: къ совершенству духа и формы. Человѣчеству

нужны въ настоящее время „практическіе мистики“, какъ лордъ Розберри называлъ Кромвелля, т. е. люди, умѣющіе беззавѣтно вѣрить въ идеаль и обладающіе силой и умѣньемъ для осуществленія его на землѣ. Такіе люди представляютъ изъ себя ничѣмъ несокрушимую силу.

Несомнѣнно стадія сознательнаго творчества, есть стадія напряженнаго труда. Творчество всегда есть жертва и кто душу свою не положитъ за други своя, тотъ не обрѣтетъ ее и не вступитъ въ жизнь вѣчную; другими словами: тотъ не сдѣлается соучастникомъ вѣчнаго творчества Логоса. Сѣйте вѣчное и пожнете вѣчное. Вносите зерно вѣчнаго въ каждую мысль, въ каждое чувство, въ каждый поступокъ, хотя бы цѣною насилія надъ ветхимъ человѣкомъ. Въ наше время, когда жизнь такъ безрадостна и безобразна, стоитъ жить только для того, чтобы вообщю показать міру, утратившему идеалы и тяжело стосковавшемуся по любви, что идеаль не несбыточная мечта, а реальный фактъ, который можетъ осуществиться въ повседневной жизни; что любовь не химера, а нѣчто вѣчно присутствующее, безъ чего нельзя жить, не разбивъ своего сердца и что красота не есть лишь красивая картина, красивая ваза или красивое платье, а также и главнымъ образомъ красота отношеній людей между собой, красота мыслей, чувствъ и поступковъ.

Это преображеніе жизни на вѣсѣхъ планахъ является задачей почти космическаго размаха и для нечерпывающаго выполненія ее явится Высокая Сущность, которая благими Руками развяжетъ темный узелъ, затянутый нами, и научитъ насъ, какъ сплести золотыя нити жизни въ вѣчный узоръ. Но и мы въ маленькомъ масштабѣ нашего служенія должны по мѣрѣ силы дѣлать эту работу. Она (можетъ быть и незамѣтно для насъ самихъ) леда на ваши плечи вмѣстѣ со знаніемъ эволюціи, карма, силы мысли, вибрацій, оккультизма и т. д. Сбросить ее съ плечъ мы уже не можемъ. Обязанности творчества новой жизни вытекаютъ изъ нашего прикосновенія къ Божественной Мудрости. Никто безнаказанно не можетъ отдернуть завѣсу Панды. Рука наша святотатственна, если въ ту минуту, какъ мы отдергиваемъ ее, мы не отведемъ себя тотчасъ же въ жертву ей.

Отнынѣ передъ нами открытъ одинъ только путь: идти вмѣстѣ съ Богомъ, а не противъ Него, сотрудничать съ планомъ Логоса, а не противодействовать ему.

Здѣсь мы подошли къ третьей стадіи творчества, когда человѣкъ, создавъ изъ своихъ проводниковъ художественное про-

изведеніе, отдастъ его въ руки Высшихъ Силъ, какъ орудіе для исполненія плана Бога. Тутъ человѣкъ ужь переступаетъ границу узкаго, личнаго сознанія и если еще не можетъ всецѣло слиться съ высшимъ сознаніемъ, онъ все же уже предчувствуетъ моментъ этого слиянія и во всякомъ случаѣ видитъ, что Цстина, Красота, Любовь есть созвучіе съ Богомъ и могутъ быть осуществлены въ полной мѣрѣ только если духъ, душа и тѣло станутъ единымъ откликомъ Единаго Пресвѣтлаго Звука, творящаго міры. Это та высшая жертва, безъ которой нѣтъ жизни. Настаетъ моментъ, когда человѣкъ приноситъ эту жертву добровольно и безъ оглядки, для того, чтобы воля Всевышняго творилась черезъ него.

В. Пушкина.

Ежедневно приноси жертву своему богу, молись и кади ему и имѣй передъ нимъ чистое сердце—это самое достойное для божества.

Страхъ божій—начало милости, жертва благопріятна для долголѣтія, молитва разрѣшаетъ грѣхъ.

Бога бойся, царя чти.

Воздай добромъ тому, кто сдѣлалъ тебѣ зло.

Изреч. изъ древне-авилонскихъ Св. Писаній.

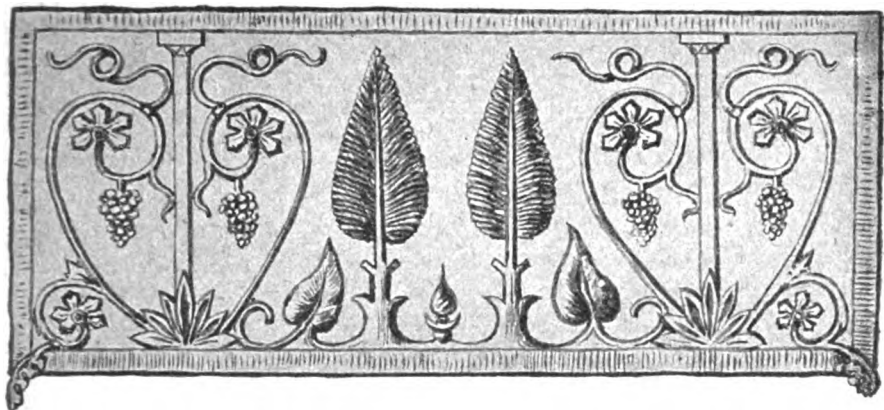
Стихотворенія.

Поднялся валъ изъ тьмы морской,
Стеная гребнемъ снѣжнымъ блещеть,
Съ набѣга бьетъ волну волной,
Кружить въ безумьѣ и трепещеть.
Клокочеть духъ во тьмѣ скитаній,
Родить грозу въ себѣ самой...
Жди утра! лучъ пробьется ранній—
И стихнетъ бредъ души ночной!

Е. Лубны-Герцыкъ.

Кругомъ меня мельканье жизни шумной,
Какъ зыбь волны.
Но въ глубинѣ души моей безумной
Иные сны.
Сіяютъ мнѣ лучи звѣзды далекой,
Зовутъ къ себѣ.
И крылья сердца,—птицы одинокой,
Растутъ въ борьбѣ.
Звѣзда зоветъ незримыми лучами—
Дерзать и смѣть.
Хочу взмахнуть могучими крылами—
И улетѣть.....

Воспоминанія.

ГЛАВА XXXII.

Домъ, въ которомъ жили Галлеръ и куда мы ѣздили зимой съ 1871 года на музыкальные вечера, находился въ Петербургѣ на Большой Морской, на углу Кирпичнаго переулка и онъ до сихъ поръ цѣль, только подъ „фонаремъ“, выступавшемъ изъ Галлеровской залы на Морскую, теперь прибита вывѣска: „Аптека“ и, быть можетъ, чудесныя музыкальныя вибраціи прошлаго и присутствіе въ тѣ времена въ этихъ стѣнахъ столькихъ драгоценныхъ музыкальныхъ инструментовъ, на которыхъ вдохновенно играли талантливые, молодые музыканты, теперь невидимо, но благотворно дѣйствуютъ на лекарственныя снадобья, изготовляемыя въ этой аптекѣ, содѣйствуя исцѣленію больныхъ, пользующихся ими.

Кто знаетъ? Можетъ быть и пѣніе моего отца и звуки моей дѣтской скрипки, на которой сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, играя въ Галлеровской залѣ, наряду съ большими артистами, я съ любовью воспѣвала свои дѣтскіе идеалы, теперь тоже немножечко вліяютъ на какіе-нибудь аптечные порошки въ коробочкахъ, или на микстуры въ стеклянныхъ пузырькахъ, съ бумажными рецептами—все это возможно, потому что тамъ, гдѣ звучала хорошая музыка, гдѣ проявлялась красота и жила любовь, тамъ остается благая сила.

Любовь моя къ своимъ идеаламъ—всѣмъ морякамъ и всѣмъ артистамъ вообще, устремлялась съ особенной силой, въ формѣ благоговѣйнаго преклоненія, къ одной молодой, бѣлокурой барышнѣ—Евгеніи Алексѣевнѣ Харитоновой, часто пѣвшей на вечерахъ у Галлеръ, въ то время, какъ отецъ ея, тоже пѣвецъ, извѣстный теноръ-меломанъ, игралъ въ карты въ кабинетѣ Николая Александровича вмѣстѣ съ другими его гостями.

Евгенія Алексѣевна!—Вотъ кто была „гвоздемъ“ Галлеровскихъ вечеровъ и ея пѣніе лучше бабушкиныхъ объясненій открыло мнѣ истинное значеніе этого непонятнаго слова, сказаннаго мнѣ Галлеромъ, когда онъ приглашалъ меня къ себѣ играть.

Какъ Евгенія Алексѣевна пѣла! И какъ она была мила въ своемъ простенькомъ, бѣломъ платьѣ съ черной бархаткой на шеѣ.

Мудрено-ли, что ее всегда окружали и говорили ей послѣ каждаго свѣтаго ея романса:

— Ну, пожалуйста, еще! Евгенія Алексѣевна! Спойте „Еврейскую мелодію“ Рубинштейна.

Она мило улыбалась, а потомъ, сдѣлавъ серьезное лицо и устремивъ задумчивый взглядъ въ пространство, начинала бархатнымъ mezzo-сопрано:

— „Душа моя мрачна... Скорѣй пѣвецъ, скорѣй, вотъ арфа золотая, пускай персты твои, промчавшіяся по ней, пробудятъ въ струнахъ звуки рая...

— „Я слезъ хочу пѣвецъ, я слезъ хочу, иль разорвется грудь отъ муки...“

Ея дивный голосъ поднимался на высокія ноты и у меня захватывало духъ...

Всѣ опять рукоплескали ей и, окруживъ ее, говорили:— еще, еще!—а она, бывало, кивнетъ головкой направо и налѣво и отвѣтить:

— Теперь пускай Василий Васильевичъ намъ споетъ.

— Василий Васильевичъ! Теперь Вы, пожалуйста!—скажетъ она моему отцу такъ ласково, что онъ тотчасъ слушается и идетъ къ роялю, за который садится моя мать.

— „Я помню, глубоко“—начинаетъ онъ пѣть,—„глубоко мой взоръ какъ лучъ проникалъ и рощу, и боръ, и степь обнималъ онъ широко, широко... Тѣ зоркіе очи, потухли и вы... Я выглядѣлъ васъ на дѣву любви...“

— Навѣрное про нее написалъ этотъ романсъ Даргомыж-

скій—думаю я, слушая отца, съ замираніемъ сердца.—И папочка навѣрное про *нее* теперь поеть.

„Дѣва любви“—это *она*, мой идеаль...

— Какая прелесть, какой голосъ!—шепчетъ возлѣ меня Евгенія Алексѣевна.

— Какое счастье! *Она* хвалить папочку, ей нравится какъ онъ поеть.

Но пѣніе моего отца нравилось не только Евгеніи Алексѣевнѣ, но и всѣмъ и, какъ только онъ начиналъ пѣть, дамы изъ гостиной переходили въ залу и, усѣвшись на атласныхъ диванчикахъ возлѣ стѣнъ, внимательно слушали.

Вотъ М-ше Розингъ—въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ большой брилліантовой брошью. М-ше Шохитоновъ—въ лиловомъ и еще много нарядныхъ, все больше пожилыхъ дамъ, а рядомъ съ бабушкой, сама М-ше Галлеръ, вся въ черныхъ кружевахъ и жемчугъ; она отъ удовольствія беззвучно и томно обмахивается бѣлымъ, страусовымъ вееромъ и рябое, некрасивое, но умное и симпатичное лицо ея блаженно улыбается и она качаетъ головой въ тактъ пѣнія моего отца.

Изъ столовой въ залу, въ дверяхъ, съ огромнымъ подносомъ фруктовъ и винограда, замеръ лакей Василій и, съ видимымъ удовольствіемъ, слушая моего отца, дожидается, чтобы онъ кончилъ.

— Bravo! Bravo!—Рукоплещать дамы въ залѣ, аплодируютъ и въ кабинетѣ, и Василій начинаетъ разносить фрукты.

Въ передней слышно: еще кто-то пріѣхаль—въ залу входятъ молодые люди и, о, изумленіе и радость—среди нихъ Вержбиловичъ.

Неужели вижу его не въ консерваторіи на эстрадѣ, а здѣсь, такъ близко...

Какъ онъ изященъ и какъ красиво кланяется дамамъ, а потомъ подходитъ къ *ней* и Евгенія Алексѣевна ему рада и улыбается.

— Ну, mesdames, послѣ пѣнія у насъ будетъ квартетъ, музыканты пріѣхали,—во всеуслышаніе объявляетъ Николай Александровичъ, выговаривая по-французски „э“, немножко на манеръ русскаго „ѣ“.

— Квартетъ Бетховена на инструментахъ Страдивариуса, Гварнери и Амати—многозначительно поясняетъ онъ.

— О-о-о!—слышится въ залѣ.

— Но ~~снова~~ мы съ Евдокіей Петровной и съ Сашенькой,—

указываетъ Николай Александровичъ на мою мать и на меня,— сыграемъ Вамъ тріо, и на віолончели Страдиваріуса буду играть *я сама*.

— А а-а!—изумляются дамы.

Николай Александровичъ, очень довольный произведеннымъ имъ эффектомъ, идетъ въ кабинетъ и возвращается оттуда съ Страдиваріусомъ, въ сопровожденіи своего учителя Мейера, только-что пріѣхавшихъ музыкантовъ и гостей, бросившихъ играть въ карты, чтобы посмотрѣть: какъ *сама* Николай Александровичъ будетъ играть тріо съ маленькой скрипачкой. (Хотя мнѣ уже было четырнадцать лѣтъ, но ростомъ я была такъ мала, что казалось не больше двѣнадцати).

Когда, окруженные любопытными зрителями, занявшими мѣста въ залѣ, мы съ Николаемъ Александровичемъ устѣлись за двухсторонній пюпитръ, а моя мать—за рояль, онъ еще долго, съ помощью Мейера, настраивалъ свою віолончель, потомъ долго канифолоилъ смычекъ, что любители дѣлаютъ особенно тщательно, думая, что отъ канифоли они будутъ лучше играть.

Наладивъ віолончель и смычекъ, Николай Александровичъ старательно приладилъ пальцы къ струнамъ и началъ отбивать тактъ ногой, въ знакъ того, что можно начинать и такъ продолжалъ до конца, чтобы мы съ мамой какъ-нибудь отъ него не офѣжали.

Медленно, медленно заиграли мы *andante* изъ тріо Гайдена, такъ какъ мой партнеръ еще не могъ играть *allegro*, и для меня началось тяжелое испытаніе—жгучее чувство нетерпѣнія, желаніе играть скорѣе, постепенно охватывало мое сердце и какъ я не боролась съ нетерпѣніемъ, какъ не любила Николая Александровича, мнѣ становилось съ нимъ все тяжелѣе и тяжелѣе, и нетерпѣніе переходило въ личное раздраженіе противъ него, даже на глаза навертывались слезы.

А онъ былъ такъ счастливъ и такъ мило улыбался, заглядывая ко мнѣ черезъ пюпитръ, что, борясь съ собой и ужасно страдая, я тоже старалась ему улыбнуться сквозь слезы, чтобы не огорчить его.

— Bravo! Bravo! Брависсимо!—заплодировали намъ, когда мы, наконецъ, кончили...

— Меньше чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ выучился играть на віолончели,—торжественно заявилъ всѣмъ про себя Галлеръ,— чтобы *вотъ съ ней* играть,—указалъ онъ на меня,—а теперь, Сашенька, исполните-ка намъ соло.

Инстинктивно стремясь вознаградить себя за пережитое мученье медленнаго *andante*, еще не понимая того, что я мучилась *сама отъ себя*, потому, что еще *не умѣла наполнить времени музыкальнымъ содержаніемъ*, я выбрала, соответственно своему еще легкомысленно-пылкому темпераменту, пьесу, которую хотя еще не хорошо выучила, но могла играть очень быстро и, начавъ ее довольно пѣвуче, къ концу такъ загнала темпъ, что сама испугалась и пальцы у меня запутались; но мама, желая меня спасти, такъ загремѣла на роялѣ, заглушая мои фальшивыя и нечистыя ноты и сама я, сознавая опасность оставаться, такъ отчаянно пилила на скрипкѣ, на высокихъ нотахъ, что даже получился, какъ казалось мнѣ, большой эффектъ—раздался громъ рукоплесканій и у меня закружилась голова...

Кто-то быстро подошелъ ко мнѣ, взять меня за руку и нѣжно поцѣловалъ ее—это былъ Вержбиловичъ...

— Какой большой талантъ у Вашей дочки,—сказалъ онъ моей матери,—но какая жалость... Такъ нельзя... Ей надобно хорошаго, хорошаго учителя, который показалъ бы ей фразировку, темпы... Если позволите, я скажу Ауэру, онъ, навѣрное, согласится учить ее, это—молодой, удивительно-талантливый, профессоръ, только-что пріѣхавшій изъ заграницы, на мѣсто Венявскаго.

— Благодарю Васъ,—отвѣтила моя мать,—надо сказать ей бабушкѣ.

Сознавая, что Вержбиловичъ, хотя и хвалить меня, но, въ сущности, порицаетъ мою игру, я не огорчилась; онъ продолжалъ держать мою руку и, ободряя меня, такъ сочувственно пожималъ ее, что я почувствовала въ немъ друга и благодарно, снизу вверхъ, взглянула на него—онъ рѣшалъ мою артистическую судьбу.

Послѣ квартета, Вержбиловичъ игралъ соло на виолончели Страдивариуса и отъ восторга люди замирали, а вещи—оживали... Легкимъ, художественнымъ трепетомъ—отъ звуковъ виолончели вибрировалъ блестящій паркетъ въ залѣ, а огни свѣчей, искрясь и сверкая въ дрожавшихъ хрустальныхъ подвѣскахъ люстръ и канделябровъ, радостно горѣли въ нихъ тысячами радужныхъ лучей... И стулъ мой точно оживалъ, въ восхищеніи я точно плыла на немъ въ пространствѣ надъ моремъ звуковъ, въ сферѣ свѣта, гдѣ постигалось что-то Новое, въ волшебномъ мірѣ красоты.

ГЛАВА XXXIII.

Меньше чѣмъ черезъ двѣ недѣли, у насъ въ гостиной, въ креслѣ противъ бабушки, сидѣлъ очень красивый молодой человекъ, лѣтъ двадцативосьми—брюнетъ, съ густыми, вьющимися волосами и небольшой шелковистой бородкой; это былъ профессоръ Ауэръ.

Темнокаріе, большіе, мягкіе и умные глаза его внимательно смотрѣли на бабушку и, слушая ее, онъ какъ-будто анализировалъ ея характеръ; чувствуя это, бабушка, видимо, смущалась, старенькія щеки ея краснѣли и я замѣтила, что она старается говорить какъ можно изящнѣе и умнѣе—говорила она по-французски.

Профессоръ Ауэръ, въ этотъ разъ, не сталъ пробовать моихъ способностей, онъ уже все зналъ отъ Вержбиловича и сразу назначилъ дни для уроковъ—вторники и пятницы, отъ двухъ до трехъ.

Постѣ этого бабушкѣ предстояла неприятность извѣстить Кременецкаго о томъ, что я больше не буду заниматься съ нимъ, такъ какъ его замѣняетъ профессоръ Ауэръ и она долго мучилась, не зная—написать ли ему объ этомъ, или сказать на словахъ; наконецъ, рѣшивъ опять прибѣгнуть къ Мейеру, она поручила ему *все* сказать Кременецкому и Мейеръ потомъ рассказывалъ намъ, что дядя его былъ очень огорченъ, не тѣмъ, что ему предпочли другого, несомнѣнно, лучшаго профессора—нѣтъ, не этимъ, а тѣмъ, что это случилось безъ его вѣдома и что его лишили счастья—лично передать меня *другому*, какъ любящій отецъ передалъ бы свою дочку человеку, который поведетъ ее дальше по жизненному пути;—вѣдь учитель, все равно, что отецъ своего ученика... За что, за что?—горько жаловался Кременецкій Мейеру.

У меня сжалось сердце, когда я объ этомъ узнала—не увижу больше милаго, добраго Михаила Филипповича, онъ теперь обиженъ и больше не придетъ къ намъ.

Чувствуя, что въ Кременецкомъ теряю: если не отца, то добраго дядюшку, я думала—каковъ-то будетъ мой новый учитель?

Съ волненіемъ ждала я его во вторникъ, на слѣдующей недѣлѣ, а не въ ближайшую пятницу, какъ слѣдовало бы ожидать: бабушка выбрала вторникъ, потому что пятница хотя и не

была *помедальникъ*, все же пользовалась сомнительной репутацией для неблагоприятнаго, для удачнаго начинанія серьезнаго дѣла и *пятница* уже достаточно показала себя англичанамъ, желавшимъ доказать, что все это предразсудки: они нарочно начали строить корабль въ пятницу, спустили его на воду въ пятницу и назвали „Пятницей“; „Friday“ въ пятницу вышелъ въ море и въ пятницу разбился и потонулъ... Объ этомъ рассказывали моряки и, говорятъ, что это была сухая правда.

Мнѣ очень понравился первый урокъ съ профессоромъ Ауэръ и онъ сразу заслужилъ мое полное довѣріе.

Говорилъ онъ со мной ласково, но серьезно, не какъ съ дѣвочкой, а какъ со взрослой, и не нянчился со мной, какъ Кременецкій; онъ не восхищался моимъ талантомъ и не сердился за мои недостатки, а просто *велѣлъ ихъ исправить*, представивъ мнѣ самой находить способы это сдѣлать.

Точно умный и знающій врачъ, онъ правильно поставилъ діагнозъ моего характера, а затѣмъ только сталъ слѣдить, внимательно и зорко: какъ я работаю, направляя меня, если я сбивалась.

— *Donnez vous du temps* ¹⁾),—говорилъ онъ, когда, слѣдуя своей привычкѣ—*тъжатъ въ темпaxъ*, я играла слишкомъ скоро медленные вещи.

— *Et chantez du violon comme un bon chanteur italien, qui chante comme s'il jouait du violon* ²⁾).

Однажды, когда ужасно тяготясь медленнымъ темпомъ какого-то *andante*,—я играла его безъ всякаго выраженія, Ауэръ вдругъ спросилъ меня:

Ma chère, n'avez vous pas un petit chien, ou un petit chat que vous aimez, pour pouvoir leur exprimer vos sentiments en jouant lentement du violon ³⁾)?

Онъ спрашиваетъ про кошечку или собачку, а я уже умѣю любить не только кошекъ и собакъ, но и людей,—думаю я, но потупившись молчала; не могла же я сказать:—*mais c'est vous que j'aime déjà, Monsieur Auer* ⁴⁾).

— *Vous êtes intelligente* ⁵⁾),—говорилъ мой профессоръ.

¹⁾ Запаситесь временемъ.

²⁾ И пойте на скрипкѣ, какъ хорошій итальянскій пѣвецъ поетъ, какъ будто бы онъ игралъ на скрипкѣ.

³⁾ Милая моя, нѣтъ ли у васъ кошечки, или собачки, которыхъ вы любите, чтобы выражать имъ ваши чувства, играя *медленно* на скрипкѣ.

⁴⁾ Но я уже люблю васъ, господинъ Ауэръ.

⁵⁾ Вы смышленная.

когда былъ доволенъ мной и это была высшая похвала, а когда я лѣнилась и небрежно учила пассажи, онъ только замѣчалъ, что очень сожалѣеть, что ошибся во мнѣ, ожидая отъ меня большаго и я тогда начинала стараться изо всѣхъ силъ, а онъ, бывало, только скажетъ, послѣ этого:

— Ah! Je vois maintenant que vous pouvez travailler, si vous voulez, c'est bien dommage que ce n'est pas toujours que vous le voulez ¹⁾).

Но иногда, если нѣкоторые пассажи, несмотря на мое стараніе никакъ не удавались мнѣ, Monsieur Auer, какъ я называла его (мы всегда говорили съ нимъ по-французски), путемъ разныхъ сравненій и аналогій, иногда очень остроумныхъ и забавныхъ, такъ, что мы оба смѣялись, объяснялъ—какъ надо ихъ учить, а потомъ бралъ мою скрипку и показывалъ какъ ихъ надо играть и, странно—точно пальцы его прокладывали на струнахъ тропинки для моихъ пальцевъ—такъ, бывало, легко по тѣмъ же слѣдамъ играть послѣ него, что хотѣлось, чтобы онъ почаще игралъ на моей скрипкѣ.

Его пониманіе красоты музыки и скрипичной игры было такое глубокое и тонкое, чистота звука, вѣрность интонаціи, благородство фразировки создавали изъ каждой сыгранной имъ фразы такое чудеснѣйшее звуковое изваяніе, совершенное по своей формѣ и по внутреннему содержанію, что хотѣлось только одного: *играть какъ онъ*.

Постоянно сливаясь внутреннимъ вниманіемъ съ красотой музыкальнаго аспекта души моего учителя и сочувствуя ему въ музыкѣ, я чувствовала попутно и его житейскія настроенія, угадывая: бывало ли у него на душѣ свѣтло, или смутно, въ зависимости отъ его жизненныхъ удачъ или невзгодъ и, чувствуя это, онъ меня любилъ.

— Comment vous nomme t'on, ma chère amie ²⁾?—однажды спросилъ онъ. Въ этотъ день онъ былъ задумчивъ и печаленъ.

— Alexandrine, Monsieur Auer ³⁾,—отвѣтила я.

— Ah! Alexandrine, quel joli nom ⁴⁾,—вздыхнулъ онъ и я сразу догадалась, что онъ вздыхаетъ о комъ-то, кого зовутъ Alexandrine и кто нравится ему.

¹⁾ А! Я теперь вижу, что вы можете работать, если хотите, только жаль, что вы этого не всегда хотите.

²⁾ Какъ васъ зовутъ, мой милый другъ?

³⁾ Александрой, Г-нъ Ауэръ.

⁴⁾ А! Александра, какое красивое имя.

— Et le diminutif d'Alexandrine est Sacha, n'est ce pas ¹⁾?— сказала онъ.

— Oui, Monsieur Auer ²⁾.

— Et bien je vais toujours vous appeler Sacha ³⁾,—улыбнулся онъ и я подумала:

— Навѣрное она взрослая и онъ не смѣетъ называть ее Сашей, а я дѣвочка—меня можно; ну, ничего, если ему пріятно, пусть называетъ меня Сашей, а думаетъ о ней, не знаю ее, но тоже уже люблю ее.

Дни нашихъ уроковъ съ Ауэромъ, вторники и пятницы, были для меня истинными праздниками, когда онъ аккуратно приходилъ и они превращались въ мрачные будни, если онъ манкировалъ.

— Господи! Господи! Сдѣлай, чтобы онъ пришелъ!—бросалась я на колѣни передъ образами, въ бабушкиной спальнѣ, когда часовая стрѣлка уже начинала переходить назначенный часъ, а Ауэра все еще не было.

Вотъ слышны шаги на лѣстницѣ... Приложивъ руку къ сердцу, жду звонка... но шаги поднимаются этажемъ выше и сердце падаетъ въ отчаяніи...

Опять молюсь, стараюсь терпѣніемъ преодолѣть нетерпѣніе ожиданія... Проходятъ минуты, кажушіяся долгими часами и душа, смиряясь, покоряется судьбѣ... Но вотъ опять шаги на лѣстницѣ, и на этотъ разъ звонокъ...

— Господи! Благодарю Тебя!—простираю я руки къ образамъ, сердце загорается радостью и бѣгу въ гостиную.

— Je crois que j'ai un peu tardé ⁴⁾,—извиняется Ауэръ передъ бабушкой, всегда присутствовавшей на нашихъ урокахъ.

— Oh! Monsieur Auer, ce n'est rien, nous sommes toujours heureuses de vous voir ⁵⁾,—любезно и совершенно искренно говоритъ бабушка. Она не только признавала талантъ и умъ Ауэра, но и любила его; одно только нѣсколько безпокоило ее:—какого онъ вѣроисповѣданія? и, хотя она была либеральна въ вопросахъ своей собственной религіи, ей было не совѣтъ все-равно, католикъ ли, лютеранинъ, или православный чело-вѣкъ, который нравился ей.

1) А уменьшительное Алѣксандры *Саша*, неправда ли?

2) Да, Г-въ Ауэръ.

3) Такъ я васъ всегда буду называть Сашей.

4) Кажется я немного опоздалъ.

5) О! Г-въ Ауэръ, ничего, мы всегда счастливы видѣть васъ.

Долго не рѣшалась она объ этомъ спросить профессора Ауэра, но однажды, уже черезъ годъ, когда совѣмъ къ нему привыкла, а онъ, въ нашей семьѣ, чувствовалъ себя какъ дома, она рѣшилась:

— Monsieur Auer,—сказала она, конфузясь,—puis-je vous demander, quelle est votre religion 1)?

— La religion de l'humanité, Madame 2), — серьезно отвѣтилъ онъ ей, тонко улыбнувшись, и бабушка покраснѣла до ушей...

— Необыкновенно уменъ и полонъ чувства собственнаго достоинства, beaucoup, beaucoup de digneté 3),—восхищалась она за обѣдомъ, рассказывая, какъ Ауэръ отвѣтилъ ей.

— Нѣтъ, вы только подумайте: *la religion de l'humanité*, какъ это умно, широко и прекрасно! А мнѣ-то и въ голову не приходило...

Когда я начала заниматься на скрипкѣ съ профессоромъ Ауэромъ, онъ мнѣ запретилъ играть при публикѣ, но черезъ годъ, когда главные дефекты моей игры были исправлены, онъ опять позволилъ, считая необходимымъ привыкать играть при публикѣ также свободно и хорошо, какъ и дома.

Мы тогда, кромѣ Галлеръ, часто бывали на вечерахъ у Азанчевскихъ, дальнихъ родственниковъ моей матери, гдѣ встрѣчались съ директоромъ консерваторіи Михаиломъ Павловичемъ Азанчевскимъ и съ его двумя очаровательными племянницами: Зоей и Надеей Пеликанъ.

Старшая, Зоя, была брюнетка, въ полномъ смыслѣ красавица, а Надя—блондинка,—изящнѣйшее въ мірѣ существо. На этихъ вечерахъ бывалъ и Ауэръ;—voilà ma future gloire 4),—шутить онъ, представляя меня своимъ знакомымъ и, принимая это въ серьезъ, когда меня просили играть на скрипкѣ у Азанчевскихъ, я старалась прославить не себя, но своего учителя.

Послѣ одного вечера у Азанчевскихъ, на урокъ, когда бабушка вышла изъ комнаты, понизивъ голосъ, Monsieur Auer, сказалъ мнѣ:

— Sacha! Savez vous que je veux me marier et que je veux épouser l'une des deux charmantes demoiselles que vous connais-

1) Г-нъ Ауэръ, могу ли васъ спросить: какая ваша религія?

2) Религія челоуѣчности.

3) Много, много достоинства.

4) Вотъ моя будущая слава.

sez, mais c'est vous qui devez décider laquelle, Zoya ou Nadine 1)?

Принявъ въ серьезъ эти слова, прежде чѣмъ отвѣтить на такой важный вопросъ, я задумалась и, мысленно, глубоко заглянувъ въ сердце моего учителя, сказала:

— Nadine, Monsieur Auer 2).

— Je suis du même avis 3),—отвѣтилъ онъ и, когда бабушка вернулась, онъ объявилъ ей:

— Madame, je me marie, nous venons de décider avec Sacha, que j'épouse Nadine Pelicane et je vous invite à ma nôce 4).

Бабушка удивилась, обрадовалась и стала поздравлять и мы съ Ауэромъ радостно принимали ея поздравленія.

Она обѣщала, что непременно пріѣдетъ со мной въ церковь на его свадьбу и что мы будемъ стоять съ правой стороны, въ качествѣ родныхъ жениха.

Такъ все и вышло: весной мы вѣнчали нашего друга и, стоя въ церкви, на правой сторонѣ, видѣли на лѣвой—многочисленную, элегантную родню невѣсты—Азанчевскихъ и Унковскихъ, съ которыми и мнѣ было назначено судьбой, со временемъ, породниться, а черезъ нихъ—породниться и съ Ауэромъ, такъ какъ его невѣста была кузиной моего будущаго мужа.

А. Унковская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1) Саша, я хочу жениться на одной изъ прелестныхъ барышень, которыхъ вы знаете, но вы должны рѣшить: на которой—Зоѣ или Надѣ?

2) На Надѣ, Г-нъ Ауэръ.

3) Я того же мнѣнія.

4) Я женюсь и мы только-что съ Сашей рѣшили, что я женюсь на Надѣ Пелликанъ, приглашаю васъ на мою свадьбу.

Орфическіе гимны.

LXXII. Тихе (курения ладана).

(Судьбѣ).

Тихе—владычицу добрую я призываю молитвой,
Ты—придорожная, мирная, въ благосчастливыхъ богатствахъ,
Вождь Артемида ты, великославная, отъ Эвбулея
Крови рожденная непобѣдимую славу имѣешь,
Ты похоронная многоскитальная, въ людяхъ воспѣта.
Ибо въ тебѣ — вся содержится жизнь многопестрая смерт-
ныхъ;
Тѣмъ—ты богатства счастливаго множество предоставляешь,
Тѣмъ же—тяжелую бѣдность, въ сердцахъ ихъ тѣмъ гнѣвъ
возбуждая.
Но, умоляемъ, богиня, сойди, благосклонная къ жизни,
Къ благосчастливымъ богатствомъ счастливымъ — еще при-
бавляя.

LXXIII. Демону (курения ладана).

Демонъ, тебя зову—страшный, *краснорѣчивый*, великій,
Сладостный Зевсъ, всеродитель, жизнеподатель для смертныхъ
Многоскитальный, великій, *проклятый Зевсъ*, всепарящій;
Датель богатства, лишь только—въ *гордости вышель изъ дома*,
Снова тобой оживилась смертныхъ жизнь многострадальныхъ,
Ибо одинъ ты содержишь *счастья ключи* и несчастья.
Ради того, ты священный, горе уменьши, блаженный,
Бѣдь многостонныхъ, которыхъ къ уничтоженію жизни
Шлется повсюду на землю, ты же пошли, благославный,
Сладостное завершенье, жизни конецъ благородный.

LXXIV. **Левкотѣ** (курения ароматовъ).

(Вѣлой богинѣ).

Я *Левкотѣю* ¹⁾ зову Кадмеиду:—ты демонъ священный,
 Благоувѣнчаннаго Діониса питатель могучій.
 Слушай, богиня, держащая глубоколонное море,
 Въ пѣнѣ блаженствуешь ты—величайшій спаситель для смерт-
 ныхъ.

Ибо въ тебѣ - кораблей моребѣжный порывъ безпокойный,
 Ты лишь одна—разрѣшаешь на морѣ несчастный рокъ смерт-
 ныхъ,

Къ этимъ—бросаешься ты и приходишь, спасенья подруга.
 Но—о, богиня владычица, ты низойди, и спасенья
 Волей благой—кораблямъ благопалубнымъ помощь подай ты,
 Мистамъ на морѣ пошли судобѣжный попутный ты вѣтеръ.

LXXV. **Палемону** (курения манны).

Бакховодителя ты многорадостнаго *Діониса товарищъ*,
 Ты—обитающій въ моря священныхъ и глубоководныхъ глу-
 бинахъ.

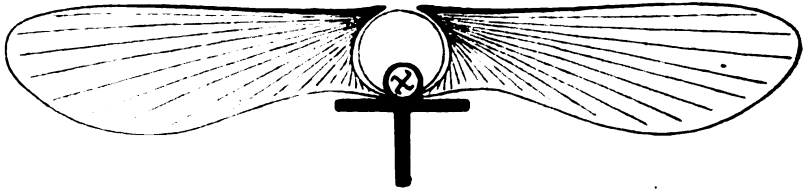
Я призываю тебя, Палемонъ, къ посвященіямъ благосвященнымъ,
 Ты благосклонно приди, юнымъ радуясь ликомъ, и мистовъ спасая
 И на землѣ и на морѣ. Являешься вѣчно съ зимы приближеньемъ
 Морескитающимъ кораблямъ, ты—спаситель единственный смерт-
 нымъ,

Ты появись и спаси отъ ужаснаго гнѣва на моря вздыманьи.

Пер. съ греч. Н. Павлиновой.

¹⁾ *Левкотѣя* — морская богиня въ религін Атлантиды. Культъ ея въ Самоеракійскихъ Мистеріяхъ.

Скрижали Учителя или египетское учение о Свѣтѣ, рожденномъ отъ Матери-Дѣвы.

Глава VI.

Храмъ Матери-Дѣвы.

Въ четырехъ стахъ миляхъ отъ вершины Дельты, вверхъ по теченію Нила, лежитъ городъ Анну или Дендера, гдѣ находился храмъ, посвященный богинѣ Хатхоръ, отождествляемой въ священнѣхъ лѣтописяхъ храма съ Изидой, Царицей Небесной, древнѣйшимъ и наиболѣе почетнымъ наименованіемъ которой являлся титулъ Матери-Дѣвы. Это послѣднее названіе носить на себѣ слѣды первоначального своего значенія, будучи искаженіемъ слова Та М Та Реръ или „Положеніе Орбиты“. Это имя приобретаетъ особенное значеніе и проливаетъ немалый свѣтъ на титулъ „Владыкъ Орбиты“ присвоенный фараономъ, если принять во вниманіе тотъ фактъ, что длина рѣки въ своемъ теченіи черезъ Верхній Египетъ составляетъ ровно одну миллионную часть орбиты земли ¹⁾ и что Дендера отстоитъ на два съ небольшимъ градуса отъ границы тропиковъ, гдѣ планъ нашей орбиты пересѣкаетъ Ниль. Лѣтописные памятники не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что планъ этого храма чрезвычайно древняго происхожденія. Весьма вѣроятно даже (хотя нѣкоторыя изъ доказательствъ къ тому и не предста-

¹⁾ Считая радіусъ земной орбиты (или другими словами расстояние отъ солнца) отъ $92\frac{1}{2}$ до 93 миллионновъ миль.

вляются особенно убѣдительными ¹⁾, что это сооруженіе въ настоящемъ его видѣ принадлежитъ сравнительно поздней эпохѣ, причѣмъ нѣкоторые авторитеты утверждаютъ, что оно было закончено уже послѣ наступленія христіанской эры. Но относительно древности оригинальнаго строенія не можетъ быть двухъ мнѣній. Ибо религіозныя церемоніи, какъ указалъ проф. Думихенъ, изображенныя на стѣнахъ, принадлежатъ очень древнему періоду, тогда какъ надписи повѣствуютъ о томъ, что Тотмесь III (болѣе чѣмъ за 1500 лѣтъ до Р. Х.) повелѣлъ перестроить храмъ согласно древнему плану; изъ этого явствуетъ, что уже въ то время этотъ планъ считался античнымъ. Далѣе, тѣ же надписи говорятъ, что первоначальный храмъ былъ возведенъ фараономъ шестой Династіи, Пепи, царствовавшимъ за девятнадцать столѣтій до Тотмеса, и что даже эта дата не являлась еще самой отдаленной эпохой, до которой восходитъ исторія храма. Планъ, благоговѣнно выполненный фараономъ Пепи, не зародился въ его умѣ, а былъ вынесенъ имъ на свѣтъ изъ подземелья или потаеннаго покоя; онъ былъ начертанъ „священными письменами“, гласитъ надпись, самимъ Кхуфу, строителемъ—астрономомъ четвертой Династіи, и зарытъ имъ въ данномъ мѣстѣ за восемьсотъ лѣтъ до временъ фараона Пепи.

Общее построеніе и расположеніе этого храма, посвященнаго великой Матери Божіей, повидимому имѣло цѣлью изобразить собой звѣздную вселенную, царицей коею она была. Такъ, при изученіи положенія храма въ свѣтѣ принциповъ, изложенныхъ въ предыдущей главѣ, съ большою ясностью выступаетъ принципъ прецессіи.

Разъ его мѣстоположеніе примыкаетъ къ границѣ тропиковъ, гдѣ планъ нашей орбиты (или что тоже самое—эклиптики) проходитъ перпендикулярно вверхъ черезъ поверхность земли, то солнце въ половинѣ лѣта должно стоять почти въ зенитѣ того мѣста. Слѣдовательно, если бы наблюдатель сталъ въ Дендерѣ лицомъ къ сѣверу, подобно тому какъ, по свидѣ-

¹⁾ Напримѣръ, довольно значительное количество доводовъ въ пользу даты, не восходящей раньше временъ Рима, поконлось на основаніи одной греческой надписи, гласящей, что во времена императора Тиверія часть этого храма (названнаго въ ней на греческій ладъ Про-Наосомъ) была посвящена греческой богинѣ. Съ одинаковымъ основаніемъ могла бы одна изъ нашихъ большихъ средневѣковыхъ церквей быть приписана концу восемнадцатаго столѣтія въ силу надписи, которая золотыми буквами возвѣщала бы о томъ важномъ событіи, что ея ктиторы обновили на ней штукатурку.

тельству храмовыхъ лѣтописей, стоялъ основатель храма, когда онъ въ срединную лѣтнюю ночь заложилъ его краеугольный камень, то непосредственно впереди его поднимался бы планъ нашей орбиты, тогда какъ полюсъ эклиптики лежалъ бы у его ногъ на крайней грани небеснаго горизонта. Небесная же ось описываетъ прецессионный кругъ вокругъ этого полюса эклиптики (приблизительно въ 25,800 лѣтъ).

Поэтому, подобно строителю храма и длинному ряду перво-священниковъ, становившихся изъ года въ годъ и изъ поколѣнія въ поколѣнiе на это мѣсто для празднованiя главнаго торжества храма, звѣзды въ своемъ еженощномъ обращенiи вокругъ оси этого горизонта чертили тотъ же кругъ какъ и въ болѣе величавомъ движенiи прецессii; тогда какъ постепенныя измѣненiя во времени ихъ восхода и заката, по мѣрѣ прохожденiя вѣковъ отмѣчали вѣковые часы (обнимавшіе каждый изъ нихъ тысячи лѣтъ), одного оборота оси, т. е. огромнаго прецессионаго дня. Существенное мѣсто, занимаемое этимъ соотношенiемъ въ распланировкѣ храма, выясняется изъ того значенiя, которое придается въ надписи полюсу эклиптики или „Поворотной точкѣ (по-египетски Акхъ) Круговъ Свѣта“, какъ онъ въ ней именуется; точно также и другая часть лѣтописи придаетъ особенный вѣсъ этой центральной точкѣ.

„Онъ созерцалъ Акхъ, какъ Акхъ, пребывающій въ небесахъ Хатхоръ, Владычицы Анну“, повѣствуютъ лѣтописи о строителѣ храма. Другими словами онъ видѣлъ въ полюсѣ земной орбиты поворотную точку, вокругъ которой вращались небеса въ часы его полночнаго бдѣнiя, совершенно такъ же, какъ они вращаются вокругъ нея передъ глазами наблюдателя, стоящаго на томъ же мѣстѣ въ современное намъ время.

Другая иллюстрація или скорѣе приложение того же принципа выясняется изъ сравненiя храма и Великой Пирамиды—этихъ двухъ таинственныхъ памятниковъ—близнецовъ, обязанныхъ своимъ существованiемъ тому же древнему астроному Кхуфу; причемъ одинъ изъ нихъ былъ сооруженъ имъ самимъ; другой же былъ лишь задуманъ имъ и чертежъ его оставленъ его преемникамъ для выполненiя ими черезъ восемьсотъ лѣтъ.

Полярная звѣзда, положенiе которой опредѣлялось, какъ мы видѣли выше, входомъ въ Великую Пирамиду, находилась на $26^{\circ}7'$ надъ горизонтомъ этого зданiя; а $26^{\circ}7'$ является широтой Дендеры, т. е. разстоянiемъ, отдѣляющимъ ее по меридиану отъ экватора. Но въ данномъ положенiи истинное разстоянiе звѣзды

отъ полюса было $3^{\circ}53'$; а $3^{\circ}53'$ составляетъ разстояніе по меридіану между Дендерой и Великой Пирамидой.

Такимъ образомъ въ то время, какъ небесное отношеніе между звѣздой и горизонтомъ Великой Пирамиды измѣряетъ земное разстояніе между экваторомъ и храмомъ небесъ, земное отношеніе между храмомъ и Пирамидой выражаетъ небесное соотношеніе между звѣздой и небеснымъ полюсомъ. Кромѣ того то же самое соотношеніе указываетъ на своеобразную связь между положеніемъ звѣзды и сооруженіемъ храма. Звѣзда занимала указанное положеніе приблизительно въ 3440 г. до Р. Х., т. е. не въ эпоху Кхуфу, а во времена Пепи. Слѣдовательно, черезъ восемь вѣковъ послѣ эпохи, когда Кхуфу втайнѣ чертилъ небесный планъ вселенскаго храма, его царственный преемникъ, Пепи, самъ носившій титулъ Великаго Мастера (Секхемъ Урь), усмотрѣлъ признакъ наступленія времени выполнения этого плана въ томъ, что звѣзда, обозначавшая собой небесный полюсъ, освѣтила темную массу Пирамиды и онъ увидѣлъ точку, „сіяющую въ великомъ домѣ бдѣнія“, какъ сказано въ другой части надписи.

До наступленія этого часа великій зодчій скрывалъ чертежъ вселенскаго храма; когда же исполнились предопредѣленные времена, Великій Мастеръ возвелъ зданіе на мѣстѣ, отмѣренномъ звѣздой и полюсомъ небесъ.

Изъ того же измѣренія вытекаетъ другое соотношеніе, иллюстрирующее одновременно связь храма съ прецессіоннымъ движеніемъ и смыслъ нѣкоторыхъ выраженій въ храмовыхъ лѣтописяхъ. Эта мѣра ($3^{\circ}53'$) представляетъ съ точностью до нѣсколькихъ секундъ шестую часть разстоянія между экваторомъ и эклиптикой и дѣлится его на шесть одинаковыхъ частей по обѣ стороны экватора; это и составляетъ пространство, по которому, въ силу дѣйствія прецессіи, небесная сфера передвигается то на сѣверъ, то на югъ втеченіе всего этого огромнаго цикла. Отсюда и выясняется смыслъ необыкновенно прекраснаго образа, содержащагося въ лѣтописяхъ, именующихъ этотъ храмъ „мѣстомъ небесной пляски на шести высотахъ Озириса“; этими словами описывается космически величавое движеніе звѣздныхъ сонмовъ черезъ шесть высотъ тропическаго неба, когда они, то наступая, то отступая, сплетаютъ вѣчныя свои измѣренія подъ водительствомъ звѣзды, отмѣчающей полюсъ небесъ.

Повсюду въ храмѣ разсѣяны такія же указанія на строеніе неба. По одной сторонѣ огромной входной залы, или „Кхентъ“,

стѣны покрыты изображеніемъ четырнадцати восходовъ луны, ведущихъ къ пятнадцатому восхожденію на престолъ Тотъ, Владыки лѣтосчисления и соотвѣтствующихъ количеству дней между новой и полной луной. На противоположной сторонѣ изображены восемнадцать лодокъ, ведомыхъ каждая изъ нихъ солнечнымъ змѣемъ или спиралью, изображающей восемнадцать декадъ, составлявшихъ полъ орбиты, какъ мы видѣли выше. Посреди того же входнаго зала высется восемнадцать громадныхъ колоннъ, раздѣленныхъ на три ряда, по шести колоннъ въ каждомъ, соотвѣтствующихъ числу десятковъ дней. На эти колонны въ „Обители Горуса“ и на закладку зданія въ полночь, повидимому, и ссылается папирусъ Ани, повѣствуя о „ночи закладки колоннъ Горуса и о содѣланіи его наслѣдникомъ вещей, принадлежавшихъ отцу его“. Опять-таки въ „Скрижаляхъ Учителя“ мы читаемъ, что Горусъ самъ повелѣлъ: „Да стоятъ столбы здѣсь“, т. е. въ его собственной Обители.

Въ центрѣ зданія находится залъ Алтаря съ дверьми, открывающимися на востокъ и на западъ; а за нимъ лежитъ большой залъ храма, именуемый „Заломъ Младенца въ его колыбели“, откуда ведетъ ходъ въ тайный и запечатанный алтарь, куда первосвященникъ входилъ лишь одинъ разъ въ годъ въ срединную лѣтнюю ночь. Изъ этого святилища въ ту ночь образъ Божьей Матери выносился вверхъ по потаенной лѣстницѣ на открытую площадку на крышѣ, для общенія съ ея божественнымъ отцомъ Ра. На стѣнахъ изображена фигура Дѣвы Матери съ лучами божественной славы, исходящими изъ середины ея чрева, поразительно напоминая собой видѣніе пророка Іезекіила, видѣвшаго какъ „великое облако шло съ сѣвера и клубящійся огонь и сіяніе вокругъ него, а изъ середины какъ бы свѣтъ пламени изъ середины огня“, или иначе святую Матерь, сохранившую Свою дѣвственную чистоту прозрачной, какъ свѣтъ пламени, въ огненномъ Своемъ бракосочетаніи и окруженную великимъ облакомъ звѣздныхъ сонмовъ въ то время, какъ Она шла изъ Назарета на сѣверъ Святой Земли къ мѣсту рожденія Сына, неся Вѣчную Славу во чревѣ Своемъ.

Но изъ всѣхъ астрономическихъ особенностей, иллюстрированныхъ этимъ глубоко интереснымъ памятникомъ, наиболѣе замѣчательной является знаменитая стѣнная живопись, цѣликомъ перенесенная вначалѣ XIX столѣтія изъ Дендерскаго Храма въ Парижъ, гдѣ она составляла предметъ самыхъ оживленныхъ и долгихъ преній среди ученыхъ и гдѣ ее можно видѣть и до сего

дня. Трудно передать содержаніе этой картины, но внѣшній ея видъ можно описать слѣдующимъ образомъ. Представьте себѣ заднюю ногу пантеры, вырѣзанную квадратомъ, причемъ пятна заполнены священными символами, звѣздами и фигурами, расположенными ввѣтъ спирали, начинающейся изъ центра и постепенно расширяющейся въ кругъ, обведенный квадратной каймой; это дастъ общее понятіе о формѣ картины. Въ пространствѣ между кругомъ и квадратной каймой, на каждой изъ четырехъ главныхъ точекъ изображенъ въ двойномъ видѣ божественный Горусъ, дитя Царицы Звѣздной Вселенной, Хатхоръ, которой посвященъ былъ храмъ. Оба изображенія, совершенно тождественныя, стоятъ другъ противъ друга на каждой изъ четырехъ точекъ орбиты, представляя собой такимъ образомъ уравненіе свѣта и тьмы по всей землѣ во время обоихъ равноденствій и на полюсахъ въ каждой половинѣ года. Посерединѣ между каждой четвертью стоитъ фигура святой Матери, подъ видомъ Нутъ, небесной владычицы воды и ниспосылаемыхъ съ неба дождей, питавшихъ ихъ животворящую рѣку. Все это окружено іероглифической надписью, начертанной вдоль всей каймы.

Этому изображенію, чрезвычайно неправильно именуемому „Зодіакомъ“, ученые писатели, составившіе книгу: „*Description de l'Egypte*“ (Описаніе Египта) присваиваютъ болѣе вѣрное названіе планисферы. Астрономически говоря, оно изображаетъ общій видъ небесъ, вращавшихся передъ взоромъ монарха въ тотъ часъ, когда онъ стоялъ лицомъ къ сѣверу въ ночь закладки храма; вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе мистическихъ фигуръ и символовъ, начертанныхъ на немъ, тотчасъ же выясняетъ ихъ близкую связь съ небеснымъ путемъ святыхъ усопшихъ.

Несмотря на свою многочисленность, всѣ они встрѣчаются въ виньеткахъ и иллюстраціяхъ текста священнаго папируса; и въ особенности въ „*Скрижали Учителя*“, этомъ наиболѣе ревниво охраняемомъ папирусѣ, въ которомъ Божественная Мудрость подробно описываетъ путь святыхъ усопшихъ послѣ вхожденія ихъ въ свѣтъ. Словомъ, эта картина даетъ изображеніе небосклона въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется, если на него смотрѣть изъ обители Матеры-Дѣвы, само имя которой—Хат-Хоръ указываетъ, что она сама была Обителью воплощеннаго Горуса; тогда какъ мистическіе символы, изображающіе звѣздныя группы, представляютъ высшія силы и духовъ, которыхъ святой усопшій встрѣчалъ, согласно вѣрѣ Египтянъ, на пути своего восхожденія отъ плана земли къ огненному престолу Ра.

Не трудно сравнить покои этого зданія съ различными частями планисферы и черезъ нихъ съ небесными созвѣздіями. Какъ и въ другихъ большихъ храмахъ, разные залы и покои въ храмѣ Хатхоръ носили каждый свое названіе, а иногда и нѣсколько наименованій, имѣвшихъ по большей части отношеніе къ тайнамъ Свѣта и божественнаго Рожденія. Одна изъ залъ называлась „Залой Золотыхъ Лучей.“ Золотая Горница, Горница Өиміама, Горница Рожденія, Алтарь, Обитель Единаго Золотого, Горница Пламени и Тронный залъ Ра—таковы іероглифическія названія, присвоенныя разнымъ частямъ храма. Ввиду того, что планисфера содержитъ іероглифы, указывающіе на сѣверную и южную точки, мы можемъ установить связь между частями картины и частями храма и такимъ образомъ выявить поразительное соотвѣтствіе между отдѣльными частями надписи и названіями горницъ и залъ, занимающихъ соотвѣтственно тѣ же положенія. Начиная съ сѣвернаго входа ведущаго въ Залу Золотыхъ Лучей, мы читаемъ: „Глава Круговъ Анну“ (или Дендеры), „Горусь,—входъ въ Золотыя Небеса“. Противъ обѣихъ дверей, одной въ направленіи восходящаго, другой въ направленіи заходящаго солнца, мы видимъ іероглифъ (Кхутъ Су), означающій: „Горизонтъ Свѣта.“ Въ Горницѣ Өиміама мы читаемъ: „Храмина Святого Поклоненія“ (Туать), „Храмина Превысшаго Свѣта“ (Тес-Су). Въ Горницѣ Рожденія упоминается о „Главѣ Пѣстуны Ра, Мѣстѣ Сборища области Боговъ“. Далѣе въ Горницѣ Пламени мы читаемъ о „Небесномъ Пламени Пылающаго Злата“, а въ Золотомъ Покоѣ о „Золотыхъ Небесахъ Изиды“. Подобно тому, какъ главной залой въ храмѣ была Зала Младенца въ колыбели, такъ главной фигурой на планисферѣ была Св. Мать съ божественнымъ Младенцемъ на рукахъ.

Представьте себѣ теперь монарха, стоявшаго лицомъ къ сѣверу, наблюдавшаго отъ полночи до полночи и проектировавшаго на сводѣ небесъ этотъ священный чертежъ. Каждая часть неба передъ нимъ была раздѣлена на группы звѣздъ или созвѣздій, отвѣчавшихъ священнымъ изображеніямъ на планисферѣ и слѣдовательно и тѣмъ горницамъ въ храмѣ, которымъ соотвѣтствовали сами эти изображенія. Такимъ образомъ все поле зрѣнія наблюдателя было точно разграничено на ясно очерченныя группы или созвѣздія, имѣвшія каждая изъ нихъ свой отличительный символъ, причемъ эти символы могли быть немедленно узнаны тѣми и только тѣми, кто понималъ

самую суть чертежа храма и знакомъ былъ съ его построениемъ. По мѣрѣ того какъ возвращалось лѣто, открывая новый египетскій годъ, звѣздные сонмы высшихъ небесъ собирались вокругъ „Младенца въ своей Колыбели“ и торжество звѣздной вселенной праздновалось въ храмѣ Божьей Матери, Хат-Хоръ, самой являющейся „Обителью“ Пречистаго Свѣта.

Глубоко торжественной должна была быть картина, окружавшая Великаго Мастера, Пепи, въ ту знаменательную ночь, когда онъ, повинувшись звѣздой данному повелѣнію своего давно усопшаго предшественника, стоялъ, измѣряя шаръ земной. Каждая черта, каждая подробность, каждый орнаментъ говоритъ съ нѣмымъ краснорѣчьемъ, которое эхомъ раздается въ пространствѣ и времени. Передъ монархомъ лежалъ древній чертежъ начертанный письменами, вѣщающими о давно прошедшихъ вѣкахъ и вновь возставшими изъ гроба, изображая собой вѣчную судьбу человѣка за предѣлами могилы. Въ рукахъ онъ держалъ царственный „Кхусъ“, масонскій символъ древняго Египта. На головѣ его сиялъ лучезарный вѣнецъ Хатхоръ, изображая собой предвѣчную красу, которой Просвѣтленный вѣнчается въ день безсмертія. Далеко на сѣверномъ горизонтѣ на уровнѣ его ногъ сверкала полярная звѣзда, вѣщающая о приближеніи давно назначеннаго часа. Вокругъ него въ необъятности безбрежнаго свода, горѣли среди торжественной ночной тишины безчисленные сонмы безконечно далекихъ солнцъ, напоминая собой божественныя слова въ *Скрижаляхъ Учителя*: „Я черчу свѣтозарные круги вѣковъ; и билліоны—мѣра моя.“ И выходя изъ темныхъ глубинъ бездонной бездны, простиравшейся какъ безбрежныя крылья по обѣимъ сторонамъ, и высоко взлетая къ зениту прозрачнаго свода, поднимался невидимый для обычнаго ока, но начертанный въ умѣ астронома, планъ орбиты земли—божественный планъ земной человѣческой жизни,—окруженный зодіакомъ, какъ сияющимъ поясомъ драгоценныхъ камней.

Когда же кругъ завершился и созвѣздія расположились на небесномъ сводѣ сообразно со священнымъ чертежомъ, монархъ подавъ знакъ къ закладкѣ храма и, устремивъ взоръ на сѣверный центръ вращавшагося небосклона, повелѣлъ протянуть шнуръ въ намѣченномъ за много вѣковъ направленіи, которое было извѣстно какъ Великому Мастеру, только ему одному.

Отъ этого таинственнаго храма Святой Матери-Дѣвы, съ его святилищемъ, посвященнымъ сокровенному рождеству, гдѣ

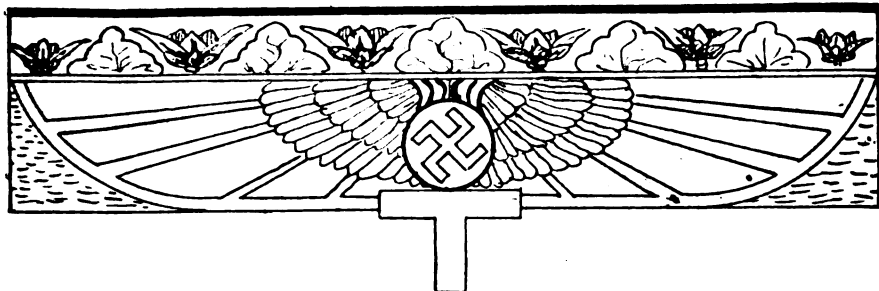
взаимоотношенія между небомъ и землею были столь подробно иллюстрированы и вмѣстѣ съ тѣмъ столь ревнивы сокрыты, перейдемъ къ тщательно замаскированному ученію египетскихъ жрецовъ о вселенскомъ отцовствѣ сокровеннаго Бога.

Пер. В. Пушкиной.

Ты сокрушаешь рогъ того, кто замышляетъ злое, неправеднаго судію ты заключаешь въ темницу, ты посылаешь послѣдствія грѣха на того, кто беретъ взятки; къ тому, кто не беретъ мзды и заботится объ угнетенныхъ Шамашъ милостивъ, и дни его продолжены. Судья, изрекающій справедливый приговоръ, окончитъ свой дворецъ, его жилище будетъ домою князя. Сѣмя неправедныхъ не будетъ сильно. Ты отвергаешь изреченіе злого. Всякій, кто бы ни былъ, находится подъ твоимъ попеченіемъ; ты разрѣшаешь связанныхъ, слушаешь мольбы, молитвы и призыванія, смиреніе, поклоненіе и паденіе ницъ. Несчастный громко взываетъ къ тебѣ, слабый, утѣсенный, уничтоженный, мать, жена, раба молятся тебѣ; удаленный отъ своего семейства и города взываетъ къ тебѣ. Ты принимаешь ихъ свѣтлыя возліанія, пьешь ихъ чистое вино, осуществляешь ихъ желанія. Ты разрѣшаешь оковы связанныхъ и слушаешь молитвы величающихъ тебя. Память твоя пребываетъ у боящихся тебя и вѣчно несущихъ величіе твое.

Изреч. изъ древне-вавилонскихъ Св. Писаній.

«Книга Достовѣрности».

(Китабъ-эль-Иганъ).

Бэхà-Уллы.

„Тогда знаменіе Сына Человѣческаго явится въ Небѣ“.

Т.-е. по затменіи Солнць божественнаго наставленія,—паденіе Звѣздъ Заповѣдей, исчезновеніе Луны Вѣдѣнія, воспитывающей народы; послѣ того, какъ знамена Управленія и Благоденствія совьются, померкнетъ день Правды и Справедливости, тогда знакъ Сына Человѣческаго явится въ небѣ. Здѣсь небо означаетъ небосводъ. Дѣйствительно, при приближеніи явленія одного изъ свѣтозарныхъ Свѣтилъ на Небѣ Правды и одного изъ Ковчеговъ Управленія на Морѣ славы, звѣзда, знаменующая для людей этотъ вышній Свѣтъ, должна явиться на небосводѣ въ то же время, какъ на Небѣ духовномъ является Звѣзда, чтобы направлять людей къ Зарѣ славы. Эти два знака, одинъ на небосводѣ, а другой на Небѣ духовномъ оправдываются передъ каждымъ пророческимъ проявленіемъ, какъ вы могли объ этомъ увѣдать.

Однимъ изъ Проявленій былъ Другъ Божій (Авраамъ). Передъ его пришествіемъ приснился Немвроду сонъ, по поводу котораго созвалъ онъ всѣхъ священниковъ. Тѣ возвѣстили ему появленіе звѣзды на небѣ, въ то же время прибылъ человекъ, принесшій народу благовѣстіе о пришествіи Авраама.

Послѣ него явился „Носитель гласа Божія“, Моисей. Священники его времени сказали Фараону, что явилась звѣзда на небѣ, знаменіе зачатія человека, который свергнетъ его вмѣстѣ

съ его народомъ: въ то же время, какъ повѣствуютъ намъ священные книги, нѣкій старецъ преподавалъ имъ утѣшительное благовѣстіе. И если бы я сталъ приводить всѣ подробности этихъ событій, понадобились бы цѣлые томы; къ тому же я не настаиваю на возвращеніи къ этимъ древнимъ происшествіямъ. Богъ мнѣ свидѣтель, что поясненія эти внушены мнѣ любовью къ вамъ, чтобы, если возможно, причалили нищіе къ берегамъ Богатства, невѣжественныя племена достигли морей Мудрости, и жаждущіе знанія вкусили отъ Сальсабиля Вѣдѣнія. Иначе, къ чему бы говорить объ этомъ?

Также при появленіи Иисуса Волхвы открыли звѣзду на небѣ и послѣдовали за нею въ столицу Иродова царства. Молвили они: *„Гдѣ родился, царь Іудейскій? Ибо мы видѣли звѣзду Его на Востоку и пришли поклониться Ему“*. Они провѣдали, что это дитя родилось въ Виелеемѣ Іудейскомъ. То было знаменіе на небосводѣ. Въ Небѣ духовномъ явился Іоаннъ, сынъ Захаріи: *„Богъ благовѣствуетъ тебѣ о Яхъ, который утвердитъ истину о Словѣ Божіемъ, который будетъ великимъ отвѣтственнымъ, пророкомъ, однимъ изъ числа праведныхъ“* ¹⁾. Это Слово — Иисусъ, чье пришествіе провозвѣщаль Іоаннъ. Въ Евангеліи обрѣтается также: *„Въ тѣ дни приходитъ Іоаннъ Креститель и проповѣдуетъ въ пустынь Іудейской и говоритъ: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесно“* ²⁾. Іоаннъ былъ Яхія.

Передъ явленіемъ Красоты Мохаммеда возникла звѣзда на небосводѣ. А въ Небѣ духовномъ, даруя народу благовѣстіе о пришествіи этого Солнца Единства, четверо прослѣдовали одинъ за другимъ, предвозвѣщая его приходъ: Роосбехъ (кого арабы именуютъ Салманомъ) былъ служителемъ всѣхъ четверыхъ: каждый изъ нихъ въ минуту смерти отсылалъ его служить другому. Когда четвертый былъ при смерти, онъ сказалъ: *„О Роосбехъ, когда ты погребешь меня, пойди въ Хиджу, гдѣ явится Солнце Мохаммеда, и будь счастливъ встрѣтиться съ нимъ“* ³⁾.

Мы приходимъ теперь къ Причинѣ чудесной и непреодолимой: большинство звѣздослововъ говорило о появленіи звѣзды на небѣ, а на землѣ мы убѣдились въ пришествіи двухъ сверкающихъ свѣтовъ, Ахмеда и Казема ⁴⁾ Да освятитъ Богъ ихъ прахъ!

¹⁾ Коранъ, III, 34.

²⁾ Мѣ., III, 1—2.

³⁾ Возвращенія Роосбехова ожидаютъ друзья въ день Страшнаго Суда.

⁴⁾ Шейхъ Ахмедъ Ахсай и его ученикъ, Хаджи Сеидъ Каземъ Решти. его преемникъ.

Итакъ, доказано, что, передъ появленіемъ всякаго Зеркала Единства, являются знаменія на небосводѣ, а въ Небѣ духовномъ сіяютъ Солнце Вѣдѣнія, Луна Мудрости и Звѣзды Изъясненія. И это лишь знаменія пришествія Существа совершеннаго, чье призваніе—приготовить людей къ срътенію Солницъ Тождества и Лунъ Единства.

„Тогда восплачутся все племена земная и увидятъ Сына Человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ, съ силой и славой многою“.

Это иносказаніе означаетъ, что тогда возстенаютъ народы, лишенные Солнца божественной Красоты, Луны Вѣдѣнія, и Звѣздъ разоблаченной Мудрости, и что затѣмъ явленіе обѣтованной, всепоклоняемой Красоты снидетъ съ неба на облакахъ.

Иными словами, эта божественная Красота, съ Неба Божіей Воли, явится въ обликѣ человѣка; слово Небо относится къ величію и высотѣ, въ коихъ являются эти свѣтыя Зори и вѣчные Востоки. Хотя эти вѣчныя сущности являются какъ-будто изъ чрева матери—на самомъ дѣлѣ они нисходятъ съ Неба Причинъ, и хотя они обитаютъ на землѣ, но покоятся на духовномъ Престолѣ. Когда они ходятъ среди людей, то витаютъ они и въ области Приближенія: они вращаются на Землѣ Духа, не двинувъ ногою; они достигаютъ высотъ Единства безъ помощи крыльевъ; отъ востока до запада проходятъ они мгновенно и мгновенно же—черезъ видимый міръ и незримое царство. Они пребываютъ на престолѣ Вездѣсущности и на сѣдалищѣ Преображенія. Они—Посланцы вышней силы отъ Царя Древнихъ и могучей воли Того, Кому принадлежитъ все сущее. Въ этомъ смыслѣ и говорится, что нисходятъ они съ Неба.

На языкѣ Проявленій слово Небо имѣетъ много значеній: Небо Вѣры, Небо Силы, Небо Желанія, Небо Наставленія, Увѣренности и Изъясненія, Небо Появленія, Небо Исчезновенія и т. д., и каждый разъ, при употребленіи этого слова, оно имѣетъ особое значеніе, понятное лишь тѣмъ, кто знаетъ тайны Единства, и кто вкушалъ изъ вѣчныхъ Чашъ. Вѣдь рекъ Онь: *„На небѣ ваши жизненные потребности и то, что вамъ обѣщано“* ¹⁾. И однако потребности являются лишь на землѣ. И также: *„Все Имена нисходятъ съ неба“*. И однако произносятся-то ихъ люди.

Если очистите вы зеркало сердца своего отъ праха личныхъ предубѣжденій, вы поймете все иносказанія всемірныхъ и божественныхъ Проявленій и увѣдасте тайны Мудрости. Но пока не

¹⁾ Коравъ, II, 22.

сожжены завѣсы лжевѣдѣнія людского, вы не достигнете сверкающей зари истиннаго Вѣдѣнія. Ибо есть Вѣдѣніе божественное и вѣдѣніе бѣсовское, одно является намъ изъ откровенія Царя Истины, а другое—изъ воображенія очерненныхъ душъ. Наставникъ перваго—Создатель, втораго—внушеніе Сатаны.

Правило перваго: „*Бойся Бога, Онъ наставитъ тебя*“. Отличительная черта втораго: „*Въдѣніе—величайшая завѣса*“. Плоды перваго: терпѣніе, просвѣщеніе, любовь; плоды втораго: тщеславіе, гордость, невѣжество. И въ поясненіяхъ, преподанныхъ Посланцами, никому нѣтъ опасности вдохнуть ядовитыя испаренія того земнаго знанія, чей міракъ удушаетъ землю, производитъ лишь ослушаніе и безнравственность, и чьи послѣдствія—злора и ненависть: это смертельныя отравы, и тѣнь деревьевъ этого знанія—лишь всепожирательный огонь.

Какъ справедливо сказалъ поэтъ: „*Держи крѣпко край одежды Любви и не стыдись; покинь пути отшельниковъ, даже если они парятъ на высотѣхъ*“.

Стало-быть, должны мы очиститься отъ всего, что слышимъ, и избавить сердце наше отъ всѣхъ желаній, чтобы стать вмѣстилищемъ незримыхъ откровеній и таинственныхъ сокровищъ божественнаго Вѣдѣнія. Это и сказалъ одинъ изъ Имамовъ: „*Тотъ, кто шествуетъ по бѣлому пути къ кровавой Отрадѣ ¹⁾, не можетъ достигнуть обители своей, если не опорожнитъ руку свою отъ всѣхъ благъ этого міра*“. Таково условіе путнику: подумайте и поймите волю, откровенную въ Книгѣ, и чтобы ни одна завѣса уже не отъ васъ не скрывала.

Но вотъ и отвлеклись мы далеко отъ нашего предмета, хотя все это—лишь его поясненіе.

Клянусь Богомъ, что несмотря на желаніе мое сократить и удовлетворить васъ наименьшимъ количествомъ словъ, мое перо ускользаетъ отъ повѣрки моей руки. И сколько жемчужинъ еще остается въ перламутрѣ моего сердца, которымъ не бываетъ никогда въ оправѣ! Сколько чудесныхъ юницъ заключено въ Высокихъ Чертогахъ Мудрости, неприкосновенныхъ ни для кого! „съ которыми никогда не общались ни люди, ни геніи“ ²⁾. Такъ что кажется мнѣ, будто не изъяснилъ я ни единой изъ желанныхъ вещей, ни одного спрошеннаго иносказанія. Когда же найду я того, кому можно довѣриться, кто облечется въ одежду для

¹⁾ Мученичеству.

²⁾ Коранъ, LV, 56.

вшествія въ Святилище и достигнетъ желанной Каабы, гдѣ, не вопрошая и не получая отвѣта, увѣдаетъ тайну объясненій?— Какъ бы ни было, вы можете теперь уразумѣть смыслъ слова Небо въ Писаніяхъ, такъ же какъ и пришествія на облакахъ, и вы видите, какъ все это, по сказанному вамъ нами, обратно толкованію, данному людьми: „А вы, не каждый ли разъ, когда какой-либо посланникъ приносилъ къ вамъ такое, что не льстило вашимъ страстямъ, надмевались надъ нимъ? Однихъ считали вы лжецами, другихъ и убивали“¹⁾.

Такъ тучи помрачаютъ небо, когда заповѣди нарушены, вѣроученіе извращено, когда обычаи, законы уничтожены, и самый смиренный изъ вѣрующихъ превосходитъ ученыхъ и невѣрныхъ священнослужителей. Появленіе вѣчной Красоты въ обликѣ чело-вѣка, который пьетъ и ѣстъ, обрѣтается въ нищетѣ или богатствѣ, въ славѣ или униженіи, спитъ, бодрствуетъ и т. п., все это облака, ведущія людей къ сомнѣнію и гибели. Это тѣ облака, что въ Небѣ просвѣщенія должны разсѣиваться для всѣхъ: „*дѣнь, когда расторгнется небо съ облаками*“²⁾. И какъ облака мѣшаютъ людямъ видѣть солнце, такъ всѣ эти вышеназванныя обстоятель-ства препятствуютъ людямъ понять Солнцъ Истины.

„*Что это за посланникъ? Онъ ѣстъ пищу, ходитъ по рынкамъ. Вотъ если бы къ нему ниспосланъ былъ ангелъ, и онъ вмѣстѣ съ нимъ былъ бы наставникомъ*“³⁾. Какъ вы могли убѣдиться по поводу Посланниковъ, ихъ нищета, бѣдствія, житейскія невзгоды, голодъ, болѣзни, препятствія, всѣ эти ихъ страданія заставляютъ людей оставаться въ пустыняхъ сомнѣнія и подозрительности, въ дикой мѣстности предположеній и вымысловъ. Они задаются вопро-сомъ, какъ можетъ стать, чтобы чело-вѣкъ, пришедшій отъ Бога, притязующій на преодоленіе событій и на всякую тварь (ибо ска-зано: *Если бы не ради тебя, не создалъ бы Я тверди небесной*) былъ подверженъ всей, этой мелочной недолѣ, какъ бывало это со всякимъ пророкомъ и его учениками: не только приходилось имъ претерпѣвать эти муки, но сколько-кимъ изъ нихъ отсѣкли голову; ее отсылали затѣмъ, въ видѣ дара, въ отдаленные города! Дру-гимъ препятствовали распространять свою вѣру: всѣмъ прихо-дилось сносить нападенія враговъ вѣроученія, почти безъ воз-можности самозащиты!

И при каждой смѣнѣ вѣроученія подобныя тучи мѣ-

¹⁾ Коранъ, II, 81.

²⁾ Коранъ, XXV, 27.

³⁾ Коранъ, XXV, 8

шали народамъ познавать божественное Солнце, возникшее отъ Зари Единства. Люди привыкли слѣдовать въ теченіе лѣтъ обычаямъ своихъ предковъ и воспитались въ обрядахъ вѣры своей,— и вдругъ одинъ изъ подобныхъ имъ, издавна жившій съ ними, принялся отмѣнять прежнюю вѣру, донинѣ бывавшую въ пренебреженіи лишь у невѣрныхъ и распутниковъ! Вотъ завѣсы и тучи для тѣхъ, чье сердце не вкусило Сальсабиля Отдѣленія и не пило изъ Чаши Просвѣщенія! Едва замѣтятъ они измѣненія, внесенныя Пророкомъ, уже не могутъ понять этого Солнца, и никого ни о чемъ не вопрошая, осуждаютъ его, какъ невѣрнаго, и обрекаютъ на смерть. Таковое происходило въ древности и равнымъ образомъ удручало наши дни.

Должны мы стремиться, съ Помощью незримой, уличезрѣть эту сверкающую Красоту сквозь плотныя завѣсы и тучи соблазна, и познать ее чрезъ нее же. Если искушены мы къ пренію съ нею, мы должны удовлетвориться свидѣтельствомъ ея и достигнуть такимъ образомъ безконечнаго источника вышнихъ Благъ, ибо не должно намъ противорѣчить ей постоянно въ мысляхъ своихъ, ни упорствовать въ личныхъ своихъ понятіяхъ.

Слава Богу! Хотя нѣкогда событія, вышереченныя нами, чудеснымъ образомъ были предсказаны въ великолѣпныхъ иносказаніяхъ, дабы люди не лишались благостыни вышняго Океана, вы увидите однако, что они сумѣютъ обрѣсти истину, по сказанному: *„Не того ли только ждуть они, чтобы Богъ пришелъ къ нимъ во мракъ облакъ“* 1)? Ученые усматривали въ этомъ стихѣ условіе Воскресенія такого, какимъ они его измыслили сами, вопреки тому, что находится въ большинствѣ священныхъ Книгъ и есть лишь знаменіе послѣдующаго Проявленія, какъ мы видѣли это.

Жди того дня, когда небо произведетъ ясно видимый Дымъ, который покроетъ сихъ людей, это будетъ мучительная казнь 2). Всѣ эти явленія, непонятныя лишь нечистымъ душамъ, — пробный камень Бога и вѣсы, на которыхъ испытуетъ Онъ служителей Своихъ и распознаетъ невѣрнаго и вѣрующаго, блаженнаго и злого. Въ этихъ стихахъ, въ иносказаніи дыма, имѣется намекъ на уничтоженіе обычаевъ, на отдачу знамени обрядовъ. Какой дымъ, больше этого, обволакивать всѣхъ людей и причинять имъ столько смуты, что напрасно пытались они избавиться отъ

1) Коранъ, II, 206.

2) Коранъ, XLIV, 9.

него, ежемгновенно подвергаемые мукамъ огня своихъ душъ? Едва узнають, что эта чудесная Причина и вѣчная заповѣди ея появились во всей странѣ и распростираются каждый день,—какъ новый огонь загорается въ ихъ сердцахъ. И когда видятъ, что власть и утверженіе учениковъ растутъ со дня на день Милостью Бога, то новыя тревоги возмущаютъ ихъ души.

Благодаря Бога, нынѣ божественное вліяніе такъ велико, что они не смѣютъ гласить, и если встрѣчаютъ одного изъ этихъ учениковъ, готовыхъ тысячу разъ отдать свою жизнь на пути Возлюбленнаго, то принуждены оказывать ему почтеніе. Но предоставленные самимъ себѣ, они отвергають его и проклинають: *„Когда (вы) встрѣтитесь съ ними, то и они говорятъ: мы вѣруемъ, когда же бываютъ у себя наединѣ, отъ гнѣва на васъ грызутъ персты. Скажи—умрите съ этимъ вашимъ гнѣвомъ. Дѣйствительно, Богъ знаетъ внутренность сердецъ“* ¹⁾. Вскорѣ увидите вы, какъ взвѣютъ по всему міру знамена божественной Силы, и слѣды Владычества и Царства Божія проявятся въ каждомъ городѣ.

Перев. А. Веселовская.

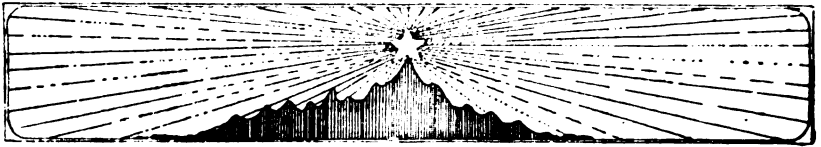

Не сказалъ ли чловѣкъ (согрѣшившій) отказъ вмѣсто утверженія, утверженіе вмѣсто отказа? Не говорилъ ли онъ дурного? Не позволилъ ли онъ говорить неправды? Не утѣснилъ ли слабого? Не поссорилъ ли онъ отца съ сыномъ, сына съ отцомъ? Матери съ дочерью, дочери съ матерью?

Обрати ко мнѣ лицо твое, которое ты отвратилъ. Обрати ко мнѣ лицо твое съ высоты небесной, съ твоего священнаго жилища и укрѣпи меня.

Изреч. изъ древне-вавилонскихъ Св. Писаній.

¹⁾ Коранъ, III, 115.

Условія небесной жизни.

Наибольшее затрудненіе въ пониманіи небеснаго міра происходитъ отъ нашей неразумной привычки считать личность самимъ человѣкомъ. Если два друга связаны узами любви, то мы должны помнить, что связь эта—между ихъ душами, а не между тѣлами; они теперь потому друзья, что въ другихъ тѣлахъ, быть можетъ нѣсколько тысячъ лѣтъ они уже знали и любили другъ друга. Это и соединяетъ ихъ въ физическихъ тѣлахъ на землѣ, но это не дастъ имъ возможности понимать другъ друга больше, чѣмъ позволяютъ физическія ихъ способности; и кромѣ того каждый изъ нихъ покрытъ тремя тяжелыми покровами, въ видѣ ментальнаго, астральнаго и физического тѣлъ, которыя скрываютъ истинное „Я“ одного отъ другого.

Когда одинъ изъ нихъ умираетъ, то онъ переходитъ на астральный планъ и тамъ лицомъ къ лицу встрѣчаетъ своего живого друга во время его сна. Онъ даже можетъ уже видѣть въ своемъ другѣ кое-что большее, чѣмъ прежде, ибо у каждаго изъ нихъ отсутствуетъ самый грубый и тяжелый покровъ. Умершій и теперь интересуется исключительно личностью своего умершаго друга, и потому, если друга постигаетъ какое-либо горе въ его физической жизни, оно неизбежно отразится въ астральной жизни и умершій это замѣтитъ. Жизнь наша во время сна и бодрствованія въ сущности одна, и во время сна мы это сознаемъ и сохраняемъ память объ обоихъ состояніяхъ. Вы видите такимъ образомъ, что астральное дѣло живого друга (съ которымъ умершему приходится имѣть дѣло) есть астральное тѣло личности, и онъ поэтому совершенно ясно сознаетъ, что съ этой личностью происходитъ.

Когда достигнуть небесный міръ, то все это измѣняется. Тогда человѣкъ дѣйствуетъ въ своемъ ментальномъ тѣлѣ, въ томъ самомъ, которымъ онъ пользовался во время своей послѣд-

ней земной жизни; но тамъ онъ не встрѣчаетъ того ментальнаго тѣла, которымъ оставшійся въ живыхъ другъ пользуется во время своей жизни. Наоборотъ, умершій, силой своей мысли, строить своему другу совершенно отдѣльное ментальное тѣло, и уже эго живого друга одушевляетъ его, дѣйствуя изъ своей сферы и изъ тѣла причинности.

Этимъ создается для друга добавочная возможность ментальной работы, совершенно независимой отъ личности его физической жизни.

Невозможно одушевлять сразу болѣе одного физическаго тѣла, но совершенно возможно одушевлять одновременно нѣсколько мыслеобразовъ, которые другіе создаютъ во время своей небесной жизни. Думаю, что неправильное пониманіе именно этого факта привело нѣкоторыхъ къ мысли, что одновременно нѣсколько тѣлъ могутъ быть воплощеніемъ одного человѣка.

Вы, слѣдовательно, понимаете, что огорченіе или забота, постигающія личность живого человѣка, и способныя, конечно, отразиться на его ментальномъ тѣлѣ, нисколько не дѣйствуютъ на тотъ мыслеобразъ, которымъ эго пользуется, какъ добавочнымъ ментальнымъ тѣломъ. Если же онъ въ этомъ проявленіи знаетъ объ этихъ печаляхъ, то онъ на нихъ смотритъ такъ, какъ бы онъ смотрѣлъ изъ тѣла причиннаго. Это значить, что онѣ не являются для него ни печалью, ни огорченіемъ, а просто урокомъ, или изживаніемъ кармы. И тутъ нѣтъ никакой иллюзии, ибо онъ видитъ это, какъ оно дѣйствительно есть съ точки зрѣнія эго на его собственномъ планѣ. Наша низшая личная точка зрѣнія иллюзорна, ибо мы видимъ печаль и заботу тамъ, гдѣ вся суть только въ ступеняхъ нашего восхожденія.

На этомъ уровнѣ два такихъ друга могутъ знать одинъ о другомъ гораздо больше, ибо у каждаго изъ нихъ теперь только по одному покрову, а именно ментальное тѣло, окутывающее индивидуальность; но все же этотъ покровъ существуетъ. Если умершій знаетъ во время жизни только одну сторону своего друга, то только черезъ нее другъ этотъ можетъ ему проявиться въ небесномъ мірѣ. Онъ можетъ проявить эту сторону полнѣе и удовлетворительнѣе, чѣмъ раньше, но онъ ограниченъ почти исключительно этой стороной. И все же это болѣе полное выраженіе индивидуальности, чѣмъ умершій человѣкъ могъ бы когда либо воспринять на низшихъ планахъ. Онъ ни въ коемъ случаѣ не забываетъ, что существуетъ такая вещь, какъ страданіе, ибо ясно помнить свою прошлую жизнь; но теперь онъ пони-

масть очень многое, что для него было неясно во время земной жизни, и радость настоящего такъ велика, что печаль кажется ему почти что сновидѣніемъ.

Спрашиваютъ: какъ мы, живущіе еще на землѣ, общаемся съ нашими друзьями, пребывающими на небѣ? Если подѣ словомъ „мы“ подразумѣвать личность, то мы не общаемся съ отошедшими. Истинное „Я“ общается съ ними, какъ было сказано выше, но въ оболочкѣ нашей личности мы объ этомъ ничего не знаемъ.

Предположимъ, что умерла мать, хорошая католичка, очень любившая свою дочь, и, что, послѣ того уже какъ мать достигла небеснаго міра, дочь стала теософкой. Мать продолжала бы представлять себѣ дочь ортодоксальной; развѣ это не было бы иллюзіей? Да, это было бы иллюзорно, и такое заблужденіе образецъ одного изъ возможныхъ ограниченій, о которыхъ я упоминалъ. Еслибъ мать могла видѣть только тѣ мысли дочери, которыя могли бы быть выражены путемъ ортодоксальныхъ идей, то конечно появились бы такіе пункты новаго откровенія, которыхъ мать не могла бы постигнуть. Но поскольку эго дочери воспользовалось тѣмъ, чему научилась она, какъ личность, постольку явилась бы у нея склонность расширить и усовершенствовать пониманіе матери, но все же по тѣмъ линіямъ, къ которымъ мать привыкла. Не было бы чувства различія взглядовъ, и не было бы избѣжанія вопросовъ религіи.

Вы поймете, что я говорю о заурядныхъ людяхъ; что же касается болѣе подвинутаго человѣка, который уже былъ вполне сознательнъ въ своемъ причинномъ тѣлѣ, то онъ сознательно погрузился бы въ мысленный образъ, созданный для него другомъ изъ небеснаго міра, какъ въ добавочное ментальное тѣло, и работалъ бы черезъ его посредство съ совершенно опредѣленными намѣреніями; такъ что, если бы онъ приобрѣлъ новое знаніе, онъ передалъ бы его непосредственно и сознательно своему другу. Такъ Учителя поступаютъ со своими учениками, вошедшими въ небесный міръ, и значительно передѣлываютъ ихъ характеръ.

Условія, окружающія человѣка въ его небесной жизни зависятъ отъ количества накопленной имъ духовной энергіи. Изъ двухъ людей того же класса или типа, болѣе духовный естественно пробудетъ тамъ дольше; но слѣдуетъ помнить, что сила эта можетъ быть использована медленно или скоро, въ связи съ требованіями эволюціи каждаго человѣка. У тѣхъ, ко-

торые посвятили себя совершенно служенію Великимъ Сущностямъ, и черезъ нихъ человѣчеству, переживанія будутъ нѣсколько отличатьсѣ отъ обыденныхъ. Очевидно, что наши Учителя много тысячъ лѣтъ назадъ составили уже опредѣленную группу работниковъ и помощниковъ изъ числа тѣхъ, которые предложили взять на себя такую работу, и Они пользуются этой группой, какъ чѣмъ то вродѣ полка піонеровъ, посылая ихъ туда, гдѣ и нужна такого рода работа.

Читавшіе жизни Алсіона, напечатанныя въ журналѣ „The Theosophist“, могутъ видѣть, что герой этого замѣчательнаго повѣствованія—членъ этой группы, или скорѣе, одной изъ такихъ группъ; поэтому мы находимъ, что одни и тѣ же люди воплощаются вмѣстѣ все снова и снова, въ различныхъ мѣстахъ. Въ группѣ, состоящей изъ ста лицъ, должно, конечно, быть большое разнообразіе; одни навѣрное разовьютъ въ себѣ бѣольшую духовную силу, нежели другіе, и карма ихъ естественно должна бы была создать для нихъ иныя условія; но одинъ великій фактъ ихъ готовности служить становится надъ всѣми этими соображеніями, и ихъ соединяютъ для того, чтобы они могли быть использованы какъ цѣлое.

Будьте увѣрены, что въ этомъ нѣтъ несправедливости, и что ни одинъ изъ нихъ, ни по какой причинѣ, не избѣгнетъ и юты той кармы, которая ему полагается. Конечно тѣ, которые посвящаютъ себя такому служенію, нерѣдко страдаютъ очень сильно во время этого служенія—иногда по той причинѣ, что прежде созданная карма должна ускоренно изжитъсѣ, чтобы они могли стать свободными отъ какой либо помѣхи съ этой стороны для работы высшей; а въ другихъ случаяхъ ихъ работа дѣлаетъ невозможнымъ пожинаніе кармы жизнь за жизнью, и тогда создается значительное накопленіе, которое изливается въ видѣ какой нибудь громадной катастрофы. Примѣры обоихъ методовъ можно найти въ жизньяхъ Алсіона.

Что же касается главной массы человѣчества, то тамъ не встрѣчается особаго вмѣшательства извнѣ, и небесная жизнь изживается обыкновеннымъ образомъ. Конечно, разница въ продолжительности изживанія вызываетъ разницу въ интенсивности, на которую указываетъ большая или меньшая лучезарность свѣта ментальнаго тѣла. Болѣе развитой человѣкъ, въ особенности если онъ своей цѣлью избралъ служеніе, обыкновенно создаетъ карму и въ теченіе своей небесной жизни; такимъ образомъ онъ можетъ измѣнить эту жизнь во время самаго ея развитія.

Правда, въ книгѣ „Ключь къ Теософіи“ Е. П. Блаватская говоритъ о невозможности для матеріалиста достигнуть небесной жизни, потому что во время земной жизни онъ не вѣрилъ въ подобное состояніе; но вѣроятно она употребляла это слово въ болѣе ограниченномъ смыслѣ, чѣмъ это дѣлается обыкновенно, ибо въ той-же книгѣ она говоритъ о томъ, что для нихъ невозможно никакая сознательность послѣ смерти, между тѣмъ какъ это извѣстно всѣмъ, работающимъ во время сна на астральномъ планѣ, многіе изъ тѣхъ, которыхъ мы обыкновенно называемъ матеріалистами, встрѣчаются тамъ, и конечно они не безсознательны.

Напримѣру, одинъ выдающийся матеріалистъ, хорошо извѣстный одному изъ нашихъ членовъ, недавно былъ найденъ его другомъ въ высшемъ подраздѣленіи астральнаго міра, гдѣ онъ окружилъ себя своими книгами и продолжалъ свои изученія такъ, какъ бы на землѣ. Будучи опрошенъ своимъ другомъ, онъ съ готовностью призналъ, что теоріи, которыхъ онъ придерживался на землѣ, опровергнуты непреодолимой логикой фактовъ; но его агностическія наклонности были все еще настолько сильны, что онъ не хотѣлъ принять того, что сообщалъ ему его другъ относительно существованія болѣе высокаго духовнаго состоянія небеснаго міра. Въѣстѣ съ тѣмъ, въ характерѣ этого человѣка было много такого, что могло бы найти полное выраженіе только въ небесномъ мірѣ, и въ виду того, что полное его невѣріе въ какую бы то ни было посмертную жизнь не помѣшало его астральнымъ переживаніямъ, то нѣтъ повидимому основанія предположить, что оно воспрепятствуетъ должному изживанію высшихъ его силъ на ментальномъ планѣ.

Мы постоянно видимъ здѣсь внизу, что природа не дѣлаетъ уступокъ нашему невѣдѣнію относительно ея законовъ; если, подъ впечатлѣніемъ, что огонь не обжигаетъ, человѣкъ положить руку въ огонь, онъ тотчасъ же убѣдится въ своей ошибкѣ. Такимъ же образомъ невѣріе въ будущее существованіе нисколько не мѣняетъ фактовъ природы, и, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, человѣкъ просто убѣждается послѣ смерти въ томъ, что онъ ошибался. Тотъ родъ матеріализма, о которомъ говоритъ Е. П. Блаватская, есть по всей вѣроятности нѣчто значительно болѣе грубое и наступательное, чѣмъ обыкновенный агностицизмъ, нѣчто такое, что дѣйствительно не позволяетъ предположить, чтобы подобный человѣкъ могъ обладать какими либо качествами, требующими небесной жизни, въ которой онъ могли бы изжиться. Но пока намъ не приходилось наблюдать такого случая.

Кармическія явленія въ свѣтѣ высшаго измѣренія.

Нѣкоторымъ очень трудно фактически и практически признавать наличность Кармы и ея дѣйствій, хотя гипотетически и теоретически они и допускаютъ ея существованіе. Трудно допустить фактическое существованіе Кармы потому, что нѣтъ никакой возможности ни провѣрить это научнымъ путемъ, ни доказать какими либо научными данными и опытами. Всѣ свѣдѣнія, подобныя закону Кармы, мы получаемъ въ видѣ гипотезъ и насъ даже просятъ не принимать на вѣру всего передаваемого намъ, а лишь довѣрять, довѣрять до тѣхъ поръ, пока мы сами не сможемъ провѣрить все личнымъ опытомъ. Для осуществленія этого опыта требуется ясновидѣніе на высшихъ планахъ, а оно, въ свою очередь, является плодомъ великой и непрестанной работы духа. Такая работа для многихъ и многихъ изъ насъ лишь прекрасная, чарующая мечта, осуществить которую мы не въ силахъ вслѣдствіе слабости нашей воли, нейтрализующей благія желанія проводить какую либо идею въ жизнь. Кромѣ того, если даже теоретически мы и признали уже необходимость осуществить близкую намъ идею, то практически намъ это не удастся, не удастся и потому, что самую—то идею мы воспринимаемъ какъ-то поверхностно, легко. А между тѣмъ, для того чтобы признать органическую потребность и необходимость проводить нашу идею въ теченіе всей жизни непрестанно и непреклонно,—мы должны эту идею, эту суть нашей работы перестрадать, прожечь на огнѣ своей души такъ, чтобы она стала нашимъ Я, нашимъ сердцемъ; чтобы, въ случаѣ отнятія отъ насъ возможности слѣдовать этой идеѣ,—у насъ исчезла бы всякая потреб-

ность и всякій смыслъ жить. Эти два фактора: слабость воли и неумѣніе всецѣло проникать въ идею и поглощаться ею,—являются одними изъ главныхъ, но *личныхъ* препятствій къ духовному развитію. Кромѣ нихъ есть еще одинъ факторъ, не зависящій отъ человѣка въ данной жизни, а именно: если въ теченіе предыдущихъ существованій мы не подготовили себя къ воспріятію высшихъ знаній, то въ одну эту жизнь мы, несмотря на всѣ наши титаническія усилія, не сможемъ подняться столь высоко, чтобы сѣмъ разбираться въ явленіяхъ высшаго порядка, высшихъ плановъ.—Такимъ образомъ, для массы человѣчества опытные знанія этихъ плановъ въ данной жизни недостижимы. Но, вѣдь, есть влеченіе къ нимъ, есть жажда слѣдовать и жить по тѣмъ путямъ, которые намъ указываются, но которые для насъ находятся въ густомъ туманѣ и совершенно неясны, по которымъ намъ совѣтуютъ идти, основываясь пока на довѣріи къ нашимъ вождямъ. Но, вѣдь, очень трудно все только довѣрять и довѣрять безъ конца. Не только хочется, но даже является насущная потребность чего-то болѣе фундаментальнаго, болѣе приемлемаго въ смыслѣ обоснованія на чемъ-то болѣе вѣскомъ, чѣмъ одно лишь слѣпое довѣріе, хотя и къ людямъ, заслуживающимъ безусловную, непоколебимую вѣру въ ихъ слова. Хочется найти такое объясненіе Кармическимъ явленіямъ, которое дало бы намъ, если и неполную, вполне обоснованную научно, картину кармическихъ дѣйствій, то хоть удалило бы насъ отъ единственнаго пока нашего достоянія—довѣрія и приблизило къ болѣе или менѣе осязательному, близкому намъ, пониманію этого закона. Мнѣ кажется, такое пониманіе Кармическихъ явленій можно получить изъ слѣдующихъ сравненій и сопоставленій.

Представимъ себѣ существо, воспринимающее и сознающее лишь одно измѣреніе, его міръ—линія, въ сферѣ которой оно живетъ и движется; единственная область его сознанія—точка впереди него.

Если весь міръ такого существа, т. е. линия, будетъ проходить черезъ различные предметы нашего міра, или эти послѣдніе будутъ пересѣкать его линію, то оно восприметъ ихъ только въ видѣ точекъ, то появляющихся съ большими или меньшими промежутками ихъ существованія на линіи, то исчезающихъ. При этомъ, само собою разумѣется, эти точки оно приметъ за совершенно однородныя явленія и не сможетъ представить себѣ, что онѣ принадлежатъ различнымъ тѣламъ нашего міра и являютъ собою только части ихъ.

Въ виду того, что исчезнувшія точки одномѣрное существо признаетъ за несуществующія, уже якобы покинувшія его міръ, прошедшія явленія, а появляющіяся точки— за явленія, могущія неожиданно предстать предъ нимъ, т. е. что прошедшее уходитъ куда-то за грани его міра, а будущее приходитъ откуда-то извнѣ его,—въ виду этого все пространство, за исключеніемъ своей линіи, или иначе сказать, нашъ 3-хъ-мѣрный міръ, для него будетъ временемъ, тою нереальностью, тѣмъ ничто, откуда приходятъ и куда уходятъ явленія его міра.

Если мы возьмемъ теперь двумѣрное существо, то оно будетъ сознать міръ только въ двухъ измѣреніяхъ, только какъ плоскость, и явленія своего міра восприметъ уже не въ видѣ точекъ, а въ видѣ линій,—странныхъ, какъ мы увидимъ ниже, но все же только линій. Представить себѣ, что онѣ ограничиваютъ различные предметы нашего трехъ-мѣрнаго міра двумѣрное существо не сможетъ. Точно также, какъ и въ примѣрѣ съ одномѣрнымъ существомъ, если какимъ либо путемъ до его сознанія дойдетъ что-либо, происходящее внѣ его міра, но проявляющееся не въ понятныхъ ему линіяхъ, а какъ-нибудь иначе, то оно или станетъ отрицать это, посчитавъ за созданіе своей фантазіи и воображенія, или подумаетъ, что это происходитъ на его же плоскости, не зная того, что вообще, на плоскости, какъ таковой, явленія могутъ выражаться только въ видѣ линій и ни въ какомъ случаѣ не какимъ либо инымъ образомъ.

Какъ и одномѣрное существо, временемъ оно назоветъ міръ 3-хъ измѣреній, т. е. посчитаетъ его за „ничто“, изъ котораго приходятъ и куда уходятъ явленія, происходящія на его плоскости.

Если то ничто, изъ котораго исходятъ явленія и которое затѣмъ поглощаетъ ихъ въ себя, или иначе сказать, если міръ высшаго измѣренія воспринимается сказанными существами, какъ время, то отсюда можно вывести необыкновенно интересную для насъ мысль, а именно: то, что мы, въ свою очередь, воспринимаемъ, какъ время, какъ нѣчто нереальное и совершенно непонятное намъ,—есть міръ еще высшаго, уже 4-го измѣренія, міръ, полный жизни, намъ неизвѣстной, непостижимой, якобы нереальной, такъ какъ отъ всего происходящаго въ немъ мы сознаемъ лишь частички, отрывки; если же и удастся намъ подчасъ уловить трепеть отъ дыханія той жизни, то мы, въ силу присущаго намъ сознанія лишь въ трехъ измѣреніяхъ, приписываемъ и этотъ трепеть созданію трехмѣрнаго же міра.

Выше я сказала, что двумѣрное существо происходящія въ

его міръ явленія воспринимаетъ въ видѣ линіи. Къ этому я должна теперь прибавить, что оно понимаетъ, признаетъ только прямыя линіи.

Какимъ же образомъ передаются его сознанию линіи ломанныя, кривыя, ограничивающія тѣ или иныя фигуры трехмѣрнаго міра.

Сейчасъ мы рассмотримъ это.

Поднявши до уровня глазъ двѣ линейки, положенныхъ горизонтально подъ прямымъ угломъ, мы будемъ видѣть только ту изъ нихъ, которая лежитъ параллельно нашимъ глазамъ, что же касается второй линейки и угла, то они будутъ для насъ совершенно невидимы и мы въ правѣ будемъ сказать, что для насъ существуетъ только одна линейка. Значить: при нахожденіи наблюдающаго и наблюдаемаго на одномъ уровнѣ, на одной плоскости, можно видѣть только прямую линію; для того же, чтобы увидѣть изломы или повороты ея, а также и углы, мы непременно должны подняться *надъ* уровнемъ, надъ плоскостью наблюдаемаго (между прочимъ, мы уже знаемъ, что можно подняться не только физически, но и сознаниемъ)

По той простой причинѣ, что двумѣрное существо не въ состояніи подняться надъ своею плоскостью,—всякія ломанныя и кривыя линіи представляются ему въ такомъ видѣ, какъ намъ линейки въ приведенномъ выше примѣрѣ.

Рассмотримъ теперь впечатлѣнія двумѣрнаго существа при движеніи по своей плоскости и при столкновеніи съ происходящими на ней различными явленіями.

Сначала представимъ себѣ, что на плоскости выявился квадратъ, т. е. ломанная линія. Двигаясь по одной сторонѣ квадрата, наше двумѣрное существо чувствовало бы себя въ своей сферѣ, какъ знакомое съ этимъ явленіемъ; но, дойдя до точки поворота, т. е. до угла, оно было бы положительно ошеломлено тѣмъ, что привычное ему состояніе линіи вдругъ рѣзко нарушилось: въ этомъ мѣстѣ поворота линія стала какъ бы живою, слѣдующая ей точка какъ бы двинулась съ мѣста, какъ бы сошла съ пути существа, которое всегда предполагаетъ только то, что линія продолжается въ томъ же направленіи. Миновавъ уголь, оно было бы потрясено тѣмъ, что линія снова превратилась въ неподвижную и осталась въ такомъ состояніи вплоть до второго угла и т. д. Обойдя нѣсколько разъ вокругъ квадрата и не имѣя возможности видѣть угла, какъ мы не видѣли его въ примѣрѣ съ линейками, а потому не будучи въ состояніи

только простымъ поворотомъ линіи объяснить себѣ поражающее его явленіе,—двумѣрное существо придетъ, наконецъ, къ заключенію, что черезъ опредѣленные промежутки времени, или пространства, линія приходитъ въ движеніе, чтобы тотчасъ же придти въ нормальное, по его мнѣнію, состояніе неподвижности.

Если мы, затѣмъ, возьмемъ явленія нашего міра, ограниченныя на плоскости двумѣрнаго существа болѣе сложными комбинаціями прямыхъ линій, то оно восприметъ эти явленія такимъ же образомъ, но только длительность нахождения линіи въ неподвижномъ состояніи будетъ различна.

Если же явленіе трехмѣрнаго міра будетъ ограничено на плоскости окружностью, то оно произведетъ на двумѣрное существо впечатлѣніе непрерывно движущейся, какъ бы каждою точкою своею убѣгающей отъ него, линіи.

Выводъ изъ всего сказаннаго таковъ: различные предметы трехмѣрнаго міра, представляющіеся на плоскости въ видѣ линій, ограничивающихъ ихъ, будутъ восприниматься двумѣрнымъ существомъ какъ прямая линія, обладающая свойствомъ или періодическаго, или постояннаго движенія, а самые предметы будутъ для него движущимися тѣлами. А такъ какъ причиной неожиданнаго движенія въ ломанныхъ линіяхъ служатъ углы, то ни на одну минуту не подозрѣвая ихъ фактическаго, вполне реальнаго, существованія, двумѣрное существо и ихъ будетъ относить къ странному, періодически появляющемуся, свойству линіи и поэтому посчитаетъ ихъ за явленія преходящія, протекающія во времени и будетъ воспринимать ихъ только какъ движеніе.

Для яснаго пониманія всего послѣдующаго, я должна нѣсколько отвлечься и тутъ же разсмотрѣть идею пространства.

Представимъ себѣ, что міръ существа двухъ измѣреній движется въ нашемъ трехмѣрномъ мірѣ. Подобно тому, какъ мы не можемъ видѣть движенія земли, двигаясь одновременно съ нею, и двумѣрное существо не замѣтитъ движенія своей плоскости. Такимъ образомъ, пересекаемые ею различные предметы нашего міра для него будутъ то появляться изъ будущаго, то исчезать въ прошедшемъ, въ то время, какъ для насъ эти же самые, кажущіеся временными для двумѣрнаго существа, предметы будутъ неподвижными постоянными, расположенными по пространству и въ пространствѣ, или, если сказать иначе: для двумѣрнаго существа явленія нашего міра будутъ казаться исходящими изъ будущаго, одинъ моментъ пребывающими въ

настоящемъ и затѣмъ уходящими въ прошедшее, т. е. все, происходящее на его плоскости, будетъ протекать для него во времени и по времени, а въ это же время для насъ, видящихъ одновременно и сразу предметы, пересекаемые плоскостью двумѣрнаго существа они будутъ являться только въ настоящемъ, только теперь-теперь-теперь, и мы будемъ воспринимать ихъ только въ пространствѣ и по пространству.

Что изъ этого вытекаетъ?—Что время тождественно пространству; что то, что для существа низшаго измѣренія представляется какъ время, то для существа высшаго измѣренія оказывается пространствомъ. Для большей ясности приведу примѣръ: мы воспринимаемъ пространственно и одновременно: стѣны и окна нашей комнаты, улицу, домъ на другой сторонѣ, садъ съ деревьями передъ нимъ, а двумѣрное существо, проходя со своею плоскостью черезъ эти же самые предметы, будетъ воспринимать ихъ постепенно, одно за другимъ, именно во времени, по времени.

Вслѣдствіе только что сказаннаго о пространствѣ, можно притти къ заключенію, что нѣтъ отдѣльныхъ областей для будущаго и прошедшаго, что они существуютъ одновременно на одной плоскости, а изъ этого вытекаетъ и еще одно интересное заключеніе, что явленія могутъ приходить одинаково и изъ будущаго, и изъ прошедшаго, и только мы, незнающіе и не сознающіе въ высшихъ областяхъ, и употребляющіе названія прошедшаго и будущаго, приписываемъ какія-то раздѣленія тому, что въ дѣйствительности является единымъ пространствомъ.

Слѣдуя методу аналогіи, мы уже пришли къ тому заключенію, что то, что мы называемъ временемъ— есть міръ 4-го измѣренія. Теперь, на основаніи всего сказаннаго о воспріятіи двумѣрнымъ существомъ явленій трехмѣрнаго міра и о пространствѣ, не можемъ-ли мы притти къ такому выводу: не воспринимаемъ-ли мы явленія нашего міра на подобіе двумѣрнаго существа, во-1) думая, что эти явленія протекаютъ во времени, т. е. въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онѣ исходятъ изъ міра 4-го измѣренія, существуютъ пространственно; во-2) принимая за процессъ движенія то, что въ дѣйствительности неподвижно и постоянно (какъ мы видѣли на примѣрахъ неподвижныхъ квадратовъ и др. фигуръ, но представляющихся сознанію двумѣрнаго существа въ видѣ подвижныхъ тѣлъ); 3) считая, наконецъ, что явленія нашего міра, создаваясь за моментъ до выявленія ихъ, неужи-

данно и внезапно вырастаютъ предъ нами и также неожиданно и безслѣдно пропадаютъ, подобно угламъ и поворотамъ для двумѣрнаго существа, тогда какъ въ дѣйствительности всѣ явленія нашего міра существуютъ во вселенной во всемъ своемъ разнообразіи и во всей своей полнотѣ постоянно. Мы же не подозрѣваемъ ихъ существованія только потому, что не можемъ почувствовать, понять и признать какъ существованія высшаго пространства, такъ и возможности распространенія по немъ неподвижныхъ и постоянныхъ явленій, не можемъ подняться надъ нашимъ обыкновеннымъ трехмѣрнымъ сознаніемъ міра. Въ этомъ случаѣ мы очень походимъ на слѣпого. Въ противоположность зрячему, замѣчающему сразу и одновременно лѣстницу, корридоръ, стѣны, — слѣпой воспринимаетъ только то, что онъ можетъ наступить въ каждый данный моментъ, напр. одну ступеньку, для котораго всякій новый шагъ впередъ — жуткая неожиданность и который, при столкновеніи, напр. съ запертою дверью, отшатывается отъ нея, какъ отъ живого существа, подобно тому, какъ мы невольно отклоняемся отъ человѣка, неожиданно преградившаго намъ дорогу.

Въ такомъ же положеніи находится тотъ, кто идетъ по долигѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами: ничего, что существуетъ за ними, онъ видѣть не можетъ и въ правѣ думать, что онъ или тянутся безконечно, или тотчасъ же за гребнемъ прерываются крутыми обрывами, тогда какъ поднявшійся на одну изъ этихъ горъ однимъ взглядомъ охватить лѣсъ, растущій по склонамъ ея, рѣчку, вьющуюся у ея подножія, деревню на томъ берегу, людей, суетящихся тамъ, и еще далѣе, насколько хватить зрѣнія.

Изъ примѣра со слѣпымъ и зрячимъ мы видимъ, что явленія воспринимаются первымъ лишь постепенно, такъ сказать, во времени, а вторымъ — сразу, пространственно; что всѣ эти явленія существуютъ постоянно, но слѣпой принимаетъ каждое явленіе, какъ неожиданность, чувствуетъ себя вѣчно на-чеку, тогда какъ зрячій всегда спокоенъ и идетъ впередъ вполне увѣренно.

Раньше я сказала, что различные предметы нашего міра выражаются на плоскости въ видѣ линий. Такимъ образомъ, какія бы разнообразныя трехмѣрныя тѣла, будь то стаканъ, коробка или яблоко, ни появлялись на плоскости, всѣ онѣ будутъ выражаться на ней только линиями, особой каждый разъ конструкции; на плоскости будутъ выявлены не самыя тѣла, а

только разрѣзы ихъ, ограниченные тѣми или иными линиями, отличающимися другъ отъ друга разнообразіемъ движенія.

Само собою разумѣется, что, воспринимая только разрѣзы какого нибудь тѣла, двумѣрное существо рѣшитъ, что онъ (разрѣзы) являетъ собою *все* явленіе, что въ немъ лежитъ начало и конецъ его, но не сможетъ предположить, что этотъ разрѣзы представляетъ собою лишь незначительную часть тѣла, что все тѣло реально существуетъ въ мірѣ высшаго измѣренія и, кромѣ того, выполняетъ какія-то функціи.

Исходя изъ такихъ воспріятій двумѣрнаго существа, невольно возникаетъ мысль, что и мы точно также смотримъ на явленія нашего міра.

Сорвался съ высоты камень и ушибъ проходящаго человека. Мы считаемъ, что этимъ неожиданнымъ паденіемъ и ушибомъ прохожаго исчерпалось все: явленіе началось при насъ и при насъ же кончилось болѣе или менѣе сильнымъ пораненіемъ. Зная изъ предыдущихъ случаевъ, что пораненіе причиняетъ боль, мы еще можемъ подумать о томъ, что этотъ человекъ страдаетъ, что, быть можетъ, ему придется лечить пораженное мѣсто и т. д., но каковы бы ни были эти послѣдствія, все онѣ имѣютъ мѣсто на физическомъ планѣ. Мы не можемъ представить себѣ существованія чего то, что было раньше и послужило причиной этого случая и что будетъ позже и явится слѣдствіемъ его, но за то теперь, послѣ того, что я сказала о частичномъ воспріятіи двумѣрнымъ существомъ явленій нашего міра, мы уже поняли, что и для насъ всякое видимое явленіе реализуетъ собою только разрѣзы, только одинъ моментъ какого то грандіознаго по сравненію съ нимъ цѣлага, начало и конецъ котораго невидимо простирается въ безпредѣльности высшаго міра.

Если на плоскости выявятся два или нѣсколько разрѣзовъ, подобныхъ другъ другу, т. е. ограниченныхъ одинаковыми линиями, напр. разрѣзы отъ свѣчи и отъ полтинника или отъ книги и равной съ нею по величинѣ коробки, то двумѣрное существо признаетъ ихъ за совершенно однородныя явленія и не въ состояніи будетъ представить себѣ, насколько такія явленія сами по себѣ различны во всѣхъ отношеніяхъ. Двумѣрное существо и въ данномъ случаѣ будетъ совершенно искренно убѣждено въ томъ, что этими разрѣзами исчерпывается все, а если они къ тому же претерпѣваютъ тѣ или иныя измѣненія, то причины этого лежатъ тутъ же, на плоскости.

Примѣромъ подобнаго же воспріятія нами однородныхъ, якобы, явленій можетъ послужить слѣдующее: утонули 2 человека: одинъ—по собственной неосторожности, другой—желая спасти перваго. Родители перваго потеряли только сына, тогда какъ родители втораго лишились вмѣстѣ съ сыномъ той рабочей силы, которая давала имъ средства къ существованію. Рассматривая этотъ случай только какъ свершившійся фактъ, мы увидимъ, что какъ одинъ, такъ и другой перенесли совершенно одинаковую гибель; если же мы будемъ имѣть въ виду причины и послѣдствія ея, то тѣ и другія для каждаго изъ погибшихъ будутъ рѣзко отличаться другъ отъ друга. Но если различны причины и послѣдствія, имѣвшія мѣсто на физическомъ планѣ, то какое же великое различіе, на основаніи сказаннаго о воспріятіи двумѣрнымъ существомъ видимо однородныхъ фактовъ, можемъ мы предугадать въ тѣхъ, идущихъ свѣше, явленіяхъ, которыя одного человека привели къ неосторожности, имѣвшей, очевидно цѣлью прекратить его существованіе, а другаго толкнули на поступокъ, полный самопожертвованія и героизма. При этомъ и дальнѣйшее развитіе этихъ высшихъ явленій, прошедшихъ уже черезъ физическій планъ, пойдетъ также по двумъ разнымъ путямъ.

Представивъ себѣ, наконецъ, плоскость двумѣрнаго существа расположенною горизонтально и пересѣкающею вершину дерева, мы увидимъ, что разрѣзы каждой вѣточки, каждаго листочка, каждаго плода этого единаго дерева двумѣрное существо посчитаетъ за абсолютно отдѣльными явленіями, абсолютно независящими другъ отъ друга и не принадлежащими одному цѣлому. Какимъ образомъ сможетъ оно понять, что этотъ, напр., разрѣзъ засыхающаго листка постепенно уменьшается въ объемѣ потому, что близъ лежащій разрѣзъ принадлежитъ вѣточкѣ, изъ которой погибающій листокъ вышелъ и которая сама страдаетъ отъ порѣза или трещины; что тотъ округленный разрѣзъ плода съ каждымъ часомъ расширяется все сильнѣе и сильнѣе только потому, что лежащій въ центрѣ, самый крупный разрѣзъ принадлежитъ стволу дерева, всасывающаго въ себя живительные соки и передающаго ихъ плоду?

Не впадаемъ-ли мы въ ошибку двумѣрнаго существа, принимая каждаго человека за явленіе, совершенно отдѣльное, независимое какъ одно отъ другаго, такъ и отъ нѣкакого цѣлаго?

Послѣ того, какъ мы изслѣдовали воспріятія двумѣрнаго

существа, невольно признаешь эту ошибку и захочешь избавиться отъ нея, постаравшись хотя бы въ воображеніи подняться надъ трехмѣрнымъ пониманіемъ и сознаніемъ міровыхъ явленій.

Возможность эту даетъ намъ Теософія. Съ ея помощью мы можемъ сказать опредѣленно, что каждый человѣкъ съ его работой въ мірѣ—не отдѣльное явленіе, не имѣющее будто бы никакой связи съ другими явленіями и съ Единымъ, а только разрѣзъ, только часть того Цѣлага, того Единаго которое создало его самого и питаетъ его своимъ дыханіемъ; что отдѣльный человѣкъ, идя по тому или иному пути, вліяетъ на все чело-вѣчество, внося въ его массу тѣ или иныя составныя части, при чемъ и чело-вѣчество, въ свою очередь, оказываетъ на него то или иное вліяніе; что, наконецъ, разнообразіе дѣятельности человѣка и кажущаяся ея обособленность имѣютъ въ виду привести людей, хотя бы и различными путями, къ тому же Единому, чтобы, въ концѣ концовъ, слиться съ Нимъ навсегда.

Обзоромъ воспріятій двумѣрнаго существа и рядомъ сопоставленій и сравненій съ нашимъ трехмѣрнымъ воспріятіемъ я постепенно шла къ разрѣшенію затронутого мною вопроса,—къ объясненію Кармическихъ явленій, и теперь могу оформить свои мысли, возникшія при чтеніи *Tertium Organum* Успенскаго по поводу Кармическихъ явленій, такимъ образомъ:

Намъ, людямъ трехмѣрнаго сознанія, всякія Кармическія явленія представляются въ такомъ видѣ: неожиданно, какъ бы случайно, стало на нашемъ жизненномъ пути что-то новое, какое-нибудь событіе или человѣкъ, какое либо чувство или мысль, безразлично, что именно; словомъ, извѣстное новое явленіе. Болѣе или менѣе продолжительное время оно связано съ нами, мы чувствуемъ его вліяніе на себѣ въ томъ или другомъ отношеніи и затѣмъ оно также неожиданно 'исчезаетъ, какъ бы покидаетъ насъ, уходитъ въ область пережитого, прошлаго. Явленіе воспринято нами во времени, а слѣдовательно, и въ движеніи.

Почему мы воспринимаемъ всякое явленіе, какъ неожиданность? Лишь потому, что ограничиваемъ его нашимъ трехмѣрнымъ міромъ, считаемъ, что оно проявляетъ свою дѣятельность только въ немъ, что здѣсь и начало, и конецъ его.

Такимъ образомъ, въ теченіе всей нашей жизни явленія приходятъ одно за другимъ, то появляясь изъ будущаго, то исчезая въ прошедшемъ, и мы не подозреваемъ возможности

ихъ прихода, какъ не знаемъ и того часа, въ который онѣ покинуть насъ, исполнивши здѣсь ту или иную миссію.

Цѣлительность же совсѣмъ не такова.

Хотя и трудно намъ признать, что все то преходящее, что воспринимается нами во времени и въ движеніи, на самомъ дѣлѣ существуетъ въ высшемъ пространствѣ какъ вѣчное, постоянное и неподвижное, но, вспомнивъ о двумѣрномъ существѣ и о его представленіяхъ, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что при расширеніи сознанія отодвигается идея времени, замѣняясь идеей пространства, и уничтожаются движенія, превращаясь въ свойства неподвижныхъ явленій.

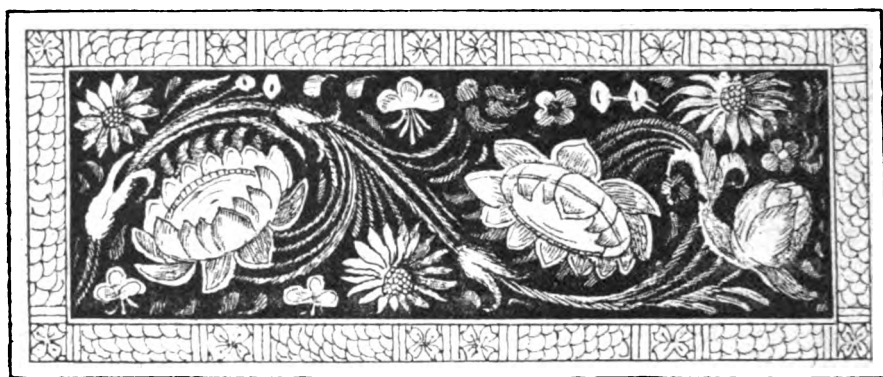
Если, не обладая еще высшимъ сознаніемъ, мы не имѣемъ возможности наблюдать явленія цѣликомъ, то съ помощью данныхъ моего доклада мы можемъ теперь нарисовать себѣ такую, необычайную по своей грандіозности, картину: безпредѣльное, непостижимое для насъ, пространство, которому нѣтъ границъ и нѣтъ опредѣленнаго мѣста во Вселенной, такъ какъ оно пребываетъ въ каждой точкѣ ся.

Въ этомъ необъятномъ пространствѣ лежатъ неподвижно и всегда, такъ сказать въ вѣчномъ настоящемъ, не только причины видимыхъ нами Кармическихъ явленій, но и самыя Кармическія явленія, всѣ—безъ изъятія, какъ прошедшія, такъ и будущія; какъ тѣ, съ которыми каждому изъ насъ приходится встрѣчаться на этомъ жизненномъ пути въ ихъ частичномъ проявленіи, такъ и тѣ, съ которыми всѣ уже имѣли столкновение въ теченіе всего прошлаго существованія или столкнемся когда либо въ будущемъ.

И вотъ, только по той причинѣ, что мы, невѣдомо для насъ, существуемъ въ этомъ же высшемъ пространствѣ, мы и можемъ встрѣчаться съ пребывающими въ немъ явленіями; воспринимаемъ же мы ихъ трехмѣрно потому, что не развитъ у насъ проводникъ, который смогъ бы передавать ихъ нашему сознанію полностью.

Безчисленное множество путей существуетъ въ этомъ пространствѣ и каждый человѣкъ бредетъ по избранной имъ *добровольно* тропинкѣ. Идя по ней, онъ встрѣчается только съ тѣми явленіями, которыя ей присущи, и *этимъ* объясняется тотъ трудный для пониманія фактъ, что у каждаго человѣка—своя индивидуальная Карма, которую онъ создалъ, такъ сказать, своими же руками.

А. Бибилова.

Современная наука и вопросъ объ Атлантидѣ.

(Окончаніе).

Если мы вспомнимъ о страшныхъ неровностяхъ дна моря къ ю.-з. отъ Азорскихъ острововъ, о которыхъ уже упоминалось, то мы придемъ къ выводу, что тщательное драгированіе къ югу и юго-западу отъ этихъ острововъ дало бы тѣ же результаты, что и на сѣверѣ при отыскиваніи телеграфнаго кабеля. Тогда внезапно обрушившаяся область приметъ для насъ грандіозные размѣры, а Азорскіе острова будутъ для насъ свидѣтелями, избѣгнувшими этой общей катастрофы.

Но вотъ и другіе факты изъ области же геологіи: все дно Атлантическаго океана, повидимому, образовалось въ недавнее время; до обрушенія области Азорскихъ острововъ имѣли мѣсто и другія провалы, обширность которыхъ поражаетъ самое пылкое воображеніе.

Съ тѣхъ поръ какъ Эдуардъ Суэцъ и Марсель Бертранъ научили насъ дешифровать медленныя и быстрыя измѣненія лица земли подъ вліяніемъ разрушительныхъ силъ времени на протяженіи безчисленныхъ вѣковъ, мы знаемъ о существованіи очень древней связи между сѣверомъ Европы и Америки, а также связи между массивомъ Африки и Южной Америки. Когда-то существовалъ одинъ сѣверо-атлантическій континентъ, заключавшій въ себѣ Россію, Скандинавію, Великобританію,

Гренландію и Канаду, къ которому позднѣе присоединилась средняя полоса, вмѣщавшая большую часть центральной и западной Европы и огромную часть Соединенныхъ Штатовъ. Существовать также и южно-атлантическій континентъ Африко-Бразильскій, простиравшійся съ сѣвера до южной части Атласскихъ горъ, на югъ до Персидскаго залива и Мозамбикскаго канала и на западъ до нижней оконечности Андовъ и до Колумбіи и Венецуэлы. Между этими двумя континентами тянулась средняя впадина. Эта древняя борозда, постоянно измѣнявшая свою ширину, образовывала морской поясъ вокругъ всего земного шара съ самаго начала геологическихъ временъ; ея слѣдъ въ настоящее время представляетъ собою Средиземное море, Антилъское и море острововъ Зондекаго архипелага. Цѣпь горъ шириною болѣе Альпійскихъ и высоту не менѣе грандіозныхъ вершинъ Гималаевъ высилась на берегу сѣверо-атлантическаго континента, омывасмаго Средиземнымъ моремъ и захватывала Вогезы, Центральное плато во Франціи, Бретань, Югъ Англій, Ирландію, Новую Землю, Новую Шотландію и Аллеганскій районъ Соединенныхъ Штатовъ. Берега Бретани, Корнваллиса и Южной Ирландіи съ одной стороны и противоположные берега Новой Земли и Новой Шотландіи высились въ 3000 километрахъ другъ отъ друга, раздѣленные водами Атлантическаго моря. Складки древней цѣпи горъ этихъ береговъ внезапно перерѣзываются перпендикулярно къ берегу, главная направляющая линія Европейскихъ горъ совпадаетъ съ линіей направленія американской цѣпи. Придетъ время когда океанографы, составившіе подробную карту глубинъ, между Ирландіей и Новой Землей, увидятъ, что на мѣстѣ этой провалившейся цѣпи горъ непрерывно идутъ горы по морскому дну.

Марсель Бертрень назвалъ эту древнюю цѣпь горъ Герцинской. Эдуардъ Суэцъ назвалъ ее Алтайской, такъ какъ она беретъ свое начало въ далекой Азіи; Аллеганскія горы по его мнѣнію не что иное какъ Алтайскія горы Америки. Такимъ образомъ до начала провала, время котораго опредѣлить трудно, область Атлантическаго океана была занята массой континента, замыкаемаго съ юга цѣпью горъ. Хотя и невозможно указать точное время начала этой катастрофы, но извѣстно, что она окончилась въ третичный періодъ, слѣдовательно въ сравнительно недавнюю эпоху. Это обрушеніе во всякомъ случаѣ произошло гораздо ранѣе провала того вулканическаго района, гдѣ Азорскіе острова являются послѣдними остатками. На мѣстѣ

теперешняго южнаго Атлантическаго океана также существовалъ на протяженіи тысячи вѣковъ континентъ, глубоко погружившійся на морское дно. Весьма вѣроятно, что эти провалы материковъ происходили въ нѣсколько пріемовъ и поэтому очертанія береговъ Средиземнаго моря, отдѣлявшія въ тѣ времена эти два материка, часто измѣнялись. Въ срединѣ мѣловаго періода Средиземное море заняло пространство до Канарскихъ острововъ, его южная часть почти доходила до теперешняго мѣстонахожденія этихъ острововъ. По этому вопросу мы имѣемъ очень цѣнныя свѣдѣнія недавно найденныя Питаромъ и тщательно отмѣченныя г.г. Кетро и Лемуаномъ. Въ эту же эпоху районъ острововъ Зеленаго мыса также составлялъ одно цѣлое съ Африко-Бразильскимъ материкомъ.

Наряду съ расширеніемъ области Средиземнаго моря въ атлантическомъ районѣ вслѣдствіе постепеннаго обрушенія его береговъ, возможно, что оно одновременно и раздѣлялось на части, дно его во всякомъ случаѣ дѣлалось неровнымъ по мѣрѣ того, какъ на немъ образовывались новыя складки и морщины. Наконецъ въ этой широкой и глубокой бороздѣ, куда собирались огромными слоями осадки съ двухъ континентовъ Сѣвернаго и Южнаго, началось то движеніе, результатомъ котораго было возникновеніе въ Европѣ въ третичную эпоху Альпійскихъ горныхъ цѣпей.

На какомъ же пространствѣ протянулась въ Атлантическомъ районѣ эта альпійская цѣпь третичной формаціи? Какова была мощность перемѣщеній въ этой странѣ, представляющей собою нынѣ дно океана?

И до погруженія своего въ беззвѣздную ночь глубины океана вздымались ли, хотя на продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, горныя вершины этой цѣпи? Доходили ли эти складки Альпійскихъ и Атласскихъ горъ до водъ Антильскихъ острововъ? И нѣтъ ли между Альпами и Кордильерами, представляющими лишь передовыя извилины Андскихъ Кордильеровъ, тектонической связи, тѣмъ болѣе, что со временъ Суэца мы допускали между ними наличіе связи стратиграфической?—Всѣ эти вопросы остаются пока для насъ безъ отвѣта. Луи Женшиль прослѣдилъ цѣпь третичной формаціи западнаго Атласа до берега моря, и онъ наблюдалъ, какъ она постепенно опускалась, утопая, по выраженію рудокоповъ, погружаясь въ волны океана. Она идетъ по Агадирскому берегу и по мысу Гиръ въ такомъ направленіи, что если ее мысленно продолжить далѣе, то это направленіе

поведеть какъ разъ къ Канарскимъ островамъ. Но для утверженія того, что Канарскіе острова представляютъ собою поднятые отрывки потонувшихъ Атласскихъ горъ, необходимо было бы произвести изысканія мѣловыхъ отложеній этихъ отроговъ, но до сего времени такихъ изысканій еще не было сдѣлано. Каждому извѣстно, что Атласъ представляетъ собою лишь одинъ изъ отроговъ великой цѣпи третичной формаціи, онъ составляетъ продолженіе системы Апенинскихъ горъ на сѣверѣ Африки. Что же касается до самыхъ Альпъ, составляющихъ главный отрогъ той же цѣпи, то ихъ не трудно прослѣдить до Сиерры-Невады и Гибралтара; черезъ Гибралтарскій проливъ они идутъ къ Рифу. Но Рифъ, признаваемый нѣкоторыми геологами за продолженіе всей Альпійской системы горъ, является въ дѣйствительности лишь продолженіемъ нѣкоторой части этой системы; вся сѣверная полоса Альпійской складки, выступающая изъ водной поверхности Сиерры Невады, идетъ къ западу, а не къ Гибралтарскому проливу. Я мысленно вижу какъ эти горы проходятъ подъ новѣйшими напластованіями земли черезъ Андалузю, образуютъ узкую полосу на берегу Альгарвы и наконецъ рѣзко прерываются у мыса св. Винсента, и, не имѣя никакого стремленія снова вынырнуть изъ морскихъ волнъ, уходятъ въ глубь океана. Если бы мы продолжили ихъ направленіе, но оно привело бы насъ къ острову S. Maria, самому южному изъ Азорскихъ острововъ, гдѣ мы находимъ еще не слежавшіеся миоценовыя осадочныя породы. Въ общемъ имѣются всѣ данныя, чтобы считать, что Атлантическія третичныя напластованія Атласскихъ горъ, продолжаются къ Канарскимъ островамъ, а Альпійскія къ южнымъ Азорскимъ. Но ничто еще не даетъ права ни считать, что онѣ идутъ еще далѣе, ни считать, что они здѣсь же и оканчиваются. Осадочныя породы на островѣ Св. Маріи доказываютъ лишь, что въ миоценовый періодъ, т. е. когда уже были закончены въ Европѣ великія Альпійскія передвиженія, недалеко отъ Азорскихъ острововъ существовалъ берегъ либо большаго острова, либо континента. Другой берегъ того же моря миоценоваго періода проходилъ близъ Канарскихъ острововъ.

Во всякомъ случаѣ въ теченіе послѣднихъ періодовъ исторіи земли географія атлантической области сильно измѣнилась. И разумѣется уже съ давнихъ временъ морское дно стало такимъ подвижнымъ и быстро измѣнялось. Въ настоящее время на эту подвижность указываютъ обиліе вулкановъ и цѣ-

лыя области, залитыя лавой. Провалъ времянь вторичнаго геологическаго періода расширилъ предѣлы Средиземнаго моря и уничтожилъ остатки Герцынской цѣпи; отложенія по всей средней зонѣ въ первой половинѣ третичной формациі совершенно измѣнили характеръ дна моря и создали то здѣсь, то тамъ близъ сѣверныхъ береговъ гористые острова; съ началомъ міоценоваго періода снова начались обвалы въ средней зонѣ и въ обоихъ континентахъ, они привели къ полному уничтоженію этихъ континентовъ съ ихъ берегами.

Тогда въ глубинахъ обширнаго морскаго царства, образовавшагося послѣ всѣхъ этихъ колебаній почвы, появилась новая возвышенность, направляющаяся отъ сѣвера къ югу и закрывающая собою, или во всякомъ случаѣ уменьшающая неровности дна моря. Въ тоже время какъ на существующихъ островахъ, такъ и на разрушенныхъ, находившихся подъ водой океана, отовсюду понемногу выступали потоки лавы. Они были какъ бы необходимымъ и неизбежнымъ слѣдствіемъ провала частей земной коры. Такова въ краткихъ словахъ исторія Атлантическаго океана, начавшаяся нѣсколько милліоновъ лѣтъ тому назадъ. Разумѣется многіе эпизоды этой исторіи никогда не будутъ отмѣчены точно, но во всякомъ случаѣ намъ извѣстно, что нѣкоторые изъ этихъ эпизодовъ относятся къ новѣйшему времени. Луи Женшиль даетъ намъ очень интересныя наблюденія по этому вопросу, сдѣланныя имъ у береговъ Морокко. Онъ говоритъ, что Гибралтарскій проливъ образовался въ началѣ Илюцена. Уже въ Тортоньенскую эпоху море омывало Агадйскій берегъ, вслѣдствіе чего въ эту эпоху Мадера и Канарскіе острова отдѣлились отъ континента. Но тортоньенскіе и даже иезансіенскія напластованія не лежатъ уже въ порядкѣ, а собраны въ складки и разрознены. Слѣдовательно въ томъ районѣ, гдѣ было продолженіе Атласа, происходили позднѣе очень важныя передвиженія суши, что на самомъ дѣлѣ и имѣло мѣсто въ четвертичный періодъ. Каналь, отдѣляющій Мадеру и Канарскіе острова отъ континента Африки, еще болѣе углубился въ четвертичный періодъ, а значитъ совсѣмъ не задолго до нашего времени.

Таковы данныя геологій:

Во-первыхъ, чрезвычайная подвижность Атлантическаго района, въ особенности въ средиземной выемкѣ въ вулканической зонѣ въ 3000 километровъ шириною, идущей съ юга на сѣверъ въ восточной половинѣ теперешняго океана.

Затѣмъ доказано, что происходили страшные провалы при чемъ исчезали острова и даже цѣлые материки. Доказано, что нѣкоторые изъ этихъ проваловъ произошли совѣмъ недавно въ четвертичную эпоху, и поэтому возможно, что они происходили на глазахъ человѣка. Наконецъ доказано, что нѣкоторые изъ этихъ проваловъ произошли внезапно, или во всякомъ случаѣ очень быстро. Вотъ данныя, могущія поддержать тѣхъ, кто еще вѣрять разсказу Платона: съ геологической точки зрѣнія разсказъ Платона объ Атлантидѣ очень и очень вѣроятенъ.

Посмотримъ теперь, что намъ могутъ дать зоологи. На это намъ отвѣтитъ молодой французскій ученый Луи Жермень. Я жалѣю, что на самомъ дѣлѣ не могу передать ему слово и быть лишь его очень неудовлетворительнымъ толкователемъ.

Прежде всего, изучая фауну архипелага Азорскихъ острововъ, Мадеры, Канарскихъ и Зеленаго мыса, Жермень пришелъ къ заключенію, что эта фауна несомнѣнно континентальнаго происхожденія. Онъ находитъ даже многочисленныя признаки, указывающіе на приспособленія къ жизни въ пустынѣ. Въ особенности малокологическая ¹⁾ фауна имѣетъ связь съ Средиземнымъ райономъ и въ тоже время отличается отъ экваторіальной африканской. Также связь съ Средиземной фауной наблюдается также и на моллюскахъ четвертичнаго періода.

Во-вторыхъ, четвертичныя формаціи Канарскихъ острововъ сходны съ той же формаціей Мавританіи и заключаютъ въ себѣ тѣ же виды моллюсковъ—какъ на примѣръ,—Геликсы.

Эти два факта приводятъ Жермена къ необходимому заключенію, что все четыре архипелага были связаны съ континентомъ Африки до эпохи, очень близко подходящей къ нашимъ временамъ, во всякомъ случаѣ до конца третичной формаціи.

Третій фактъ: между моллюсками, существующими въ настоящее время на четырехъ архипелагахъ, находятъ виды, которые, повидимому, пережили тѣ же виды, которые въ Европѣ находятъ теперь лишь въ третичной формаціи. Также наблюдается и въ цѣлой серіи видовъ растительнаго царства: одна водоросль „*Adiantum reniforme*“, которая въ настоящее время уже исчезла въ Европѣ, но была найдена въ плиоценовыхъ отложенияхъ Португаліи, до сего времени растетъ на Канарскихъ и Азорскихъ островахъ.

1) Малокологія—наука о слизнякахъ.

Изъ этого третьяго факта Жермень заключаетъ, что до времени Илюцена существовала связь Иберійскаго полуострова съ архипелагами, но что она порвалась во время Илюценоваго періода.

Въ четвертыхъ—*Oleacinidae*— видъ легочныхъ моллюсковъ— очень странно распределены географически. Они обитаютъ лишь въ центральной Америкѣ, на Антильскихъ островахъ, въ Средиземномъ бассейнѣ, на Канарскихъ островахъ, Мадерѣ и Азорскихъ. Въ Америкѣ они такіе же крупные какъ были въ Европѣ во время Мюценоваго періода. Въ Средиземномъ же бассейнѣ и на Атлантическихъ островахъ они стали гораздо мельче.

Такое географическое распределеніе *Oleacinidae* могло случиться лишь потому, что въ началѣ Мюцена континентъ, обнимавшій Азорскіе, Канарскіе острова и Мадеру, долженъ былъ распространяться до Антильскихъ острововъ, и что во время Мюценоваго періода, или въ концѣ его связь между этими материками и Антильскими островами была нарушена.

Остаются еще два факта, относящіеся къ морскимъ животнымъ, причемъ ни тотъ, ни другой (фактъ) не можетъ быть иначе объясненъ, какъ непрерывностью морскаго берега, идущаго отъ Антильскихъ острововъ до Сенегала и даже связывающаго Флориду съ Бермудскими островами и съ частью Гвинейскаго залива. Пятнадцать видовъ морскихъ моллюсковъ одновременно живутъ на Антильскихъ островахъ и на берегахъ Сенегала, въ другихъ же мѣстахъ ихъ можно найти лишь тамъ, гдѣ ихъ существованіе возможно объяснить переносомъ зародышей. Съ другой стороны фауна мадреноръ на островахъ Св. Оомы, изученная Гравье состоитъ изъ 6-ти видовъ, и не одинъ изъ этихъ шести видовъ не живетъ больше нигдѣ, кромѣ подводныхъ рифовъ Флориды; а четыре другихъ вида встрѣчаются лишь на Бермудскихъ островахъ. Такъ какъ продолжительность морской жизни зародыша мадреноръ не болѣе нѣсколькихъ дней, то и не мыслимо приписать такое удивительное распространеніе этихъ моллюсковъ въ зависимости отъ морскихъ теченій.

Принявъ все это во вниманіе Жермень приходитъ къ заключенію о существованіи Атлантическаго континента, связаннаго съ Иберійскимъ полуостровомъ и Мавританіей, и который распространялся довольно далеко къ югу, такъ что въ климатическомъ отношеніи носилъ степной характеръ. Еще въ Мюценовый періодъ этотъ континентъ захватывалъ Антильскіе острова. Затѣмъ онъ начинаетъ распадаться на куски, сначала

со стороны Антильскихъ острововъ, потомъ съ юга, гдѣ образовывается морской берегъ, идущей до Сенегала и вглубь Гвинейскаго залива, потомъ съ востока, вѣроятно, въ Илюценовый періодъ вдоль по берегамъ Африки. Послѣдній большой осколокъ, совершенно провалившійся и не оставившій послѣ себя никакихъ другихъ слѣдовъ за исключеніемъ четырехъ архипелаговъ, и былъ Атлантидой Платона.

Я въ качествѣ геолога воздержусь высказывать свое мнѣніе о зоологической цѣнности фактовъ, указанныхъ Жерменомъ и о степени вѣроятности тѣхъ заключеній, которые онъ изъ нихъ выводитъ. Но развѣ не поразительно почти абсолютное сходство заключеній зоологическихъ съ заключеніями геологіи. И кто же можетъ сомнѣваться теперь, что въ недалекую отъ насъ эпоху дѣйствительно существовали обширныя пространства суши, обрушившіяся въ ту часть моря, которая простирается къ западу отъ геркулесовыхъ столбовъ.

Этого уже достаточно; изъ нашего краткаго обзора надо бы запомнить вотъ что: возстановить хотя бы и приблизительно карту Атлантиды разумѣется будетъ всегда трудной задачей.

Въ настоящее время объ этомъ нечего и помышлять ¹⁾. Но есть всѣ данныя чтобы вѣрить въ то, что черезъ много времени послѣ образованія Гибралтарскаго пролива существовали еще пространства суши, выступающей изъ водъ океана и между ними были чудесный островъ, отдѣленный отъ африканскаго континента цѣпью другихъ мелкихъ острововъ. Остается доказать лишь, что переворотъ, поглотившій островъ, произошелъ послѣ того, какъ человечество основалось въ Западной Европѣ. Самый фактъ переворота вѣтъ всякихъ сомнѣній. Но существовали ли въ то время люди, бывшіе свидѣтелями этого переворота и которые могли бы передать о немъ свои воспоминанія? Въ этомъ только и вопросъ. Я не думаю, чтобы онъ былъ неразрѣшимымъ. Но я полагаю, что ни геологія, ни зоологія не будутъ въ состояніи рѣшить его. Эти науки сказали уже все, что могли. И я ожидаю окончательнаго отвѣта отъ антропологіи, этнографіи и, наконецъ, океанографіи.

Пока же любители прекрасныхъ легендъ имѣютъ всѣ основанія вѣрить въ Платоновскую исторію объ Атлантидѣ. Новѣйшая наука не вмѣститъ это имъ въ преступленіе и быть можетъ сама направитъ ихъ по этому пути. Приведа ихъ на морской

¹⁾ Теософія даетъ все же карту Атлантиды, составленную Scott Elliott'омъ.

берегъ, около котораго разбились и погибли тысячи кораблей, она укажетъ имъ также и на безчисленное количество утонувшихъ острововъ и континентовъ, погребенныхъ въ морской безднѣ.

Я и мысли не допускаю, чтобы не случилось внезапныхъ передвиженій земной коры, что и влечетъ за собой ужасныя, почти мгновенныя обрушенія и исчезновенія либо части континента, или цѣлыхъ кусковъ горной цѣпи, либо какого-нибудь острова, проваливающихся на тысячи метровъ въ пропасти океановъ.

Ни одинъ геологъ не вправѣ усумниться въ томъ, что подобныя явленія дѣйствительно происходили и повторялись неоднократно, достигая грандіозныхъ размѣровъ въ послѣдній геологическій періодъ. Удивляешься иной разъ, что подобныя перевороты не оставили слѣдовъ на нашихъ берегахъ; но не надо забывать, что сама внезапность возникновенія и прекращенія этихъ ужасныхъ катастрофъ дѣлаетъ ихъ чрезвычайно трудно уловимыми. Навѣрно ни одинъ провалъ не произошелъ безъ того, чтобы не повлечь за собою пониженіе средняго уровня моря; но скоро вновь возстановлялось равновѣсіе, такъ какъ это опусканіе компенсировалось быстрымъ, или медленнымъ подъемомъ дна океана въ другомъ мѣстѣ, или потоками подводной лавы. Такова точность вѣсовъ, уравнивающихъ пропасти и горы.

И когда я, глядя на спокойное и безстрастное море, мысленно пробѣгаю эти ужасныя страницы изъ жизни земли, то мнѣ думается, что послѣдній вечеръ Атлантиды будетъ прообразомъ послѣдняго дня—„великаго заката“ всего человѣчества. И предо мной встаетъ картина: всѣ юноши отправились на защиту страны, они бьются за далекими островами, за столбами Геркулеса. Оставшіеся мужчины, женщины, дѣти, старцы и священнослужители жадно всматриваются въ морской горизонтъ, надѣясь увидать паруса, возвѣщающіе возвращеніе воиновъ. Но мрачно и пусто на горизонтѣ въ этотъ роковой вечеръ. Море становится совсѣмъ темнымъ и небо дѣлается страшнымъ. Уже за нѣсколько дней до этого начались колебанія и сотрясенія земли. Уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ образовались провалы, откуда вырывались горячіе пары. Идетъ молва, что въ горахъ открылись кратеры, которые вмѣстѣ съ пламенемъ и дымомъ выбрасываютъ массы камней и пепла. Вотъ повсюду начался цѣлый дождь горячей красной пыли. Наступила страшная

черная ночь. И только зажженные факелы освѣщаютъ глубокой мракъ ночи. Охваченная ужасомъ толпа бросается въ храмы, но храмы рушатся, а море начинаетъ свое наступленіе, заливая берега съ ужаснымъ шумомъ, покрывающемъ собою все другіе звуки. И только проявленіемъ гнѣва Божьяго можно было бы назвать весь этотъ ужасъ. Но вотъ все сразу успокаивается, и нѣтъ болѣе ни горъ, ни самого берега. И лишь безстрастное море заснуло подъ тропическимъ небомъ съ безчисленными звѣздами и въ шумѣ пассатнаго вѣтра слышатся мнѣ звучные строфы поэта;

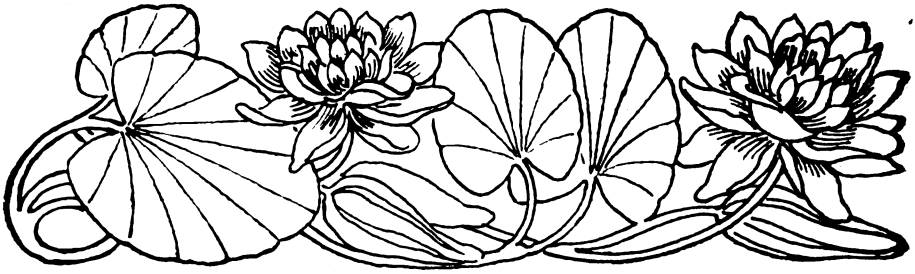
O flots, que vous savez de lugubres histoires!
 Flots profonds, redoutés des mères à genoux!
 Vous vous les racontez en montant les marées;
 Et c'est ce qui vous fait ces voix désespérées
 Qu's vous avez, le soir, quand vous venez vers nous.

Переводъ А. Львова.

Когда на небѣ раздается новое слово, ницъ падаютъ Игиги, когда оно слышится на землѣ, цѣлуютъ прахъ Ануннаки. Когда твое слово проносится, какъ вихрь, обильны становятся пища и питье, а когда оно ниспадаетъ на землю—является зеленью. Твое слово вызываетъ къ бытію правду и справедливость, и люди начинаютъ говорить истину. Твое слово далекое небо, сокрытый адъ, недоступный прикосновенію взора. Кто можетъ понять твое слово и сравниться съ нимъ? Владыка! Въ господствѣ на небѣ и на землѣ у тебя нѣтъ соперниковъ среди боговъ, твоихъ братьевъ.

Изреч. изъ древне-вавилонскихъ Св. Писаній.

Обозрѣніе теософической литературы.

Австралийскій теософическій органъ: „*Theosophy in Australasia*“ даетъ выдержки изъ послѣдней книги извѣстнаго ученаго, сэра Оливера Лоджа: „Что будетъ послѣ войны?“ „Мы живемъ въ великія, бодрящія времена, пишетъ онъ, когда многія перемѣны могутъ наступить въ мірѣ, во времена, которыя окажутся, можетъ быть, поворотнымъ пунктомъ въ міровой исторіи. Если это такъ, то дѣла, которою покупается такой поворотъ, имѣетъ свое оправданіе. Трудъ и жертва, страданіе и горе являются всегда неизбѣжной и необходимой подготовкой къ періоду особо напряженнаго роста и нисхожденія духовной благодати. Христіанское откровеніе не совершилось безъ Голговы и Сошествію Св. Духа предшествовалъ Геѡсиманскій садъ.

„Провидцы и чуткіе люди знали интуитивно, что готовятся великія событія, они чувствовали приближеніе нынѣшняго времени и возвѣщали наступленіе новой эры. Современная борьба не только матеріальна; вся психическая атмосфера наполнена вихрями и силы добра воюютъ съ силами зла. Нельзя предпологать, что здѣсь замѣшаны только человѣческія силы; такая точка зрѣнія была бы слишкомъ ограниченной. Человѣчество сотрудничаетъ съ болѣе высокими вліяніями и съ точки зрѣнія эволюціи и прогресса его на нашей планетѣ наступила минута серьезнаго риска остановки и регресса“... Авторъ считаетъ, что человѣкъ начинаетъ, хотя еще оцупью и неясно, сознавать свое настоящее положеніе сотрудника съ Божествомъ.

„Дѣла нашей планеты все болѣе и болѣе вручаются сознательному человѣчеству. Все больше мы становимся руководящимъ принципомъ нашей подлунной сферы. Мы можемъ напря-

гать все свои усилія, дѣлать все, что можемъ и затѣмъ, если мы сознаемъ недостаточность собственныхъ силъ, мы можемъ просить помощи. Она никогда не навязывается намъ. Надо, чтобы навстрѣчу ей шла наша добрая воля. Если мы согласны привести ее въ гармонію съ Божественной волей — не только въ смыслѣ пассивности, но и въ смыслѣ работы и настоящихъ усилій, если мы готовы отдаться тому служенію, которое никогда не порабощаетъ насъ, а предоставляетъ намъ полную свободу, — тогда помощь прійдетъ и мы не можемъ не восторжествовать.

Свобода есть лозунгъ человѣчества; она была дарована намъ Божественной хартіей, которая не можетъ быть у насъ отнята. Мы обладаемъ ею, со всеми связанными съ нею карами и тяжкими послѣдствіями; и если мы, несчастныя насѣкомыя, въ своемъ безуміи рѣшаемъ убивать и истязать другъ друга, мы вольны это дѣлать. Ни Богъ, ни Ангелы Его не остановятъ насъ, хотя бы мы бичевали и пытали крестною смертію воплощеннаго Сына.

Иногда люди съ отчаяніемъ спрашиваютъ, почему допускается зло, творимое человѣкомъ; почему Божественное вмѣшательство не останавливаетъ ихъ. Они просто не понимаютъ условій нашего существованія. Свободная воля дана была человѣчеству въ полное пользованіе; а Божественный договоръ не можетъ быть уничтоженъ. Намъ даровано преимущество быть не рабами, а сынами. Воля Божія будетъ твориться на землѣ, когда она станетъ волей человѣческой. И нынѣшнія страданія приближаютъ насъ всехъ къ тому времени, когда очи людскія раскроются и увидятъ духовную истину, когда все будутъ служить Ему отъ перваго до послѣдняго и когда земля полна будетъ познанія Божества".

Въ „Theosophist“ мы читаемъ интересную статью г. Хаимса, озаглавленную: „Бернардъ Шоу и Теософія“. „Часто возникаетъ вопросъ, пишетъ авторъ, почему великій ученый или философъ или святой иногда не можетъ принять нѣкоторыхъ истинъ, какъ напр. перевоплощеніе, безсмертіе души, существованіе сверхъ-физическихъ міровъ, которыя являются приемлемыми для рядового теософа, несомнѣнно менѣе развитаго, чѣмъ эти великіе умы“?

Это можно объяснить тѣмъ, что путей эволюціи много и что великіе научные интеллекты избрали опредѣленные пути, оставляя другіе для тѣхъ, кто втеченіе многихъ жизней искали опредѣленныхъ знаній; знанія же эти заключались въ нѣкото-

рыхъ истинахъ о планѣ эволюціи и въ умѣннѣи примѣнять свои силы къ служенію.

Если теософомъ является тотъ, кто понимаетъ планъ эволюціи и всѣми своими силами способствуетъ осуществленію его, то Бернардъ Шоу несомнѣнно великій теософъ. Онъ считаетъ, что великій художникъ есть „апостоль, исполняющій то, что раньше называлось волей Божьей, а теперь характеризуется различными прозаическими именами, изъ которыхъ „общественная работа“ вызываетъ наименьшее количество споровъ.

Цѣль бытія понимается Бернардомъ Шоу какъ достиженіе сознанія и съ этимъ опредѣленіемъ согласится всякій теософъ, только для него оно включаетъ сознаніе на физическомъ, астральномъ и ментальномъ планѣ. Какъ и Шоу, онъ думаетъ, что эволюція дѣлаетъ болѣе или менѣе успѣшныя усилія формовать изъ сырой Жизненной Силы все высшіе и высшіе индивидуумы, причемъ, идеальнымъ индивидуумомъ является существо всезнающее, безграничное и совершенно самосознательное“. Только теософъ считаетъ, что это существо не производится лишь на физическомъ планѣ. Онъ вѣритъ въ состоянія сознанія, высшія, чѣмъ физическія, въ которыхъ и живутъ сверхчеловѣки.

Другая разница между ученіемъ Бернарда Шоу и теософіей заключается въ томъ значеніи, которое послѣдняя придаетъ мысли. Шоу считаетъ мысль безполезной, если она не даетъ физическихъ результатовъ въ поступкахъ мыслящаго; но теософъ, знающій, что мысли суть реальныя вещи, вліяющія на ближнихъ въ хорошую или дурную сторону, независимо отъ того, выражаются-ли онѣ въ видимыхъ физическихъ дѣяніяхъ, является, пожалуй, лучшимъ судьей въ нѣкоторыхъ вопросахъ и лучше знаетъ, какъ пользоваться силой мысли. Онъ, напримѣръ, будетъ останавливаться на хорошихъ сторонахъ характера, чтобы укрѣпить ихъ, тогда какъ Бернардъ Шоу сосредоточилъ бы всю энергію на уничтоженіи дурныхъ его чертъ.

Но эти разногласія между философией Шоу и теософіей не мѣшаютъ имъ придти къ одинаковымъ выводамъ относительно философскихъ основъ и творчества жизни.

Жизненная сила въ своемъ стремленіи создать высшіе и высшіе типы все болѣе и болѣе въѣдряется въ матерію, пока она не достигаетъ поворотнаго пункта, когда начинается путь возврата. И моментъ этотъ наступаетъ, когда человѣкъ создалъ личность, годную для содѣйствія эволюціи. „Истинная радость

жизни состоитъ въ томъ, чтобы быть использованнымъ для цѣли, признанной самимъ человѣкомъ великой, чтобы стать силой природы, вмѣсто лихорадочнаго, эгоистичнаго, мелкаго агломерата болѣзней и неудовольствій, вѣчно жалующагося на то, что мѣръ не жертвуетъ собой для его счастья“, „говорить Шоу въ „Человѣкъ и сверхчеловѣкъ“. И далѣе: „Пока я думаю и вижу, что есть что-то лучше меня, я не могу быть покойнымъ, если я не силюсь выявить это или проложить путь для этого лучшаго. Таковъ законъ моей жизни. Это дѣйствіе во мнѣ неослабнаго стремленія къ высшей организаціи, къ болѣе широкому, глубокому, интенсивному самосознанію и болѣе ясному самопониманію“.

В. Пушкина.

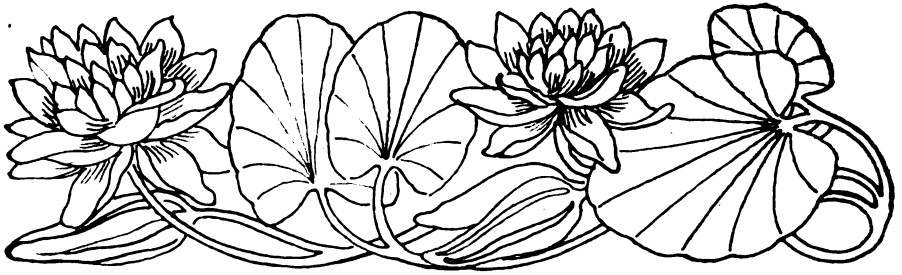

Настроеніе людей мѣняется непрерывно: они голодны—подобны трупу; они сыты—чувствуютъ себя богами; имъ хорошо—они говорятъ о восхожденіи на небо; они подавлены—говорятъ о сошествіи въ преисподнюю.

Не клевети, но говори дружественное. Не говори злого, но возвѣщай благорасположеніе.

Не расширай усть, храни уста, не говори тотчасъ, если раздражень, —придется немедленно раскаяться за необдуманную рѣчь; лучше успокойся кротостью.

Изреч. изъ древне-вавилонскихъ Св. Писаній.

Хроника теософическаго движенія.

Индія.

17-го февраля, въ годовищину смерти Генри Олькотта, въ Адіарѣ собрались всѣ теософы, а также знакомые его и слуги. Президентъ Международнаго О-ва, А. Безантъ, сказала рѣчь, посвященную памяти Е. П. Блаватской и Г. Олькотта, а затѣмъ присутствующіе украсили цвѣтами статую основателей Т. О-ва и портретъ Г. С. Олькотта.

Въ Индіи образовалась новая лига: „Союзъ родителей и учителей“, имѣющая цѣлью внести теософическіе идеалы въ дѣло воспитанія молодежи. Инициаторомъ этой лиги С. Джинарадждадаса.

Одновременно возникло движеніе для организаціи правильнаго медицинскаго осмотра дѣтей въ индусскихъ школахъ. Это движеніе возникло также подъ вліяніемъ теософовъ.

Чарльзъ Гервей, членъ Т. О-ва, извѣстный писатель, специально изучающій вопросы искусства и кустарнаго дѣла, заинтересовалъ индусскую прессу своими статьями и, въ настоящее время, поднимается вопросъ въ Индіи объ устройствѣ центральной выставки кустарныхъ издѣлій и искусствъ въ Дели.

Г-нъ Джинарадждадаса объѣхалъ недавно Бирму и ѣдетъ теперь въ Бенгалію. Г-нъ Вадіа посѣтилъ Тричинополи и Кумбаконанъ. Что касается Президента А. Безантъ, то она въ этомъ году сдѣлала нѣсколько турне по Индіи. Въ настоящее время она пробѣжала въ Аллагабадъ.

Въ Адіарѣ работа идетъ своимъ порядкомъ. Г-нъ Джина-

раджадаса ведетъ рядъ классовъ, во время которыхъ онъ все-сторонне освѣщаетъ многіе глубокіе теософическіе вопросы. Кромѣ того онъ даетъ указанія, какъ нужно составлять и готовить лекціи. По вторникамъ г-нъ Ванъ Маненъ бесѣдуетъ о Таоизмѣ, а г-нъ Кромби ведетъ бесѣды о проблемахъ индусской жизни.

Г-нъ Вадіа, завѣдующій Теософическимъ издательствомъ въ Индіи („Васанта-пресса“ въ Адіарѣ), рѣшилъ ежемѣсячно посылать во все національныя теософическія о-ва краткій отчетъ о работѣ въ Индіи. Въ первомъ своемъ очеркѣ, отъ 14 января онъ рассказываетъ о теософическомъ съѣздѣ въ Индіи, во время котораго г-нъ С. Джинараджадаса былъ правой рукой Президента. Онъ рассказываетъ также объ общественной дѣятельности А. Безантъ въ Индіи, объ ея участіи въ національныхъ индусскихъ конгрессахъ и, въ особенности, останавливается на рожденіи перваго Индусскаго университета. Какъ извѣстно, въ Индіи уже существуютъ университеты, но они носятъ чисто европейскій характеръ и окрашены позитивизмомъ.

Г-жа А. Безантъ уже нѣсколько лѣтъ хлопочетъ объ основаніи чисто индусскаго университета въ Бенаресѣ, гдѣ столько лѣтъ работаетъ центральный индусскій Колледжъ, созданный ея любовью и вдохновеніемъ. Въ прошломъ году правительство, наконецъ, признало возможнымъ осуществленіе этой мечты и закладка зданія университетскаго назначена на 4 февраля. Такимъ образомъ, долготѣнная работа А. Безантъ въ Hindu College увѣнчана въ настоящее время открытіемъ первой высшей школы индусскаго характера.

Англія.

Теософическое общество въ Англіи выписало изъ Индіи лектора, индусскаго теософа, который познакомитъ англійское о-во съ вопросами, надъ разрѣшеніемъ которыхъ работаетъ Индія въ настоящее время.

Национальный Совѣтъ Т. О-ва собирается 1-го апрѣля для избранія представителя, товарища его и казначея.

Въ связи съ этимъ собраніемъ съѣзжаются въ Лондонъ много членовъ изъ другихъ городовъ.

Недавно открытая теософическая читальня и бесплатная библіотека уже работаютъ. Въ опредѣленный день, разъ въ недѣлю, бываютъ теософическія бесѣды. Первая лекція, тамъ прочитанна г-мъ Е. Гарднеръ, на тему: „Человѣкъ и его тѣла“.

Въ скоромъ времени тамъ же читаетъ г-жа Е. Гринъ „О Теософіи и грядущей цивилизаціи“.

Въ виду нападокъ, которыя были сдѣланы недавно на генеральнаго секретаря Т. О-ва въ Англии, съ жалобой на то, что будто имъ искажаются первоначальные идеалы Т. О-ва, Совѣтъ англійскаго Т. О-ва напечаталъ въ Vahan'ѣ подробно мотивированное свое мнѣніе по этому вопросу. Совѣтъ утверждаетъ, что эти жалобы не имѣютъ никакого основанія и что цѣли О-ва остаются неприкосновенными (образование ядра вселенскаго братства, сравнительное изученіе религій и философіи и изученіе скрытыхъ силъ въ природѣ и человѣкѣ). Совѣтъ утверждаетъ, что О-во попрежнему чуждо всякому духу сектанства и что оно не требуетъ отъ своихъ членовъ никакого принятія какихъ-нибудь credo, догмы или соціальной, или политической теоріи, а также оно не можетъ быть отвѣтственнымъ за отдѣльныя мнѣнія или дѣятельности членовъ своихъ, что оно можетъ только надѣяться на то, что они во всѣхъ случаяхъ проявляютъ ту широкую терпимость къ другимъ, которую они ожидаютъ для себя. Совѣтъ утверждаетъ, что онъ будетъ предоставлять центрамъ О-ва и членамъ возможность всесторонне освѣщать всѣ вопросы, которые, по его мнѣнію, находятся въ связи съ цѣлями О-ва. Кромѣ того, Совѣтъ также утверждаетъ, что согласно полномочіямъ, даннымъ ему уставомъ О-ва, онъ будетъ разрѣшать пользоваться средствами и помѣщеніемъ О-ва только для изученія и осуществленія провозглашаемыхъ цѣлей О-ва.

Въ связи съ вопросами, поднятыми въ этомъ официальномъ заявленіи Совѣта, въ Vahan'ѣ появилась замѣтка г-жи Э. Северсъ и отвѣтъ Е. Уайтъ. Г-жа Северсъ высказывалась за то, чтобы Т. О-во оставалось на почвѣ строго научной и философской. Г-жа Е. Уайтъ отвѣчаетъ, что въ Т. О-вѣ могутъ и должны быть представлены разные аспекты духовныхъ исканій и что если членъ имѣетъ право заниматься только научной и философской стороною, то онъ имѣетъ такое же право заниматься и стороною мистической и религіозной. Для нѣкоторыхъ членовъ Т. О-во есть только интересная, научно-философская организація. Но для многихъ, которые вѣрятъ въ существованіе Учителей мудрости и состраданія, нашихъ Старшихъ Братьевъ, Т. О-во является духовнымъ движеніемъ, черезъ которое проходитъ свѣтъ Ихъ мудрости и задача котораго подготовить человечество къ новой ступени сознанія.

Россія.

9-го марта предсѣдательница Московскаго Отдѣла С. В. Герье прочитала въ Т. О-вѣ докладъ: „Этика—какъ Путь отъ нереальнаго къ Реальному“.

18-го марта въ помѣщеніи Женскаго О-ва А. В. Унковская прочитала докладъ: „Искусство въ свѣтѣ Теософіи“.

24-го и 25-го марта предсѣдательница Калужскаго отдѣла Е. Ф. Писарева прочитала въ Теософическомъ О-вѣ докладъ: „Краткій очеркъ міровой эволюціи“.

31-го марта въ помѣщеніи Царскосельской ратуши А. Каменская повторила лекцію объ Египтѣ въ пользу мѣстнаго попечительства.

27-го марта члены Художественно-Музыкальнаго кружка дали концертъ съ свѣтовыми картинами въ помѣщеніи лазарета при Каменноостровскомъ дворцѣ.

1-го апрѣля въ Женскомъ О-вѣ Н. И. Эрасси сдѣлалъ докладъ: „Строеніе Космоса“.

4-го апрѣля А. Каменская и Е. Писарева выѣхали въ Калугу.

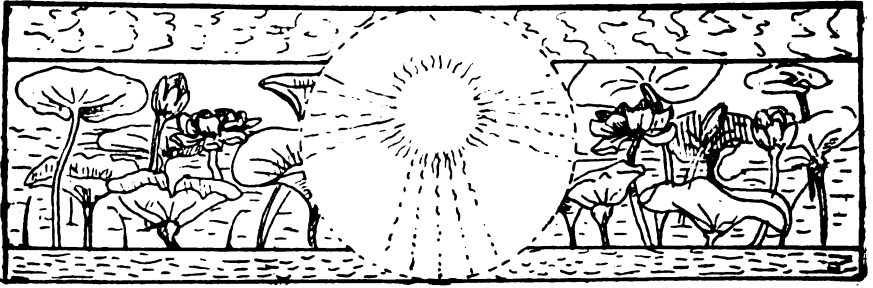
12-го апрѣля А. Каменская прочитала въ Калужскомъ отдѣлѣ докладъ: „Творчество Теософіи“.

14-го апрѣля А. Каменская прочитала въ Московскомъ Отдѣлѣ докладъ: „Пути познанія“.

25-го апрѣля праздникъ „Бѣлаго Лотоса“ завершилъ сезонную работу во всѣхъ центрахъ О-ва.

Аѳа.

Отзвук.

Знаменіемъ времени является теперь борьба съ самодержаніемъ разума, такъ называемаго „малаго разума“.

Механистическія теоріи, по которымъ разумокъ являлся единственнымъ органомъ познанія, совершенно утѣрили свою цѣнность.

Интересна въ этомъ смыслѣ статья въ формѣ ряда отдѣльныхъ философскихъ эскизовъ извѣстнаго философа Льва Шестова „Апофеозъ безпочвенности“ (Русская Мысль, январь тек. г.).

Издавна были попытки проникнуть въ послѣднюю тайну жизни, но рѣшеніе этой задачи возможно при наличіи въ жизни какого-нибудь незыблемаго порядка. У Геродота мы находимъ мысль, что и боги не могутъ избѣжать предопредѣленія судьбы.

Въ эллинской философіи „судьба“ Геродота можетъ быть и неразумная, у Сократа становится разумомъ, „добромъ“. И въ то время, какъ раньше человѣкъ былъ безсиленъ предъ своей судьбою, Сократъ, утверждая, что боги не вольны любить что имъ вздумается, отрицаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ произволъ, и его законъ добра избирается добровольно.

Жизнь человѣка не ломается судьбою, а онъ самъ, своимъ разумомъ окрыляетъ жизнь. Разумъ есть единственный источникъ его силъ. „Разумъ— источникъ добра, а только добромъ живы и смертные люди и бессмертные боги“. Платонъ, ученикъ Сократа, призналъ этотъ законъ добра верховной идеей, тѣмъ духовнымъ хлѣбомъ, который даетъ истинную жизнь.

Замѣчательнъ діалогъ Сократа съ Калликломъ въ Георгіи.

Что „лучше“: быть несправедливымъ или претерпѣть несправедливость? Сократъ, конечно, самъ предпочиталъ пострадать, чѣмъ нанести кому нибудь боль. И здѣсь низшій разумъ ставитъ вопросъ, можно-ли ради призрачнаго „добра“ уступать насилію. И онъ требуетъ себѣ свободы отъ всякихъ установленныхъ законовъ.

Но въ Сократовскомъ отвѣтъ „свобода“ не совмѣстима съ покорностью. Онъ также не хочетъ зависѣть отъ давленія другихъ людей, онъ самъ хочетъ законодательствовать во всѣхъ областяхъ. Въ сказкахъ говорится о живой водѣ, имѣющей способность оживлять и соединять разрубленные куски тѣла и дѣло жизни Сократа состояло въ томъ, чтобы отыскать этотъ живой родникъ для человѣчества и вселенной.

Л. Шестовъ говоритъ: „Сократъ, если можно такъ выразиться, пьетъ свое добро, какъ обыкновенные люди пьютъ ключевую воду. Онъ его оцупываетъ духовными руками, онъ его видитъ духовными глазами“. Сократъ и Платонъ указываютъ, что единственный путь къ добру это очищеніе. „Чтобы попасть въ созданный Сократомъ міръ, нужно отречься отъ міра, созданнаго Богомъ. Нужно почувствовать въ себѣ силу обходиться безъ всего, ни въ чемъ не нуждаться“. И когда человѣкъ сдѣлается способнымъ войти въ этотъ міръ, несмѣтныя богатства раскрываются передъ нимъ. И тамъ совершаются чудесныя превращенія: слабый становится сильнымъ, бездарный—одареннымъ и т. д. И сама судьба, которой подчинены боги, склоняется передъ добромъ.

Идея Сократова царства, воспринятая какъ идея господства разума, жива до сихъ поръ и люди не могутъ отъ нея отречься.

„Власть ключей“ отъ Царства Небеснаго каждый хочетъ себѣ пріобрѣсти и каждый хочетъ думать, что его ключи —ключи неподдѣльные. Это самоутвержденіе разума есть равно и у людей положительной науки и у философовъ.

Далѣе авторъ ярко доказываетъ всю ограниченность малаго разума и невозможность черезъ него обрѣсти эти ключи. И рано или поздно человѣчеству придется „полетѣть на огонь, въ которомъ его вѣчныя истины мгновенно сгорятъ какъ и крылья бабочки.

Прекрасно написана въ томъ же номерѣ Р. М. коротенькая статья П. Струве: „Блюденіе себя“.

Исходя изъ того, что въ исторіи „рѣшаютъ не матеріаль-

ныя, а духовныя силы, ибо, доколѣ живъ чловѣкъ, всякое снаряженіе и вооруженіе есть лишь твореніе и орудіе, а творцомъ и дѣятелемъ остается все-таки чловѣкъ“, авторъ призываетъ къ любви къ живому образу Россіи.

Всякая подлинная любовь есть величайшая нравственная задача. И „если мы подлинной любовью любимъ нашъ народъ и наше государство, то въ ихъ жизнь мы должны стремиться внести высочайшую степень нравственной силы“. „Не въ благихъ порывахъ и не въ высокихъ словахъ тутъ дѣло. Нужно созидать силу, а это возможно только въ творческой работѣ, въ непрерывномъ дѣланіи. „Это и есть „блюденіе себя“, суровое ко злу, любовное къ людямъ во имя великихъ задачъ“.

Въ журналѣ „Голосъ Минувшаго“ за февраль помѣщена статья: С. В. Ковалевская и ея время. Е. Д. Кусковой.

Шелгуновъ называлъ шестидесятниковъ „идеалистами земли“.

Освобожденіе крестьянъ перевернуло весь складъ жизни и центральнымъ мѣстомъ становится освобожденіе личности отъ различныхъ дореформенныхъ авторитетовъ.

Въ 60 годахъ „нравственные принципы, ихъ пересмотръ и утвержденіе въ жизни играли такую огромную роль, что не могло не выдвинуться на самый видный постъ и женское движеніе“.

И журналы, какъ „Современникъ“, начали говорить о равенствѣ научныхъ занятій наравнѣ съ мужчинами и что женщина можетъ понимать науку.

Дѣвушки, совершая подвиги самоотреченія, массами покидали родныя гнѣзда и уѣзжали или за-границу или въ большіе города, ища возможности учиться.

Тепершнему женскому поколѣнію, свободно уѣзжающему изъ дома, трудно понять, какія испытанія были тогда, и эти шаги, для того времени, въ которое жила Ковалевская, было подлиннымъ геройствомъ.

Характерно, что въ 60—70 годы, люди, связанные общностью идей, часто считали себя братьями по духу и называли другъ друга братьями и сестрами. Это постоянно встрѣчается въ письмахъ Ковалевской.

Нравственные принципы и отсюда внутренняя сила личности были исходной точкой всѣхъ дѣйствій.

И заслуга Ковалевской въ томъ, что мечты о творческой роли женщины въ общей культурѣ нашли свое живое воплощеніе въ ея личнѣ.

Въ журналѣ „Лѣтопись“ за февраль помѣщена статья А. Авраамова—„Народъ и музыка“, гдѣ онъ доказываетъ, что какъ только въ народъ проникнуть печатныя ноты, такъ смерть русской народной пѣсни предѣлена.

Появленіе „частушекъ“, гдѣ ритмъ—эта подлинная душа пѣсни—уже побѣжденъ, знаменуетъ собою предсмертную борьбу.

„Орфическое начало“ присуще музыкѣ русскаго народа.

Это тотъ культъ, созданный Орфеемъ, который звуками своей семиструнной лиры укрощалъ дикихъ звѣрей и воздвигалъ величественные храмы, гдѣ жрецы боговъ отдавались мистическому поклоненію „небесному Вакху-Діонису“, символу Божественнаго Духа.

И поэтому должна быть всеми силами отстаиваема неприкосновенность формъ народнаго творчества для огражденія жизненности и непосредственности.

Н. Плаксина.

Можетъ быть онъ не освободилъ плѣнника, не разрѣшилъ связаннаго, не далъ узнику увидать свѣта? Не былъ ли онъ непочтителенъ противъ отца и матери, противъ старшей сестры?..

Не былъ ли онъ честенъ сердцемъ, а языкомъ лживъ; не говорилъ ли устами: да, а сердцемъ—нѣтъ. Можетъ быть онъ говорилъ устами и сердцемъ, но не исполнялъ? Да будетъ для него разрѣшеніе, о Шамашъ, судья. Разрѣши его, Шамашъ, владыка горнихъ и дольнихъ, вождь боговъ, царь странъ.

Изреч. изъ древне-вавилонскихъ св. Писаній.

Ключъ къ Теософіи.

Е. П. Блаватской.

Вопр. На какіе авторитеты опираетесь вы, говоря все это о древнихъ теософахъ Александрій?

Отв. На огромное число хорошо извѣстныхъ писателей. Мошеймъ, одинъ изъ нихъ, говорить, что Аммоній учить такъ:

«Религія народныхъ массъ шла рука объ руку съ философій и вмѣстѣ съ ней раздѣляла судьбу постепеннаго искаженія и затемненія, благодаря человѣческимъ ошибкамъ, суевѣріямъ и ложнымъ понятіямъ, поэтому является необходимость прослѣдить религіи въ обратномъ порядкѣ, до первоначальной чистоты, очищая ихъ отъ всѣхъ различныхъ примѣсей и давая имъ объясненія на философскихъ основаніяхъ. И Христосъ имѣлъ въ виду возстановить во всей ея неприкосновенной чистотѣ мудрость древнихъ, поставить въ границы господствующее повсюду суевѣріе и частью исправить, а частью уничтожить различныя заблужденія, прокравшіяся въ различныя существующія религіи».

Это опять таки въ точности то самое, что дѣлаютъ современные теософы. Разница въ томъ, что великій Филалефеинъ получалъ помощь и поддержку отъ двухъ Отцовъ Церкви и отъ Афинагора (Athenagoras), платоническій философъ изъ Аѳинъ, написавшій апологію христіанства въ 177, обращенную къ Марку Аврелію, въ которой онъ доказывалъ, что возводимыя на христіанъ обвиненія (между прочимъ, что они убивали и ѣли дѣтей) не вѣрны,—получалъ помощь отъ ученыхъ раввиновъ синагоги, отъ философовъ академіи и въ то время, какъ онъ былъ признаннымъ учителемъ, мы, слѣдующіе за нимъ по тѣмъ же направленіямъ

не только не получаемъ признанія, а наоборотъ—терпимъ злословіе и преслѣдованіе. Такимъ образомъ люди, жившіе 1500 лѣтъ тому назадъ, оказываются болѣе терпимыми, чѣмъ люди нашего просвѣщеннаго столѣтія.

Во пр. Не былъ ли Аммоній поддерживаемъ церковью благодаря тому, что, несмотря на свою ересь, онъ проповѣдывалъ христіанство и былъ христіаниномъ?

Отв. Нѣтъ. Онъ родился въ христіанской семьѣ, но не признавалъ историческаго христіанства. Докторъ Вильдеръ говоритъ о немъ слѣдующее:

«Онъ предлагалъ свои ученія сообразно съ древними столпами Гермеса, съ которыми Платонъ и Пифагоръ были знакомы еще ранѣе и на которыхъ они основывали свою философію. Находя то же самое въ прологѣ евангелія св. Іоанна, онъ съ большими вѣроятіями предполагалъ, что въ намѣреніе Іисуса входило возстановить великую доктрину древней мудрости во всей ея первоначальной чистотѣ. Библейскіе рассказы и исторіи боговъ онъ разсматривалъ какъ аллегоріи, иллюстрирующія истину, или какъ басни, которыя онъ отвергалъ».

Рядомъ съ этимъ въ Эдинбургской Энциклопедіи говорится слѣдующее:

«Онъ (Аммоній) признавалъ Іисуса Христа за совершеннаго человѣка и Божьяго Друга, но онъ доказывалъ, что, въ Его намѣреніе не входило уничтоженіе прежнихъ вѣрованій, что единственнымъ его намѣреніемъ было очистить древнюю религію».

Во пр. Такъ какъ Аммоній не оставилъ послѣ себя записанныхъ ученій, на чемъ основывается увѣренность, что таковы были его ученія?

Отв. Точно такъ же и Будда, Пифагоръ, Конфуцій, Орфей, Сократъ и даже Іисусъ не оставили послѣ себя никакихъ записей, а между тѣмъ большинство изъ нихъ историческія личности и ихъ ученія продолжаютъ жить. Ученики Аммонія, среди которыхъ былъ Оригенъ и Ириней, писали трактаты и объясняли его этику. И писанія эти обладаютъ не меньшей исторической достовѣрностью, чѣмъ посланія апостоловъ. Кромѣ того ученики его—Оригенъ, Плотинъ и Лонгинъ, совѣтникъ знаменитой царицы Зиновіи, оставили записи относительно филалефеинской системы по крайней мѣрѣ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они публично обнародовали свои вѣрованія, ибо школа древнихъ теософовъ была раздѣлена на экзотерическія и эзотерическія ученія.

Во пр. Какимъ же образомъ послѣднія достигли до нашихъ дней, разъ вы утверждаете, что Мудрость-религія была эзотерична?

Отв. Мудрость-религія была всегда одна и та же и будучи вѣнцомъ возможнаго человѣческаго знанія, была тщательно сохраняема. Она предшествовала на много вѣковъ александрійскимъ теософамъ, достигла современныхъ теософовъ и переживетъ всѣ религіи и всѣ философіи.

Вопр. Гдѣ и кѣмъ сохранялась она?

Отв. Она сохранялась посвященными всѣхъ странъ и ихъ учениками, которые всѣ были глубокими искателями истины. Она сохранялась въ тѣхъ частяхъ міра, гдѣ подобные вопросы наиболѣе цѣнились, въ Индіи, Центральной Азіи и Персіи.

Вопр. Можете вы дать доказательства ея эзотеризма?

Отв. Лучшимъ доказательствомъ этого факта служитъ то, что всѣ древніе религіозные философскіе культы состояли изъ эзотерическаго тайнаго ученія и экзотерическаго или внѣшняго народнаго богослуженія. Далѣе всѣмъ извѣстно, что мистеріи древнихъ распались на Великія (тайныя) и Малыя (публичныя) мистеріи, какъ напримѣръ въ торжественныхъ празднованіяхъ Греціи, называемыхъ Елевзинскими. Начиная съ Самофракскаго Іерофаната, Египта, и посвященныхъ брамановъ древней Индіи, и кончая позднѣйшими еврейскими раввинами, всѣ, желая избѣгнуть профанаци, держали свои истинныя вѣрованія въ тайнѣ. Еврейскіе раввины называли свои доступныя всѣмъ религіозныя ученія Меркавахъ (Merkavah) или внѣшнее тѣло, проводникъ или покровъ, который заключалъ въ себѣ скрытую душу—ихъ высшее тайное знаніе. Священнослужители древнихъ народовъ никогда не сообщали своихъ истинныхъ философскихъ вѣрованій народнымъ массамъ. Они удѣляли имъ только внѣшнюю шелуху. Сѣверный буддизмъ имѣетъ свою Великую и Малую Колесницу, Māhāyāna—эзотерическая, Hīnāyāna—экзотерическая школы. И нельзя осуждать ихъ за такое скрываніе, ибо вы навѣрно не стали бы кормить свое стадо овецъ учеными диссертаціями по ботаникѣ вмѣсто луговой травы. Пифагоръ называлъ свой «Гнозисъ» «знаніемъ вещей каковы онѣ въ своей сути» и сохранилъ это знаніе только для своихъ учениковъ, дѣвшихъ обѣтъ, для тѣхъ, которые могли переварить подобную духовную пищу и чувствовать себя удовлетворенными. Съ этихъ учениковъ онъ бралъ обѣтъ молчанія и тайны. Оккультныя письмена и тайные знаки происходятъ отъ древнихъ египетскихъ священныхъ начертаній, ключъ къ которымъ въ прежніе дни сохранялся у Іерограмматиковъ или посвященныхъ египетскихъ жрецовъ. Аммоній Саккосъ, какъ намъ говорятъ его біографы, связывалъ своихъ учениковъ обѣщаніемъ не выдавать его высшихъ ученій никому, кромѣ подготовленныхъ учениковъ, также связанныхъ обѣтомъ молчанія, и тоже мы находимъ въ первые вѣка христіанства среди гностиковъ, а также и въ ученіяхъ Христа. Не говорилъ ли Онъ къ

народу въ притчахъ, имѣющихъ двойное значеніе и не давалъ ли Онъ ихъ объясненіе однимъ ученикамъ Своимъ? «Вамъ дано знать тайны царствія Божія, сказалъ Онъ, а тѣмъ внѣшнимъ все бываетъ въ притчахъ» (Маркъ, VI, II). А авторъ «Неоплатонизма» говоритъ намъ, что:

Ессеи, жившіе въ Іудеѣ и Кармелѣ, дѣлали такія же различія, раздѣляя своихъ приверженцевъ на неофитовъ, братьевъ и совершенныхъ (т. е. посвященныхъ). Подобные примѣры можно найти въ каждой странѣ.

Гимнъ Шемашу.

Могучія горы полны сіяніемъ твоимъ, твой свѣтъ наполняетъ всѣ страны. Ты достигаешь горы, созерцаешь землю, витаешь на краяхъ земли, среди неба. Ты охраняешь жителей всей вселенной; все, что создалъ Эа, царь, князь, пасешь всю тварь: ты пастырь всѣхъ горныхъ и дольныхъ. Ты вождь свѣта вселенной. Ты проходишь пространное далекое море, глубины котораго не вѣдаютъ Игиги, и твой свѣтъ проходитъ въ глубину, проникаетъ сквозь волны. Среди всѣхъ боговъ вселенной никто не превосходитъ тебя.

Изреч. изъ древне-вавилонскихъ Св. Писаній.

Отечество. Сборникъ національной литературы Россіи. Томъ I. Ю4+480 стр. Книг. бывш. В. Попова. Петр. 1916 г. Ц. 3 р. 75 к.

Первый сборникъ состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой—104 стр. статьи на общественно-политическія темы; вторая—480 стр.—очерки и образцы литературъ нѣкоторыхъ народностей Россіи: финновъ, эстовъ, латышей, Литвы, Малороссіи, еврейства, Польши и Грузи. Другія народности будутъ представлены въ слѣдующихъ сборникахъ. Цѣль и задачи подобныхъ сборниковъ прекрасно изложены въ руководящей статьѣ главнаго редактора историко-литературнаго отдѣла Б. А. Гуревича: Россія—творимая нація.

«Теперь или никогда долженъ быть созданъ идеаль русской культуры, идеаль, который долженъ стать палладиумомъ, общимъ вѣсьмъ народамъ Россіи. Солнце русской литературы съ живымъ созвѣздіемъ литературъ народовъ Россіи, должно ярче сверкнуть. Въ горниль рокового года слились въ одно цѣлое чаянія славянофильскаго мессіанизма и мечты западника. Нѣкій новый, властный и чистый мессіанизмъ овладѣваетъ сердцами: Россія, подобная Западу и равная ему, но изъ себя ростящая новые и невиданные побѣги духа, создающая мощнымъ творческимъ порывомъ свой культурный міръ, свою систему сверкающихъ вокругъ русской культуры народныхъ культуръ и соборнымъ творчествомъ созидающая всечеловѣческую стихійно-многогранную и глубокою культуру, русскую культуру въ ея соединеніи съ оживляющимъ многообразіемъ сливающихся съ ней культуръ народовъ Россіи. Черезъ Россію—къ челоѣчеству, таковъ нашъ путь и раскрыть все многообразіе культурныхъ возможностей родины мы сможемъ лишь любовно обнявъ рядъ культуръ подъ эгидой русской культуры и создавъ молодой самобытностью творимаго «средняго міра» солнечно яркое творчество, озаряющее народы Россіи, славянство и Европу». Отъ всей души привѣтствуемъ этотъ сборникъ, символъ мудраго служенія родинѣ и челоѣчеству.

М. Гарденина.

Редакторъ **Ц. А. Гельмбольдтъ.**

Издательница **А. А. Каменская.**

употребить это выраженіе,—которыя немедленно должны соединиться и развиться въ группы, извѣстныя теперь подъ названіями: литій, бериллій, боръ, углеродъ, водородъ, кислородъ, фторъ, натрій, магній, алюминій, кремній, фосфоръ, сѣра и хлоръ. Какова наиболѣе вѣроятная форма проходимаго теперь пути? Если бы онъ былъ строго ограниченъ той же самой плоскостью температуры и времени, слѣдующія элементарныя группы, которыя должны бы были появиться, были бы опять группы литія, и первоначальный циклъ вѣчно повторялся-бы, производя опять и опять тѣ же самые 14 элементовъ. Условія, однако, не совсѣмъ тѣ же самые. Пространство и электричество тѣ же, что и первый разъ, но температура измѣнилась, и такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы атомы литія дополнялась атомами во всѣхъ отношеніяхъ аналогичными съ собою, тѣ атомныя группы, которыя приходятъ въ существованіе, когда начинается второй циклъ, образуютъ не литій, а его прямой потомокъ, калий. Предположите, поэтому, что *vis generatrix* двигается туда и сюда кругами по лемнискатѣ, какъ описывалось выше, тогда какъ температура одновременно съ этимъ понижается и время идетъ,—измѣненія, которыя я пытался представить опусканіемъ внизъ, и каждое кольцо лемнискаты пересѣкаетъ ту же самую вертикальную линію все въ низшихъ и низшихъ точкахъ. Проектированная въ пространство, кривая покажетъ нейтральную центральную линію, по отношенію къ электричеству и нейтральную къ химическимъ свойствамъ, причемъ положительное электричество окажется на сѣверѣ, а отрицательное на югѣ. Имѣющая мѣсто атомность зависитъ отъ разстоянія на востокъ или на западъ отъ нейтральной центральной линіи, одноатомные элементы находятся на разстояніи одной ступени отъ нея, двухъ-атомные на разстояніи двухъ ступеней и т. д. Въ каждомъ послѣдовательномъ кругѣ дѣйствуетъ тотъ же самый законъ.

И затѣмъ, какъ будто для того, чтобы доказать постулатъ оккультной науки и индусской философіи, именно, что въ часъ Пралайи, два аспекта непознаваемаго божества „лебеда въ темнотѣ“, Пракрити и Пуруша, природа или матерія, во всѣхъ ея формахъ, и духъ, болѣе не существуютъ, но абсолютно растворяются,—мы узнаемъ заключительное научное мнѣніе знаменитаго англійскаго химика, который довершаетъ свои доказательствъ, говоря:

Мы теперь прослѣдили образованіе химическихъ элементовъ отъ узловъ и пустотъ въ первобытномъ, безформенномъ флюидѣ.

Мы показали возможность, нѣтъ, даже вѣроятность того, что атомы не вѣчны въ своемъ существованіи, но раздѣляются со всѣми другими созданными существами свойства разложенія и смерти.

Оккультизмъ говоритъ на это *аминь*, такъ какъ научная „возможность“ и „вѣроятность“ для него факты, доказанные настолько, что не нуждаются ни въ какомъ другомъ доказательствѣ и ни въ какомъ вышнемъ физическомъ свидѣтельствѣ. Тѣмъ не менѣе онъ повторяетъ съ не меньшей увѣренностью, чѣмъ прежде: „*матерія вѣчна*, и становится атомной (ея видъ) только періодически“. Это такъ же вѣрно, какъ то, что другое предположеніе, которое почти единодушно принимается астрономами и физиками—именно, что износъ тѣла вселенной упорно идетъ впередъ и, что онъ въ концѣ концовъ приведетъ къ погашенію солнечныхъ огней и къ разрушенію вселенной—что это предположеніе совершенно ошибочно, если его взять въ рамкахъ, установленныхъ людьми науки. Будутъ, такъ же какъ были, всегда во времени и вѣчности, періодическія разложенія проявленной вселенной, какъ частичная Праলাйя послѣ каждого Дня Брамъ;—и всеобщая Праলাйя—Маха-Праলাйя—только послѣ истеченія Вѣка Брамъ. Но научныя причины для такого разложенія, выставляемая точной наукой, не имѣютъ ничего общаго съ истинными причинами. Однако, какъ бы то ни было, оккультизмъ еще разъ оправдывается наукой, потому что Круксъ говоритъ:

Мы показали на аргументахъ, взятыхъ изъ химической лабораторіи, что въ матеріи, отвѣтившей на всѣ испытанія какъ элементъ, есть мельчайшія тѣни различія, которыя могутъ допустить выборъ. Мы видѣли, что почтенное отъ времени различіе между элементами и сложными веществами не можетъ болѣе идти рядомъ съ развитіемъ химическаго знанія, но должно быть измѣнено, чтобы включить въ себя широкій списокъ стоящихъ между ними тѣлъ—«мета-элементовъ». Мы показали, какъ можно отвѣтить на возраженія Кларка-Максуэлла, при всей ихъ вѣскости, и въ заключеніе мы привели основанія, позволяющія вѣрить, что первобытная матерія была образована актомъ зарождающей силы, выбрасывающей черезъ промежутки времени, атомы, одаренные различными количествами первобытныхъ формъ энергіи. Если мы можемъ рѣшиться на какія-нибудь предположенія относительно источника энергіи, вложенной въ химическій атомъ, мы можемъ, я думаю, предположить, что тепловые лучи, испускаемые наружу черезъ

эфиръ отъ вѣсомой матеріи вселенной, посредствомъ какого-то процесса природы, еще неизвѣстнаго намъ, преобразуются на границахъ вселенной въ первобытныя—свойственныя имъ—вибраціи химическихъ атомовъ, которые въ то же мгновение, какъ они образованы, начинаютъ тяготѣть во внутрь и такимъ образомъ возстановляютъ во вселенной энергію, которая иначе была-бы потеряна для нея черезъ лучеиспусканіе теплоты. Если это предположеніе будетъ хорошо обосновано, поразительное предсказаніе сэра Вильяма Томсона о конечномъ одряхлѣніи вселенной, черезъ расточеніе энергіи, падаетъ само собой. Такимъ образомъ, господа, мнѣ кажется, можетъ предварительно трактоваться вопросъ объ элементахъ. Наше недостаточное знаніе объ этихъ первичныхъ тайнахъ распространяется, безъ сомнѣнія, упорно, — но зато медленно.

По странному и курьезному совпаденію даже наша семейная доктрина, повидимому, руководитъ шагами науки. Если мы понимаемъ правильно, химія говоритъ о четырнадцати группахъ первобытныхъ атомовъ: литія, бериллія, бора, углерода, водорода, кислорода, фтора, натрія, магнія, алюминія, кремнія, фосфора, сѣры и хлора; а Круксъ, говоря о „преобладающихъ атомностяхъ“, перечисляетъ семь группъ таковыхъ, говоря:

Когда могущественный очагъ созидательной энергіи идетъ по кругу, мы видимъ какъ въ послѣдовательныхъ циклахъ онъ сѣтъ по одному пути пространства сѣмена литія, калия, рубидія, цезія;— по другому пути—хлора, брома и іода; и по третьему—натрія, мѣди, серебра и золота; по четвертому—сѣры, селенія и теллурія; по пятому—бериллія, кальція, стронція и барія; по шестому—магнія, цинка, кадмія и ртути; по седьмому—фосфора, мышьяка, сурьмы и висмута (что создаетъ семь группъ съ одной стороны. И затѣмъ показавъ) на другихъ путяхъ другіе элементы—именно: алюминій, галлій, индій, талій, кремній, германій и олово;—углеродъ, титаній и цирконій, (онъ прибавляетъ) и въ то время найдено естественное положеніе вблизи центральной оси для трехъ группъ элементовъ, изгнанныхъ профессоромъ Менделѣевымъ въ нѣчто въ родѣ госпиталя для неизлѣчимыхъ—его восьмое семейство.

Можетъ быть интересно сравнить эти семь семействъ и восьмое семейство „неизлѣчимыхъ“ съ аллегоріями относительно семи первобытныхъ сыновей „матери, безконечнаго простран-

ства“ или Адити и восьмого сына, изгнаннаго ею. Много странныхъ совпаденій можетъ быть найдено такимъ образомъ между „этими промежуточными звеньями... называемыми мета-элементами“ или элементоидами и тѣми, которыхъ оккультная наука называетъ ихъ нуменами, разумными интеллектами и правителями этихъ группъ монадъ или атомовъ. Но это заведетъ насъ слишкомъ далеко. Будемъ довольны тѣмъ, что находимъ признаніе факта, что:

это отклоненіе отъ абсолютной однородности должно отмѣчать образованіе также молекулъ или агрегатовъ матеріи, которыхъ мы называемъ элементами, и будетъ, можетъ быть, яснѣе, если мы вернемся въ воображеніи къ первой зарѣ нашей матеріальной вселенной и лицомъ къ лицу съ великой тайной постараемся рассмотреть процессы эволюціи элементовъ.

Такъ, наконецъ наука, въ лицѣ своихъ наиболѣе выдающихся представителей, съ цѣлью выразаться яснѣе для непосвященныхъ, принимаетъ фразеологию такихъ древнихъ адептовъ, какъ Роджеръ Бэконъ, и возвращается къ протилу. Все это подаетъ надежду и полно значенія какъ „знаменіе времени“.

На самомъ дѣлѣ, этихъ знаменій много и число ихъ увеличивается съ каждымъ днемъ; но нѣтъ болѣе важнаго, чѣмъ тотъ, который только что былъ приведенъ. Потому что теперь черезъ пропасть между оккультными, „суевѣрными и ненаучными“ ученіями и ученіями „точной“ науки уже построена мостъ, и по крайней мѣрѣ одинъ изъ немногихъ извѣстныхъ химиковъ вошелъ въ царство безконечныхъ возможностей оккультизма. Каждый новый шагъ, который онъ будетъ дѣлать, будетъ ближе и ближе приводить его къ таинственному центру, изъ котораго излучаются безчисленные пути, которые ведутъ духъ внизъ въ матерію и которые превращаютъ боговъ и живыя монады въ человѣка и сознательную природу.

Но мы имѣемъ сказать еще нѣчто по этому поводу въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

ОТДѢЛЪ ІХ.

Грядущая сила.

ВОЗМОЖНОСТЬ И НЕВОЗМОЖНОСТЬ ЕЯ.

Должны ли мы сказать, что сила — это „движущаяся матерія“ или „матерія въ движеніи“, и что она — проявленіе энергіи;

или, что матерія и сила суть феноменальныя дифференцированныя аспекты единой первичной, недифференцированной космической субстанции?

Этотъ вопросъ находится въ связи съ той стансой, гдѣ говорится о *Фохатъ* и его „семи братьяхъ или сынахъ“, другими словами о *причинъ* и *дѣйствіяхъ* космическаго электричества, причеиъ братья или сыны въ оккультной терминологіи обозначаютъ семь первичныхъ силъ электричества, которое доступно физикамъ въ его чисто феноменальныхъ и потому наиболѣе грубыхъ проявленіяхъ, на космическомъ и, въ особенности, на земномъ планахъ. Они обнимаютъ, среди другихъ вещей, звукъ, свѣтъ, цвѣтъ и т. п. Теперь, что же физическая наука говоритъ намъ объ этихъ „силахъ“? *Звукъ*, говоритъ она, есть ощущеніе, вызванное ударомъ атмосферныхъ частицъ на барабанную перепонку, которая, сообщая легкія колебательныя движенія слуховому аппарату, такимъ образомъ передаетъ мозгу ихъ колебанія. *Свѣтъ* есть ощущеніе, вызванное ударомъ невообразимо малыхъ колебаній эфира на глазную ретину.

Это то, что и мы говоримъ. Но это все только результаты, произведенныя въ нашей атмосферѣ и въ томъ, что съ ней непосредственно соприкасается; это все, что, на самомъ дѣлѣ, входитъ въ наше земное сознаніе. Юпитеръ *Pluvius* установилъ свой символъ подъ видомъ дождевыхъ капель, состоящихъ изъ воды, которая, какъ думаютъ, состоитъ изъ двухъ „элементовъ“, которые химія отдѣляетъ другъ отъ друга и вновь соединяетъ **вмѣстѣ**. Составныя молекулы въ ея власти, но ихъ атомы ускользаютъ отъ нея. Оккультизмъ смотритъ на все эти силы и проявленія, какъ на дѣстницу, низшія ступени которой принадлежатъ экзотерической физикѣ, а высшія восходятъ до живой, разумной, невидимой Сущности, которая, по общему правилу, есть незаинтересованная, въ нѣкоторомъ же случаѣ также и сознательная причина феноменовъ, порожденныхъ чувствами и относимыхъ къ тому или иному естественному закону.

Мы говоримъ и утверждаемъ, что *звукъ* есть, прежде всего, страшная оккультная сила; что это поразительная сила, которую не могло бы уравновѣснить все электричество, полученное изъ миллиона *Ниагаръ*, даже въ самадлѣйшей ея потенціальности, если ею руководить оккультное знаніе. Можно произвести звукъ такого рода, что пирамида Хеопса очутилась бы въ воздухѣ, или что человекъ при смерти, или даже при послѣднемъ издыханіи, вновь бы ожилъ, обрѣлъ бы новую энергію и силу.

Дѣйствительно, звукъ порождаетъ, или, вѣрнѣе, сочетаетъ воедино элементы, образующіе такой *озонъ*, приготовленіе котораго выходитъ за предѣлы химіи, но доступно алхиміи. Онъ можетъ даже *воскресить* человѣка или животное, астральное „витальное тѣло“ которыхъ еще не окончательно отдѣлилось отъ физическаго тѣла, вслѣдствіе разрыва магнетической или одической нити. *Какъ человекъ, трижды спасенный отъ смерти* благодаря этой силѣ, авторъ долженъ былъ бы вызвать къ себѣ довѣріе въ томъ смыслѣ, что онъ кое-что лично знаетъ объ этомъ.

Если же все это кажется столь *ненаучнымъ*, что даже не стоитъ обращать на это вниманія, тогда пусть наука объяснитъ, какими механическими и физическими законами обуславливаются явленія, недавно произведенныя такъ называемымъ двигателемъ Кили (Keely). Что это такое, что дѣйствуетъ, какъ страшный возбудитель хотя и невидимой, но ужасной силы, способной не только приводить въ движеніе машину въ 25 лошадиныхъ силъ, но даже послужившей на то, чтобы поднять самую машину на воздухъ? И это достигается просто тѣмъ, что проводятъ смычкомъ по камертону, какъ это доказывалось неоднократно. На самомъ дѣлѣ, эфирная сила, открытая Джономъ Уореллемъ Кили изъ Филадельфіи, хорошо извѣстнымъ въ Америкѣ и Европѣ, не есть обманъ чувствъ. Не смотря на неудачу утилизировать ее — неудачу, которую предсказывали и на которой настаивали нѣкоторые оккультисты съ самаго начала—явленія, произведенныя изобрѣтателемъ за послѣдніе года, были удивительны, почти чудесны, не въ смыслѣ *сверхъестественнаго* ¹⁾, а въ смыслѣ *сверхчеловѣческаго*. Если бы было позволено Кили достигнуть успѣха,

¹⁾ Слово „сверхъ-естественный“ означаетъ нѣчто *выше или вне* природы. Природа и Пространство одно. Теперь Пространство для метафизика находится внѣ какого бы то ни было чувственнаго акта и есть чисто субъективное представленіе, несмотря на усиліе матеріализма, желающаго во что бы то ни стало связать его съ тѣми или иными данными чувственнаго порядка. Для нашихъ чувствъ оно вполне субъективно, когда оно берется отдѣльно отъ какого бы то ни было его содержанія. Если такъ, то какъ же могло бы какое-нибудь явленіе или что-либо иное выйти изъ границъ или происходить внѣ того, что не имѣетъ предѣловъ? Но когда пространственная протяженность становится простой концепціей и приводится въ связь съ какимъ-нибудь представленіемъ о дѣйствіяхъ, какъ это дѣлаютъ матеріалисты и физики, тогда едва ли они имѣютъ право опредѣлять и присваивать то, что можетъ или не можетъ быть произведено силами, возникшими даже и въ ограниченномъ пространствѣ, такъ какъ у нихъ нѣтъ даже и приблизительной идеи о томъ, чѣмъ являются эти силы.

онъ могъ бы въ нѣсколько секундъ превратить цѣлую армію въ пыль такъ же легко, какъ онъ это сдѣлалъ съ мертвымъ быкомъ.

Читателя приглашаютъ теперь обратить серьезное вниманіе на это новооткрытое могущество, которое изобрѣтатель назвалъ интер-эфирною силою или силами.

По смиренному мнѣнію оккультистовъ, такъ же, какъ и ближайшихъ его друзей, Кили былъ и до сихъ поръ находится у порога одной изъ величайшихъ тайнъ вселенной, той, на которой главнымъ образомъ зиждется цѣлкомъ тайна физическихъ силъ и эзотерическое значеніе символизма о „міровомъ яйцѣ“. Оккультная философія, смотрящая на проявленный и непроявленный космосъ, какъ на *Единое*, символизируетъ идейную концепцію перваго помощью „золотого яйца“, о двухъ полюсахъ. Положительный полюсъ тотъ, который дѣйствуетъ въ проявленномъ мірѣ матеріи, тогда какъ отрицательный затеривается въ невѣдомой абсолютности *Самъ* — Бытности (*Veness*¹⁾). Согласуется ли это съ философіей Кили, мы не можемъ сказать, да это и не важно. Тѣмъ не менѣе, его взгляды относительно эфирно-матеріальнаго строенія вселенной походятъ страннымъ образомъ на наши собственные, будучи *въ томъ отношеніи* почти тождественными. Вотъ, что онъ говоритъ въ удачной брошюрѣ, составленной г-жею Блумфильдъ-Муръ, американкой, обладающей состояніемъ и положеніемъ въ обществѣ, и такимъ неуклоннымъ стремленіемъ къ истинѣ, что его было бы трудно въ достаточной мѣрѣ оцѣнить:

Кили, объясняя работу своей машины, говорить: «При проектированіи какой бы то ни было машины, построенной до сего времени, ни разу не была найдена возможность примѣнить нейтральный центръ. Если бы это случилось, затрудненія изобрѣтателей «перпетуумъ мобиле» окончились бы, и эта проблема сдѣлалась бы установленнымъ и дѣйствующимъ фактомъ. Было бы достаточно предварительнаго импульса въ нѣсколько фунтовъ для такого аппарата, чтобы заставить его двигаться вѣками. Задумывая свою вибраціонную машину, я не пытался достичь вѣчнаго движенія;

1) Неправильно, говоря объ идеализмъ, представлять его основывающимся на „старомъ онтологическомъ доказательствѣ, по которому вещи или сущности существуютъ независимо одна отъ другой и иначе, чѣмъ какъ условія отношеній“ (Сталло). Во всякомъ случаѣ неправильно говорить такъ объ идеализмъ въ восточной философіи, и о *ею* познаніяхъ, потому что оно какъ разъ наоборотъ.

но образованъ круговоротъ, который дѣйствительно имѣетъ *нейтральный центръ* и который находится въ такомъ положеніи, что можетъ быть оживляемъ посредствомъ моего вибрирующаго эфира и пока онъ находится подѣ дѣйствіемъ упомянутой субстанции, онъ на самомъ дѣлѣ представляетъ машину, въ силу своихъ свойствъ независящую отъ массы (или шара ¹⁾) и поразительная быстрота вибрирующаго круговорота обуславливаетъ это. Все же, при всемъ своемъ совершенствѣ, онъ требуетъ того, чтобы его питали вибрирующимъ эфиромъ, для того, чтобы сдѣлать изъ него независимый двигатель... Всѣ сооруженія требуютъ основанія, прочность котораго находится въ соотвѣтствіи съ тяжестью массы, которую ему предстоитъ нести, тогда какъ основанія вселенной покоятся на пустой точкѣ, значительно меньшей, чѣмъ молекула, или, если выражать эту истину надлежащимъ образомъ, то на *интер-эфирной точкѣ*, которая требуетъ безконечнаго ума, чтобы быть понятой. Смотрѣть въ бездны эфирнаго центра совершенно то же, что изслѣдовать обширное пространство небснаго эфира въ поискахъ конца, съ той разницей, что одно есть положительное поле, тогда какъ другое есть отрицательное поле».

Это, какъ не трудно видѣть, соотвѣтствуетъ вполнѣ восточному ученію. Интер-эфирная точка Кили есть точка лайя оккультистовъ; послѣдняя, однако, не требуетъ „безконечнаго ума, чтобы быть понятой“, но лишь особой интуиціи и способности, чтобы опредѣлить то мѣсто, гдѣ она скрывается въ этомъ мірѣ матеріи. Само собою, нельзя создать *центръ-лайя*, но *интер-эфирную пустоту* можно образовать, какъ это доказано возможностью вызывать колокольный звонъ въ пространствѣ ²⁾. Кили, тѣмъ не менѣе, разсуждаетъ, какъ безсознательный оккультистъ, когда онъ замѣчаетъ въ своей теоріи планетарнаго движенія:

Что касается объема планетъ, намъ бы хотѣлось спросить, съ научной точки зрѣнія, какъ можетъ существовать огромная разница въ объемѣ планетъ, не нарушая гармоническаго дѣйствія, которое ихъ всегда характеризовало? Я могу отвѣтить на этотъ вопросъ надлежащимъ образомъ только путемъ послѣдовательнаго анализа, начавши съ вращающихся эфирныхъ центровъ, утвер-

¹⁾ Независящую, въ извѣстномъ смыслѣ, но не то, чтобы *не находящуюся съ нею въ связи*.

²⁾ По всей вѣроятности здѣсь имѣется въ виду слышанная всѣми присутствующими музыка, которая очень часто сопровождала Е. П. Блаватскую. См. Old Diary Leaves, H. S. Olcott. *Прим. ред.*

Stanford University Libraries

3 6105 004 900 994

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

Stanford University Libraries

3 6105 004 900 994

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

--	--

